

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2021
Volume 20. No. 1

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021
Том 20. № 1

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2021. Vol. 20. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: Law to Guard Human Health and Sustainable Business Environment

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФЦ77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof., Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *E.O. Osadchenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Bezbakh* (Moscow); Prof., Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof., Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*

Making up *Yu.A. Uskova*

Technical editing: *S.A. Astakhova*,

N.M. Vishnyakova, Yu.I. Nedelkina, E.S. Reshetnikova

Passed for printing Febr. 15, 2021.

Date of publication: Apr. 2, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15.7. Published pages 16.9.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–62).

Order 52. «C» 3.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

© Volgograd State University, 2021

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.volsu.com>

English version of the website: <https://j.volsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2021. Т. 20. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

**Главная тема номера: «Право на страже здоровья человека
и экологически чистой предпринимательской среды»**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иншакова – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Э.О. Осадченко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Безбах (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварардо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редактор английских текстов Ю.В. Чеметева

Верстка Ю.А. Усковой

Техническое редактирование С.А. Астаховой,
Н.М. Вишняковой, Ю.И. Неделькиной, Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 15.02.2021 г.

Дата выхода в свет: 02.04.2021 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,7.
Уч.-изд. л. 16,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–62 экз.).
Заказ 52. «С» 3.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

Е-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48

Е-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Иншакова А.О.</i> Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы	6
--	---

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Яковлева О.А.</i> Уголовно-правовая оценка общественно опасных последствий экологических преступлений (на примере незаконной рубки лесных насаждений) ...	14
<i>Аблятипова Н.А., Кравцова А.А.</i> Технически сложные товары в контексте прав потребителя при обнаружении в товаре недостатков	19
<i>Сарычев А.В., Архипцев И.Н., Караулова Е.А.</i> Правовые аспекты предупреждения распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации: новеллы законодательства и их особенности	27
<i>Лебедева Ю.В.</i> Правовой механизм обращения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива в праве ЕС	39
<i>Мурсалиев А.О. оглы.</i> Международно-правовые принципы охраны окружающей среды в применении к формированию международной природоохранной организации Каспийского моря ...	45

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Гаврилова Ю.А.</i> Об эволютивном толковании в российском праве	50
<i>Казаченков С.Д.</i> Налоговые системы Российской Федерации и США в контексте принципа справедливости налогообложения	56
<i>Мельниченко Р.Г.</i> Юридический язык: постановка проблемы	62
<i>Слободчикова С.Н.</i> Конституционная проблематика общероссийского голосования	68
<i>Терехов Е.М.</i> Интерпретационные нормы: понятие и правовая природа	73
<i>Боков Ю.А.</i> Указ короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 г.: нормативное содержание и практика реализации	79

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Балтутите И.В.</i> Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики	86
<i>Вавилова Е.М.</i> Основы определения стоимости арендной платы государственной недвижимости Российской Федерации	94

<i>Казаченок О.П.</i> Воздействие цифровых технологий на правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности	99
--	----

<i>Кайль Я.Я., Усанова В.А.</i> Раздел совместно нажитого имущества бывших супругов в случае смерти одного из них: правовое регулирование и правоприменительная практика	105
--	-----

<i>Чурилов А.Ю.</i> Смарт-контракты и принципы обязательственного права	113
---	-----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Дербишева О.А.</i> Проблемы процедуры медиации в гражданском судопроизводстве	118
--	-----

<i>Тарасов А.А.</i> Очевидное и не очевидное в свидетельском иммунитете (опыт сравнительно-правового анализа)	124
---	-----

<i>Шарипова А.Р.</i> Стандарты доказанности как основания различий в регулировании сходных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса	130
---	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Галушко Д.В.</i> Международные интеграционные организации и суверенитет государств-членов	137
--	-----

<i>Русакова Е.П., Йонг Домингес Э.Х.</i> Распространение арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны: уроки сравнительного права	144
--	-----

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

<i>Щелконогова Е.В.</i> Система оснований освобождения лица от правовых последствий совершения преступления	155
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Рыжик А.В., Бочков А.А.</i> Аннотация на монографии «Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Особенности криминалистического обеспечения расследования бизнес-преступлений: теоретический и прикладной аспекты» Дмитриевой Татьяны Федоровны	161
---	-----

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

<i>Inshakova A.O.</i> Legal Adaptation in the Context of the Impact of the Industrial Revolution on Business Activity and the Key Components of the Ecosystem	6
---	---

MAINSTREAM ISSUE

<i>Yakovleva O.A.</i> The Criminal Evaluation of Socially Dangerous Consequences of Environmental Crimes (Through the Example of Illegal Logging of Forest Stands)	14
<i>Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A.</i> Technically Sophisticated Goods in the Context of Consumer Rights when Defects are Detected in the Good	19
<i>Sarychev A.V., Arkhiptsev I.N., Karaulova E.A.</i> The Legal Aspects of Preventing the Spread of the Coronavirus Infection in the Russian Federation: The Legislative Novelties and Their Features	27
<i>Lebedeva Yu.V.</i> The Legal Mechanism for the Management of Radioactive Waste and Spent Nuclear Fuel in EU Law	39
<i>Mursaliev A.O. oghy.</i> The International Legal Principles of Environmental Protection in the Application to the Formation of the International Environmental Organization of the Caspian Sea	45

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

<i>Gavrilova Ju.A.</i> On Evolutive Interpretation in Russian Law	50
<i>Kazachenkov S.D.</i> The Tax Systems of the Russian Federation and the United States in the Context of the Principle of Tax Fairness	56
<i>Melnichenko R.G.</i> Legal Language: The Problem Statement	62
<i>Slobodchikova S.N.</i> The Constitutional Problems of the All-Russian Vote	68
<i>Terekhov E.M.</i> Interpretative Norms: The Concept and Legal Nature	73
<i>Bokov Yu.A.</i> Decree of the King of Prussia "On the Election of Deputies of the Second Chamber" of May 30, 1849: The Normative Content and Implementation Practice	79

PRIVATE LAW REGULATION ISSUES: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Baltutite I.V.</i> The Legal Regulation of Real Estate Turnover in the Context of Digitalization of the Russian Economy	86
<i>Vavilova E.M.</i> The Fundamentals of Determining the Rental Charge for the State-Owned Real Estate in the Russian Federation	94

<i>Kazachenok O.P.</i> The Impact of Digital Technologies on the Legal Regime for the Protection of Personal Data in Banking	99
--	----

<i>Kail Ya.Ya., Usanova V.A.</i> The Division of Jointly Acquired Property of Deceased Spouses in the Event of the Death of One of Them: The Legal Regulation and Law Enforcement Practice	105
--	-----

<i>Churilov A.Yu.</i> Smart Contracts and the Principles of the Law of Obligations	113
--	-----

ADJECTIVE LAW: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Derbisheva O.A.</i> The Problems of Mediation Procedure in Civil Proceedings	118
---	-----

<i>Tarasov A.A.</i> Obvious and not Obvious in Witness Immunity (The Experience of the Comparative Legal Analysis)	124
--	-----

<i>Sharipova A.R.</i> The Standards of Proof as the Basis for Differences in the Regulation of Similar Institutions of Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings	130
--	-----

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

<i>Galushko D.V.</i> International Integration Organizations and the Sovereignty of Member States	137
---	-----

<i>Rusakova E.P., Young Dominguez E.J.</i> The Extension of the Arbitration Clause to Non-Signatories: Lessons from Comparative Law ...	144
---	-----

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

<i>Shchelkonogova E.V.</i> The System of Grounds for Exempting a Person From the Legal Consequences of a Crime	155
--	-----

CRITISISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Ryzhik A.V., Bochkov A.A.</i> Annotation of the Monographs "Technical and Forensic Support for the Crime Scene Investigation", "Forensic Support for the Crime Scene Investigation", "Features of Forensic Support for the Investigation of Business Crimes: Theoretical and Applied Aspects" by Tatyana F. Dmitrieva	161
--	-----

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>

UDC 347:346.26

LBC 67.404.91

LEGAL ADAPTATION IN THE CONTEXT OF THE IMPACT OF THE INDUSTRIAL REVOLUTION ON BUSINESS ACTIVITY AND THE KEY COMPONENTS OF THE ECOSYSTEM

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. The paper is an overview of the themes selected for the main topic of the issue, their relevance and the validity of the research conducted in the journal for the legislation and law enforcement practice in the context of the industrial revolution and the need for greening modern business. In addition, the author explains the editorial board's choice of the main topic of the next issue of the legal journal of Volgograd State University "LegalConcept = Legal paradigm" under the title "The right to protect human health and an environmentally friendly business environment". The objective need for the technology development of the intensive involvement of the potential of Russian environmental entrepreneurship in the industrial revolution processes is substantiated. The most important tasks are identified, which are addressed by the developments in the legal regulation of the digitalization processes of environmental entrepreneurship in Russia. The author lists a set of measures that, in the author's opinion, are of primary importance for ensuring these processes. It is noted that the topic proposed for development is closely related to the formation of scientific and technological foundations that ensure the economic growth and social development of the Russian Federation. The state of scientific and technological progress achieved by modern society is manifested by the widespread use of digital technologies in various areas of production, business management, the provision of services in medicine, the banking sector, and the social sphere. It is proved that comfortable life, the security of the processes through qualitatively new regulatory approaches, the state security, including cybersecurity, overcoming the adverse effects due to natural disasters, as well as the introduction of biotechnology, entailing the appearance of unknown infectious diseases and viruses, preventing man-made disasters – these and many other goals and objectives can't be achieved now or get a solution without the use of digital information technologies. It is also impossible to ignore the studies of the society and nature interaction, the cross-sectoral impact of modern technology in the field of renewable energy, the turnover of energy resources and energy efficiency improvement on the environment, the life and health of citizens, the public and state institutions designed to participate in the protection of the environment which corresponds to the solution of the specific objectives set in the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation. According to the author, the studies of the dynamics of interaction between the economic and legal institutions in the field of renewable energy development, the turnover of energy resources, and energy efficiency improvement will contribute to the expansion in renewable energy as one of the "green" sectors of the economy.

Key words: industrial revolution, telecommunications technologies, Internet of things, wireless technologies, environment, human health, ecological system, ecological entrepreneurship, "green" sectors of the economy, energy resources, energy efficiency, renewable energy sources.

Citation. Inshakova A.O. Legal Adaptation in the Context of the Impact of the Industrial Revolution on Business Activity and the Key Components of the Ecosystem. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 6-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>

УДК 347:346.26
ББК 67.404.91

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

ПРАВОВАЯ АДАПТАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ВЛИЯНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ЭКОСИСТЕМЫ

Аннотация. Статья представляет собой обзор выбранных для главной темы номера тематик, их актуальности и обоснованности проведенных в журнале исследований для законодательства и правоприменительной практики в условиях промышленной революции и необходимости экологизации современного бизнеса. Кроме того, автор аргументирует выбор редакционной коллегии главной темы очередного номера юридического журнала Волгоградского государственного университета «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Право на страже здоровья человека и экологически чистой предпринимательской среды». Обосновывается объективная необходимость развития технологий интенсивного вовлечения потенциала российского экологического предпринимательства в процессы промышленной революции. Обозначены важнейшие задачи, на решение которых направлены разработки в сфере правового регулирования процессов цифровизации экологического предпринимательства в России. Перечисляется комплекс мер, которые, по мнению автора, являются первоочередным для обеспечения этих процессов. Отмечается, что предлагаемая к разработке тема тесно связана с формированием научных и технологических заделов, обеспечивающих экономический рост и социальное развитие Российской Федерации. Достигнутое современным обществом состояние научно-технического прогресса проявляется широким использованием цифровых технологий в различных сферах производства, управления бизнесом, оказания услуг в медицине, банковском секторе, социальной сфере. Доказано, что комфортные условия жизни человека, защищенность процессов через качественно новые регулятивные подходы, обеспечение безопасности государства, в том числе кибербезопасности, преодоление неблагоприятных последствий вследствие природных катаклизмов, а также в результате внедрения биотехнологий, влекущих за собой появление неизученных инфекционных заболеваний и вирусов, предупреждение техногенных катастроф – эти и масса других целей и задач не могут ныне достигаться или получать решение без применения цифровых информационных технологий. Нельзя обойти вниманием и исследования взаимодействия общества и природы, межотраслевого воздействия современных технологий в сфере ВИЭ, оборота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности на состояние окружающей среды, жизнь и здоровье граждан, состояние общественных и государственных институтов, призванных участвовать в охране окружающей среды, соответствует решению конкретных задач, поставленных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. По мнению автора, исследования динамики взаимодействия экономических и правовых институтов в сфере развития ВИЭ, оборота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности будут способствовать расширению ВИЭ как одного из «зеленых» секторов экономики.

Ключевые слова: промышленная революция, телекоммуникационные технологии, интернет вещей, беспроводные технологии, окружающая среда, здоровье человека, экологическая система, экологическое предпринимательство, «зеленые» секторы экономики, энергетические ресурсы, энергоэффективность, возобновляемые источники энергии.

Цитирование. Иншакова А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.1>

В условиях промышленной революции развитие технологий интенсивного вовлечения потенциала российского экологического предпринимательства, а также теоретических понятий и концептуальных основ его правового регулирования является необходимым усло-

вием, обеспечивающим устойчивый экономический рост Российской Федерации.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что охрана окружающей среды не может быть эффективна только посредством мер, предпринимаемых органами публичной

власти. Для достижения поставленной в Конституции РФ цели – обеспечения права каждого на благоприятную окружающую среду – необходимо задействовать финансовый и творческий потенциал российского бизнеса, создать условия, при которых гражданам будут продаваться товары и оказываться услуги, не влияющие негативно на их здоровье и не разрушающие экосистемы, находящиеся в ряде регионов в критическом состоянии. В этой связи остро необходимо специальное экономико-правовое регулирование экологического предпринимательства, предусматривающее превентивно-профилактические механизмы нейтрализации возможных негативных воздействий индустриальной экономики и неоиндустриальные сквозные технологии развития низкоуглеродной, ресурсосберегающей и социально инклюзивной модели «зеленой» экономики». В России уже накоплен небольшой теоретический и практический опыт государственного стимулирования предпринимательской деятельности в области охраны окружающей среды, однако и научные исследования, и предоставление субсидий и льгот предпринимателям, внедряющим наилучшие доступные технологии, осуществляется достаточно бессистемно, отсутствует комплексный подход к пониманию приоритетных направлений взаимодействия государства и бизнеса. Не получили отражение в законодательстве и правоприменительной практике и средства противодействия новым экологическим угрозам, включая глобальное изменение климата, незначительность производства экологически чистой (органической) продукции, внедрения новых технологий производства электроэнергии из возобновляемых источников, новых способов переработки отходов и т. д. Также отсутствует правопорядок интенсивного внедрения и применения неоиндустриальных цифровых технологий, включая дистанционно-цифровые способы осуществления инвестиций, обеспечивающие ускоренное развитие «зеленой» экономики в современной России. В решении всех этих проблем в ряде зарубежных стран принимают активное участие экологические предприниматели, для которых созданы надлежащие условия работы. Данный опыт может представлять интерес и для России, с учетом особенностей ее правовой системы и

состояния окружающей среды. Развитие системы экологического предпринимательства, выявление ее основных элементов и разработка мер государственной и частной инвестиционной поддержки, в том числе посредством института государственно-частного партнерства, позволит дать комплексный ответ на глобальные вызовы современности, улучшить состояние окружающей среды, сформировать на государственном уровне управленческий алгоритм применения сквозных технологий для расширения «зеленых» секторов экономики.

Исследования, представленные в главной теме очередного номера юридического журнала Волгоградского государственного университета «Legal Concept = Правовая парадигма» под названием «Право на страже здоровья человека и экологически чистой предпринимательской среды», направлены на решение важнейших задач современной России, которые решаются посредством запущенных процессов цифровизации экологического предпринимательства. Комплекс мер, обеспечивающих эти процессы, включает: подготовку специализированных кадров; значительные финансовые затраты на обслуживание цифровых технологий; маркетинг экологически ориентированных предприятий и организаций, а также экологических товаров, работ и услуг; формирование экологической составляющей потребительских предпочтений; развитие «зеленой» экономики и «зеленых» инвестиций и финансовых инструментов, посредством которых осуществляется финансирование развития промышленности и сельскохозяйственных проектов. Предполагаемые результаты создадут условия для системного подхода к изменению вектора российской экономики в сторону экорынка и экобизнеса, определят перспективные направления совершенствования российской нормативно-правовой базы, которая в настоящее время практически отсутствует в области экологического предпринимательства на государственном уровне.

Глубокая проработка предлагаемой редакционной коллегией темы научного исследования должна привести к выявлению новых «точек соприкосновения» юриспруденции и экономики, определить перспективные направления осуществления инвестиций в сфере развития системы возобновляемых источников

энергии, оборота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности, помочь спрогнозировать позитивный экономический эффект от внедрения новых экологически чистых технологий, создать условия для выполнения Российской Федерацией своих международных обязательств в области охраны окружающей среды. Предлагаемые решения должны быть направлены на создание условий и стимулов повышения энергоэффективности и обеспечения энергетической и экологической безопасности Российской Федерации. Полагаем, что полученные результаты должны обеспечить баланс частных и публичных интересов в сфере развития сектора возобновляемых источников энергии (ВИЭ), оборота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности, определить перспективные направления совершенствования российского законодательства. В современных условиях вопросам развития экологического предпринимательства и его отдельных элементов (экологический туризм, обращение с отходами, строительство экологических зданий и т. д.) уделено достаточно внимания в мировой и российской экономической науке, однако отсутствуют четкие механизмы реализации этих предложений, отсутствует понимание основных этапов процесса применения сквозных технологий для развития низкоуглеродной, ресурсосберегающей и социально инклюзивной модели «зеленой» экономики.

Предлагаемый проект тесно связан с формированием научных и технологических заделов, обеспечивающих экономический рост и социальное развитие Российской Федерации. Решение конкретных задач, поставленных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, предполагает сбор эмпирических данных о сложившейся ситуации в сфере взаимодействия общества и природы, межотраслевого исследования воздействия современных технологий в сфере ВИЭ, оборота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности на состояние окружающей среды, жизнь и здоровье граждан, состояние общественных и государственных институтов, призванных участвовать в охране окружающей среды. Исследования динамики взаимодействия экономических и правовых институтов в сфере развития ВИЭ, обо-

рота энергетических ресурсов и повышения энергоэффективности будут способствовать расширению ВИЭ как одного из «зеленых» секторов экономики.

Достигнутое современным обществом состояние научно-технического прогресса проявляется широким использованием цифровых технологий в различных сферах производства, управления бизнесом, оказания услуг в медицине, банковском секторе, социальной сфере. Комфортные условия жизни человека, защищенность процессов через качественно новые регулятивные подходы, обеспечение безопасности государства, в том числе кибербезопасности, преодоление неблагоприятных последствий вследствие природных катаклизмов, а также в результате внедрения биотехнологий, влекущих за собой появление неизученных инфекционных заболеваний и вирусов, предупреждение техногенных катастроф – эти и масса других целей и задач не могут ныне достигаться или получать решение без применения цифровых информационных технологий. В данной связи широкий спектр вопросов развития и обеспечения цифровой инфраструктуры в различных сферах общественной жизнедеятельности не может остаться вне внимания: от технологий виртуальной реальности, создания инновационных структур, использующих, в частности, технологии дополненной реальности, кросс-отраслевых решений, механизмов управления и использования ресурсов, описания сквозных технологий, применяемых в целях контроля за трансграничным движением капитала как на мировом, так и на внутригосударственном уровне, новых технологий и новых механизмов коммуникации участников судебного процесса в судебную систему и т. д.

Конкурентными преимуществами и уникальностью такого рода разработок должны стать, прежде всего, изучение не самих технологий 4:0, а правового регулирования экологического предпринимательства и инноваций с применением этих технологий. В связи с этим необходима выработка комплексного подхода к исследованию правовых механизмов развития цифровых технологий в регулировании экологического предпринимательства. Теоретическая разработка стандартов межотраслевого взаимодействия позволит выстроить сбалансированную систему механизмов пра-

вового регулирования всех сфер экологического предпринимательства, более адекватно отобразить в предложенных проектах федеральных законов основные элементы экономического стимулирования охраны окружающей среды и поддержки экологического и инновационного предпринимательства.

При формировании теоретической модели государственного регулирования и поддержки экологического предпринимательства в России, включающей механизмы и сквозные технологии обеспечения его вклада в сохранение и восстановление окружающей среды и охрану природных ресурсов в качестве первоочередных задач, должны выступать: выявление особенностей подготовки программных политико-правовых документов в области развития экологического предпринимательства, позволяющих найти баланс между экономическими, экологическими и социальными интересами граждан, бизнеса и государства; обоснование комплекса сквозных технологий по сохранению и восстановлению окружающей среды и охране природных ресурсов; определение наиболее эффективных неиндустриальных технологий, включая дистанционно-цифровые способы осуществления инвестиций, обеспечивающих ускоренное развитие «зеленой» экономики в Российской Федерации; разработка нового организационного (управленческого) механизма государственной поддержки экологического предпринимательства в Российской Федерации и субъектах РФ; выявление приоритетных экономико-правовых механизмов инвестирования экологического предпринимательства посредством цифровых технологий в Российской Федерации и субъектах РФ; разработка Концепции развития правового регулирования «зеленой» экономики и определение перечня мер по ее государственной поддержке на федеральном и региональном уровнях; подготовка проекта федерального закона «О мерах государственной поддержки экологического предпринимательства».

Влияние промышленной революции на экосистему трудно переоценить. Популярность, широкое распространение и растущая зависимость от беспроводных технологий породили телекоммуникационную промышленную революцию, развитие интернета вещей (IoT), который обеспечивает нам более ком-

фортный образ жизни с массивной взаимосвязанной телекоммуникационной сетью 5G. Вместе с тем расширение широкополосной связи с помощью более коротковолнового радиочастотного излучения вызывает еще большую озабоченность ученых, связанную с вопросами здоровья человека и безопасности для окружающей среды. Еще не закончены споры относительно всех последствий, которые влекут за собой современные беспроводные технологии 2G, 3G и 4G, еще не изучены до конца технологии, способные их нивелировать. Между тем уже приходится задумываться и о технологиях 5G, которые еще гораздо менее изучены с точки зрения воздействия на человека или окружающую среду. Исследователи утверждают, что добавление дополнительного высокочастотного излучения 5G к уже сложному сочетанию более низких частот будет способствовать негативным последствиям для общественного здравоохранения как с точки зрения физического, так и психического здоровья человека [5]. Радиочастотное излучение также все чаще признается сильной, до конца неизученной формой загрязнения окружающей среды. Не только представителям технических наук необходимо задумываться о проблемах общественного здравоохранения при продвижении новых беспроводных технологий. Ученые отмечают, что пройдут годы или десятилетия, прежде чем станут известны истинные последствия для здоровья человека [5].

Если проанализировать негативные последствия различных влияний промышленной революции через предпринимательскую деятельность, то можно отметить серьезные изменения в различных ее отраслях. Так, информационные технологии во многом способствовали развитию туризма. Между тем мобильные терминалы и коммуникационные технологии в последние годы также полностью изменили и его бизнес-модель, и его структуру, в связи с чем возникли вполне закономерные негативные последствия для экологической среды. По мнению ученых, технологии, вызвавшие такие негативные последствия, могут способствовать и развитию мер по противодействию им. Например, сегодня широко обсуждаются меры противодействия негативным влияниям на экологическую среду на ос-

нове больших данных. Однако уже понятно, что чрезмерно интенсивная деятельность по развитию туристических ресурсов нанесет непоправимый экологический ущерб. Таким образом, предлагается перед эксплуатацией и использованием туристических ресурсов анализировать и оценивать «выносимость» конкретной окружающей среды региона, чтобы минимизировать негативное воздействие на нее вследствие развития туризма [2]. Обеспечить юридическую обязательность выполнения и применения разработанных мер по соблюдению баланса между повышенными бизнес-эффектами и сохранением здоровой экосистемы призвано право.

Можно привести в пример и последствия, связанные с влиянием бизнес-среды на экологию и в сфере судоходной отрасли и повышением ее производительности в условиях современной мировой торговли. Морские перевозки подразумевают физическое перемещение грузов от мест производства к местам потребления. Хотя морские перевозки полезны для мировой торговли, а также для экономического развития стран, связанные с ними действия могут нанести вред окружающей среде, например, CO₂, выбросы и сброс балластных вод. В результате растет обеспокоенность общественности по поводу экологического ущерба, причиняемого судоходством при обслуживании международной торговли. Чтобы сбалансировать защиту окружающей среды и повышение эффективности бизнеса, судоходным компаниям следует уделять больше внимания экологическим и финансовым последствиям своей деловой практики. Ученые работают над концепцией экологичности и относительности производительности (GPR), а также анализируют взаимосвязь мер по экологизации с производительностью компаний, участвующих в морских перевозках. Утверждается, что существует положительная связь между экологизацией и эффективностью деятельности компаний в сфере морских перевозок с применением новых технологий. Доказано, что судоходные компании обладают достаточно широкими возможностями благодаря технологиям Индустрии 4:0 [4].

В исследованиях приоритетов в деятельности предпринимательской среды, ори-

ентированной на технологии Индустрии 4:0, была представлена аналитика мнений руководителей бизнес-лидеров. Так, пять руководителей торговых палат и десять руководителей бизнеса поделились своим мнением о том, какое значение они придают здоровью в своем бизнесе и в обществе в целом. В результате здоровье сотрудников было выделено как главный приоритет среди бизнес-лидеров. Многие руководители признали прямую роль здоровья в производительности и доходах их бизнеса [1]. По сравнению со здоровьем сотрудников, здоровье сообщества не было столь значительным для этих бизнес-лидеров; однако они признают связь между здоровьем населения и экономическим развитием. Повышение участия бизнес-лидеров в улучшении здоровья населения потребует не только дополнительного образования и ресурсов, но и правовой регламентации этих процессов.

Вспышка эпидемии COVID-19 угрожает здоровью всех людей и требует безотлагательного внимания и активных ответных действий всех стран и всех слоев общества [3]. Ученые по всему миру все чаще задаются вопросом – может ли право сыграть значительную роль в сдерживании пандемии и болезненного образа жизни? Может ли существовать жизнеспособный международно-правовой инструмент, который поддерживал бы целенаправленную политику по сдерживанию эпидемий [6]. Полагаем, такой инструмент необходимо активно продвигать и обсуждать с широким кругом заинтересованных сторон, ориентируясь на сложную международную структуру существующих норм и противоречивых, мощных интересов.

В рубрике «Главная тема номера» представлены научные исследования, посвященные: уголовно-правовой оценке общественно опасных последствий экологических преступлений; технически сложным товарам в контексте прав потребителя при обнаружении в них недостатков; законодательным новеллам предупреждения распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации; правовым механизмам обращения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива в праве ЕС; международно-правовым принципам охраны окружающей среды в

применении к формированию международной природоохранной организации Каспийского моря.

Примечательно, что в представленном номере реализовано расширенное межвузовское сотрудничество 15 ведущих научных школ страны. В перечне вузов, с которыми аффилированы авторы номера: Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал); Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); Донецкая академия внутренних дел (Министерство внутренних дел Донецкой Народной Республики); Ростовский государственный экономический университет; Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России); Российский университет дружбы народов (г. Москва); Байкальский государственный университет (г. Иркутск); Башкирский государственный университет (г. Уфа); Саратовская государственная юридическая академия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоградский филиал); Томский государственный университет; Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Business leaders' attitudes about value of employee and community health / M. Heffernan, M. Meit, M. Powers, B. C. Castrucci, K. Sellers // *Journal of Public Health Management and Practice*. – 2020 (1 September). – Vol. 26, iss. 5. – P. 493–496.
2. Cheng, W. Research on the impact of tourism development on regional ecological environment and countermeasure based on big data / W. Cheng, Y. Zhang // *Boletin Tecnico/Technical Bulletin*. – 2017. – Vol. 55, iss. 7. – P. 464–470.
3. Fang, G. Legislation advancement of one health in China in the context of the COVID-19

pandemic: From the perspective of the wild animal conservation law / G. Fang, Q. Song // *One Health*. – 2021 (June). – Vol. 12.

4. Greening and performance relativity: An application in the shipping industry / Y. H. V. Lun, K.-H. Lai, C. W. Y. Wong, T. C. E. Cheng // *Computers and Operations Research*. – 2015 (February). – Vol. 54. – P. 295–301.

5. Russell, C. L. 5G wireless telecommunications expansion: Public health and environmental implications / C. L. Russell // *Environmental Research*. – 2018 (August). – Vol. 165. – P. 484–495.

6. Stoeva, P. International norm development and change: Can international law play a meaning ful role incurring the life style disease pandemic? / P. Stoeva // *BMC International Health and Human Rights*. – 2020 (23 July). – Vol. 20, iss. 1.

REFERENCES

1. Heffernan M., Meit M., Powers M., Castrucci B.C., Sellers K. Business Leaders' Attitudes About Value of Employee and Community Health. *Journal of Public Health Management and Practice*, 2020 (1 September), vol. 26, iss. 5, pp. 493-496.
2. Cheng W., Zhang Y. Research on the Impact of Tourism Development on Regional Ecological Environment and Countermeasure Based on Big Data. *Boletin Tecnico/Technical Bulletin*, 2017, vol. 55, iss. 7, pp. 464-470.
3. Fang G., Song Q. Legislation Advancement of one Health in China in the Context of the COVID-19 Pandemic: From the Perspective of the Wild Animal Conservation Law. *One Health*, 2021 (June), vol. 12.
4. Lun Y.H.V., Lai K.-H., Wong C.W.Y., Cheng T.C.E. Greening and Performance Relativity: An Application in the Shipping Industry. *Computers and Operations Research*, 2015 (February), vol. 54, pp. 295-301.
5. Russell C.L. 5G Wireless Telecommunications Expansion: Public Health and Environmental Implications. *Environmental Research*, 2018 (August), vol. 165, pp. 484-495.
6. Stoeva P. International Norm Development and Change: Can International Law Play A meaning Ful Role Incurring the Life Style Disease Pandemic? *BMC International Health and Human Rights*, 2020 (23 July), vol. 20, iss. 1.

Information About the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.2>

UDC 343.773:502.3
LBC 67.408.133

Submitted: 14.01.2021
Accepted: 31.01.2021

THE CRIMINAL EVALUATION OF SOCIALLY DANGEROUS CONSEQUENCES OF ENVIRONMENTAL CRIMES (THROUGH THE EXAMPLE OF ILLEGAL LOGGING OF FOREST STANDS)

Olga A. Yakovleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: a criminally punishable act causes certain changes in the objects of criminal legal protection, i.e. it entails the onset of socially dangerous consequences. Specifically, this is expressed in harming the legally protected interests of the individual, society or the state, or in creating an immediate threat of harm. The consequences of environmental crimes are the result of exposure to natural objects and are harmful to nature and environmental safety. The **aim** of the work is to give a criminal evaluation of the socially dangerous consequences of environmental crimes. **Methods:** the methodological framework for the study includes a whole range of methods of scientific knowledge, among which the fundamentally important ones are the methods of system analysis, synthesis. **Results:** the paper presents a criminal-legal analysis of the socially dangerous consequences of environmental crimes. The classification of these consequences is defined. The necessity of the correct formulation in the law of the attribute characterizing the socially dangerous consequences of environmental crimes is emphasized. **Conclusions:** the consequences of environmental crimes are reflected in the object of encroachment, changes in the state of the natural environment that provides vital human interests. The socially dangerous consequences of environmental crimes are physical, economic, and environmental in nature. They act as: 1) a crime-forming feature; 2) a qualifying feature; 3) are recognized as the basis for the intersectoral differentiation of responsibility and the differentiation of criminal responsibility.

Key words: ecology, crime, environmental crimes, illegal logging, forest plantations.

Citation. Yakovleva O.A. The Criminal Evaluation of Socially Dangerous Consequences of Environmental Crimes (Through the Example of Illegal Logging of Forest Stands). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 14-18. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.2>

УДК 343.773:502.3
ББК 67.408.133

Дата поступления статьи: 14.01.2021
Дата принятия статьи: 31.01.2021

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ)

Ольга Алексеевна Яковлева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: уголовно-наказуемое деяние вызывает те или иные изменения в объектах уголовно-правовой охраны, то есть влечет наступление общественно опасных последствий. Конкретно это выражается в причинении вреда охраняемым законом интересам личности, общества или государства либо в создании непосредственной

угрозы причинения вреда. Последствия экологических преступлений являются результатом воздействия на природные объекты и представляют собой вред природе и экологической безопасности. В работе поставлена цель – дать уголовно-правовую оценку общественно опасных последствий экологических преступлений. **Методы:** в методологическую основу данного исследования входит целый комплекс методов научного познания, среди которых основополагающее значение занимают методы системного анализа, синтеза. **Результаты:** в работе представлен уголовно-правовой анализ общественно опасных последствий экологических преступлений. Определена классификация данных последствий. Подчеркнута необходимость правильного формулирования в законе признака, характеризующего общественно опасные последствия экологических преступлений. **Выводы:** последствия экологических преступлений отражаются в объекте посягательства, изменениях состояния природной среды, обеспечивающей жизненно важные интересы человека. Общественно опасные последствия экологических преступлений носят физический, экономический, экологический характер. Выступают в качестве: 1) криминообразующего признака; 2) квалифицирующего признака; 3) признаются основанием для межотраслевой дифференциации ответственности и дифференциации уголовной ответственности

Ключевые слова: экология, преступление, экологические преступления, незаконная рубка, лесные насаждения.

Цитирование. Яковлева О. А. Уголовно-правовая оценка общественно опасных последствий экологических преступлений (на примере незаконной рубки лесных насаждений) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 14–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.2>

Введение

Как известно, объективная сторона состава преступления содержит в обобщенном виде признаки объективной стороны всех преступлений одного вида. Объективные признаки разных видов конкретных составов преступлений различаются между собой. Однако на более высоком уровне их обобщения наука уголовного права выделяет то общее, что присуще объективной стороне любого состава преступления. Эти общие признаки и составляют объективную сторону общего понятия состава преступления. В нее включаются: общественно опасное деяние; преступное последствие; причинно-следственная связь между общественно опасным деянием и наступившими вредными последствиями.

Всякое преступление, посягая на тот или иной объект, причиняет ему вред, который образует преступное последствие.

Последствия экологических преступлений: во-первых, отражаются в объекте уголовно-правовой охраны, изменяя состояние природной среды; во-вторых, являются признаком объективной стороны и, как следствие, характеризуют степень общественной опасности и характер причиненного вреда [9, р. 674]. Из этого следует, что последствия в объекте и последствия в объективной стороне деяния соотносятся между собой как общее и частное, не могут быть противопостав-

лены друг другу, потому что отражают особенности единого в своей динамике преступного последствия на позитивное правоотношение [1, с. 20].

Классификация общественно опасных последствий экологических преступлений

Классификация данных последствий обусловлена: 1) содержанием общественных отношений (физический вред, экономический вред, экологический вред); 2) изменением объекта преступления (неопределенный тип вредных изменений, ухудшение качества природной среды, полная или частичная утрата природного объекта); 3) степенью внешнего проявления (угроза причинения вреда, фактическое причинение вреда). Кроме того, последствия экологических преступлений являются основанием для разграничения уголовно-наказуемого деяния и административного проступка. Являются криминообразующим и квалифицирующим признаком.

Законодательное определение общественно опасных последствий экологических преступлений

Анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за экологические преступления, показал, «термиоло-

гический спектр» описания общественно-опасных последствий. В одних случаях законодатель оперирует понятием «вред» (ст. 254 УК РФ); в других – «ущерб» (ч. 2 ст. 261 УК РФ); «размер» (ст. 260 УК РФ). Следуя логике значения слов – «вред» является объединяющим понятием для «размера» и «ущерба». Так, в словаре русского языка «вред» трактуется как порча чего-либо, ущерб [3, с. 99]. «Ущерб», как потеря, убыток, урон [3, с. 833], а «размер» – величина чего-либо, в каком-либо измерении [3, с. 640]. В этой связи представляется целесообразным законодателю оперировать понятием «вред» в интересах единообразия законодательной техники и правоприменения. В свою очередь, вред подразделяется на: физический; экономический; экологический [3, с. 8–9].

В данном случае физический выражается в причинении вреда жизни и здоровью человека. Экономический вред в изменении полезности окружающей среды, ее порчи. Он включает: 1) затраты общества в связи с изменением в окружающей среде; 2) затраты на возврат окружающей среды в прежнее состояние; 3) затраты общества в связи с безвозвратным изъятием части природных ресурсов [2, с. 195]. Экологический вред выражен в загрязнении, засорении, порче природных объектов. Экологические потери, трудно восполнимы, а порой даже и невозможны. В этой связи, при оценке общественно – опасных последствий следует учитывать не только экономический ущерб, но и экологический.

Уголовная ответственность за преступное посягательство на лесные насаждения предусмотрена в ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 260 УК РФ незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к иным насаждениям деревьев, кустарников, лиан признается уголовно наказуемым деянием в случае ее совершения в значительном размере. Как видно, законодатель в качестве обязательного признака состава преступления (основного состава) предусматривает общественно опасные последствия, а именно ущерб, причиненный лесному фонду и не входящим в лесной фонд лесам в значительном размере. В данном случае ущерб, причиненный пре-

ступлением, выступает одним из главных критериев общественной опасности. И как следствие, его размер влияет на индивидуализацию уголовного наказания. Являясь конструктивным признаком основного состава незаконной рубки лесных насаждений, ущерб требует верного и тщательного толкования, что служит основой для правильной квалификации преступного деяния.

В примечании к ст. 260 УК РФ закреплено понятие значительного размера ущерба. Таковым признается ущерб, причиненный лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утвержденным правительством Российской Федерации таксам и методике, превышающий пять тысяч рублей [5, с. 239]. В качестве такс берется кратная стоимость объема незаконно срубленной древесины.

В свою очередь, методикой исчисления размера вреда, причиненного лесам, в том числе лесным насаждениям или не отнесенным к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам вследствие нарушения лесного законодательства установлено, что размер ущерба, исчисленный в соответствии с таксами, увеличивается от 2 до 10 раз в зависимости от категории защищенности лесов, времени совершения преступления [4, п. 6–9].

Так, в результате нарушения экологических правил М. отдал распоряжение машинисту тяжелого бульдозера произвести ножом бульдозера расчистку от деревьев и кустарников «охранной» зоны и указал на границы участка «охранной» зоны, расположенного на землях особо охраняемых природных территорий. В результате данных действий были повреждены до степени прекращения роста сырорастущие древесные культуры: клен; ясень; липа; ива древовидная; крушина ломкая; бересклет бородавчатый. Ущерб государственному лесному фонду от незаконной порубки составил 130 000 рублей [7, с. 83–85]. В данном случае вред выступает как экономическая составляющая. Но вред, причиненный лесам, носит не только имущественный, но и экологический характер – процесс восстановления лесов требует длительного времени. В связи с этим необходимо принимать во внимание не только затраты на восстано-

ние окружающей среды вследствие совершения преступления, но и экологические потери. В этой связи, при оценке общественно опасных последствий незаконной рубки лесных насаждений следует учитывать экономический и экологический ущерб. В этом случае руководство таксами, утвержденными постановлением Правительства, является целесообразным для правоприменителя. При таксовом способе определения ущерба используется сумма, которую субъект обязан уплатить за единицу природного объекта. Таким образом, не только возмещается ущерб, но и наказывается правонарушитель и решается проблема оценки природного объекта, не имеющего (по своей природе) товарной стоимости. В этой ситуации дерево рассматривается не как древесина с установленной рыночной ценой, а как компонент природной среды, оказывающий влияние на окружающее пространство. Такса, в данном случае, представляет собой условную единицу оценки ущерба.

Выводы

Из вышесказанного следует вывод о том, что никаких значимых последствий за пределами объекта уголовно-правовой охраны не существует, любые преступные последствия должны ограничиваться рамками охраняемого уголовно-правовой нормы общественного отношения. Последствия экологических преступлений отражаются в объекте посягательства, изменениях состояния природной среды, обеспечивающей жизненно важные интересы человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности [6, с. 291]. Кроме того, они носят физический, экономический, экологический характер. Выступают в качестве: 1) криминообразующего признака; 2) квалифицирующего признака; 3) признаются основанием для межотраслевой дифференциации ответственности и дифференциации уголовной ответственности [8, с. 61–62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавриш, С. Б. Основные вопросы ответственности за преступления против природной среды :

автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гавриш Степан Богданович. – Харьков, 1994. – 35 с.

2. Глухов, В. В. Экономические основы экологии / В. В. Глухов, Т. П. Некрасова. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 230 с.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1964. – 900 с.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315299/ (дата обращения: 03.04.2020). – Загл. с экрана.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М. : Проспект, 2019. – 336 с.

6. Чучаев, А. И. Общественно опасные последствия экологических преступлений и дифференциация ответственности / А. И. Чучаев // Экология и уголовное право: поиск гармонии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. – Краснодар : ЭДВИ, 2011. – 612 с.

7. Яковлева, О. А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования экологических преступлений, связанных с нарушением правил охраны окружающей среды при производстве работ / О. А. Яковлева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 200 с.

8. Яковлева, О. А. Вопросы отграничения преступного загрязнения атмосферы от правонарушений и иных составов преступлений / О. А. Яковлева, Д. А. Чуйкин // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 61–66.

9. Alternative Energy in the Conditions of Cross-border Environmental Risks and Nanotechnology: The Geography of Economic and Legal Development / A. O. Inshakova, E. I. Inshakova, A. E. Epifanov, A. M. Shadzhe // Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin. Advances in Intelligent Systems and Computing. – Cham : Springer Nature. – 2020. – P. 674–685.

REFERENCES

1. Gavrish S.B. *Osnovnye voprosy otvetstvennosti za prestupleniya protiv prirodnoy sredy: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Key Issues of Responsibility for Crimes Against the Environment]. Kharkov, 1994. 35 p.

2. Gluhov V.V., Nekrasova T.P. *Jekonomicheskie osnovy jekologii* [The Economic Basis of Ecology. 3rd edition]. 3-e izd. Saint Petersburg, Piter Publ., 2003. 230 p.

3. Ozhegov S.I. *Slovar russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1964. 900 p.

4. *Postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 29.12.2018 № 1730 «Ob utverzhdenii osobennostej vozmeshhenija vreda, prichinennogo lesam i nahodjashhimsja v nih prirodnyh obektam vsledstvie narushenija lesnogo zakonodatelstva»* [Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2018 No. 1730 “On approval of the features of compensation for damage caused to forests and natural objects located in them as a result of violation of forest legislation”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_315299/ (accessed 3 April 2020).

5. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii* [Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 336 p.

6. Chuchaev A.I. Obshhestvenno opasnye posledstviya jekologicheskikh prestuplenij i differenciacija otvetstvennosti [Socially dangerous consequences of environmental crimes and differentiation of responsibility]. *Jekologija i ugolovnoe pravo: poisk garmonii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*.

Otv. red. V.P. Konjahin i M.L. Prohorova. Krasnodar, Izd-vo JeDVI, 2011. 612 p.

7. Jakovleva O.A. *Kriminalisticheskaja harakteristika i pervonachalnyj jetap rassledovaniya jekologicheskikh prestuplenij, svjazannyh s narusheniem pravil ohrany okruzhajushhej sredy pri proizvodstve rabot* [Forensic characteristics and the initial stage of the investigation of environmental crimes related to violation of the rules of environmental protection in the course of work]. Volgograd, Izdatelstvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006. 200 p.

8. Jakovleva O.A., Chujkin D.A. Voprosy otgranichenija prestupnogo zagriznenija atmosfery ot pravonarushenij i inyh sostavov prestuplenij [The issues of delimitation of criminal atmospheric pollution from offenses and other offenses]. *Pravovaja paradigma*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 61-66.

9. Inshakova A.O., Inshakova E.I., Epifanov A.E., Shadzhe A.M. Alternative Energy in the Conditions of Cross-border Environmental Risks and Nanotechnology: The Geography of Economic and Legal Development. *Artificial Intelligence: Anthropogenic Nature vs. Social Origin. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Cham, Springer Nature, 2020, pp. 674-685.

Information About the Author

Olga A. Yakovleva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgayakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6833-5005>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Яковлева, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgayakovlev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6833-5005>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.3>

UDC 347.21/347.451.031
LBC 67.404.211

Submitted: 13.01.2021
Accepted: 09.02.2021

TECHNICALLY SOPHISTICATED GOODS IN THE CONTEXT OF CONSUMER RIGHTS WHEN DEFECTS ARE DETECTED IN THE GOOD

Natalia A. Ablyatipova

Russian State University of Justice (Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Anastasia A. Kravtsova

Russian State University of Justice (Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Introduction: currently, retail sales contracts are widely used, under which technically sophisticated goods are transferred to the property, which form a special group of goods and have the specifics of the legal regulation. Meanwhile, there is no legal definition of a technically sophisticated good, and there are no regulatory criteria for this legal category. In this regard, the authors set the **goal:** to summarize the approaches developed by judicial practice on this issue, to identify what normative justification of technical sophistication is used when including goods in the List of technically sophisticated goods. **Results:** the importance of qualifying a product as technically sophisticated is investigated, the problems of qualifying goods as technically sophisticated are identified, and the reasons for determining the category of wireless devices equipped with a touch screen, two or more functions, and the absence of similar devices without a touch screen in the List of technically sophisticated products are established. **Conclusions:** based on the analysis of the legislation and the materials of judicial practice, the problems of applying the List of technically sophisticated goods and the ambiguity of the law enforcement are identified. Based on the results of the work, the authors have developed the practical proposals and recommendations for improving the legislation.

Key words: technically sophisticated goods, lack of goods, consumer rights, return of goods, purchase and sale, mobile device, telephone.

Citation. Ablyatipova N.A., Kravtsova A.A. Technically Sophisticated Goods in the Context of Consumer Rights when Defects are Detected in the Good. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 19-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.3>

УДК 347.21/347.451.031
ББК 67.404.211

Дата поступления статьи: 13.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ТЕХНИЧЕСКИ СЛОЖНЫЕ ТОВАРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ В ТОВАРЕ НЕДОСТАТКОВ

Наталья Айдеровна Аблятипова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал),
г. Симферополь, Российская Федерация

Анастасия Алексеевна Кравцова

Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал),
г. Симферополь, Российская Федерация

Введение: в настоящее время широко распространены договоры розничной купли-продажи, по которым в собственность передаются технически сложные товары, которые образуют особую группу товаров и имеют специфику правового регулирования. Между тем отсутствуют легальное определение технически

сложного товара, нормативные критерии данной правовой категории. В связи с этим авторами поставлена **цель:** обобщить выработанные судебной практикой подходы по данному вопросу, выявить, какое нормотворческое обоснование технической сложности применяется при включении товара в Перечень технически сложных товаров. **Результаты:** исследуется важность квалификации товара, как технически сложного, выявлены проблемы квалификации товаров, как технически сложных, и установлены причины определения в Перечне технически сложных товаров категории беспроводных устройств, оснащенных сенсорным экраном, двумя или более функциями и отсутствия в нем аналогичных устройств без сенсорного экрана. **Выводы:** на основе анализа законодательства и материалов судебной практики выделены проблемы применения перечня технически сложных товаров и неоднозначность правоприменения. По результатам работы авторами выведены практические предложения и рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: технически сложные товары, недостаток товара, права потребителя, возврат товара, купля-продажа, мобильное устройство, телефонный аппарат.

Цитирование. Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Технически сложные товары в контексте прав потребителя при обнаружении в товаре недостатков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 19–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.3>

Введение

В правовом регулировании отношений в области розничной купли-продажи одним из направлений поиска баланса интересов потребителей и предпринимателей выступает регулирование отношений по поводу реализации потребителем права на обмен (возврат) товара надлежащего качества и возможности реализации определенного законом объема правомочий в отношении товара, имеющего определенные недостатки качества, в том числе путем отказа от такого товара ненадлежащего качества. На сегодняшний день активно развивается экономическая сфера по производству и продаже технических товаров. Ряд технических товаров относятся к категории технически сложных товаров, что имеет значение для разрешения правоприменителем юридических вопросов, связанных договорными отношениями в сфере купли-продажи.

Следует отметить, что квалификация товара, как технически сложного имеет важное правовое значение для реализации прав потребителей при обнаружении обычного и существенного недостатка такого товара, определении требований и срока, в течение которого их может предъявить потребитель продавцу [1; 2], при этом стоит учитывать, что обоснование существенности недостатка может быть затруднительным. Проблема технически сложных товаров и реализации прав потребителей при обнаружении в таких товарах недостатков нашла свое отражение в исследованиях А.Ю. Прохорова [8], З.А. Шутихиной [16].

Проблема отсутствия легального определения правовой категории «технически сложный товар» и квалификация мобильных телефонов, смартфонов в качестве технически сложных товаров

Между тем, несмотря на важность подлежащей квалификации, правоприменителем товара в качестве технически сложного, в настоящее время отсутствуют легальное определение правовой категории «технически сложный товар» и нормативные критерии данной правовой категории.

Анализ пояснительных записок к некоторым Проектам Постановлений Правительства [9; 10], которые направлены на внесение изменений в Постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 «Об утверждении перечня технически сложных товаров» (далее – Перечень) [6], показывает, что при нормотворчестве обоснование технической сложности товара включает следующие аспекты. Первое, процесс производства таких товаров «отличается высокой технологичностью, учитывая работу специального конструкторского бюро на предприятиях, использование станков и токарных автоматов, применение разнообразных материалов и деталей, логистику, наличие необходимых высококвалифицированных кадров, проведение сертификации товаров». Кроме того, технически сложные товары, содержащиеся в п. 12 Перечня, охаракте-

ризованы, как высокотехнологичные, электрические, многофункциональные, обладающие электронным блоком электронного управления, программируемые, такие, к которым при производстве применяются сложные инженерно-конструкторские решения. Второе, указывается, что такие товары являются не менее технически сложными, чем те, которые уже наличествуют в Перечне, сопоставляются внутреннее устройство, конструкция и механизм работы с теми, которые обладают устройством, включенные в Перечень.

Непосредственно в Перечне технически сложных товаров [6] приведены наименования группы таких товаров, характеризующиеся высокой степенью обобщенности, либо содержится указание на отдельные свойства некоторых товаров данной категории. В силу отсутствия легального определения технически сложного товара правоприменитель устанавливает принадлежность спорного товара к определенной группе категории технически сложных товаров, либо наличие квалифицирующих свойств для признания товара технически сложным. Указанное влечет за собой существование в судебной практике нескольких оснований квалификации сенсорного смартфона, как технически сложного товара: п. 7 Перечня, в котором сконцентрирована группа товаров, составляющая «системные блоки, компьютеры стационарные и портативные, включая ноутбуки, и персональные электронные вычислительные машины» [6; 11]; п. 6 Перечня, в котором сгруппированы «оборудование навигации и беспроводной связи для бытового использования, в том числе спутниковой связи, имеющее сенсорный экран и обладающее двумя и более функциями» [6] (данное основание является более распространенным в практике судов) [12; 13; 14].

Кроме того, отсутствие легального определения технически сложного товара обуславливает парадоксальную зависимость квалификации в качестве технически сложного товара мобильного телефона, смартфона без сенсорного экрана (кнопочного устройства) от требований истца. Так, сроком продолжительностью по 31.12.2020 г. к правоотношениям по обмену товара надлежащего качества применяется Перечень товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену (утвержденный

Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55), где наличествует такая категория товаров, как телефонные аппараты, как одна из составляющих группы технически сложных товаров бытового назначения [5]. С учетом позиции Роспотребнадзора РФ [15] кнопочный телефон определяется как технически сложный товар. (Следует отметить, что с 01.01.2021 г. вступил в действие соответствующий Перечень, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 [7]. При этом перечисление элементов группы технически сложных товаров бытового назначения исключено).

Примечательно, что до 2021 г. сформировалась неоднозначная практика, когда мобильный телефон, смартфон без сенсорного экрана (кнопочное устройство) имеют недостаток и исходя из данного обстоятельства заявляется требование об отказе от такого товара, правоприменитель при использовании Перечня технически сложных товаров и осуществлении сопоставления с п. 6 данного Перечня, ввиду того, что, хотя устройство является беспроводным и имеет несколько функций, однако, не имеет сенсорного экрана делает вывод, что такой товар не является технически сложным [3].

Роспотребнадзором РФ разъяснено, что п. 11 Перечня непродовольственных товаров надлежащего качества не подлежащих обмену (утвержденного Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55) и Перечень технически сложных товаров служат для реализации разных целей, а именно, для исполнения положений п. 1 ст. 25 и, соответственно, положений ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 [4]. В этой связи закономерно, что положения п. 1 ст. 18 указанного закона неприменимы в отношении мобильного телефона, у которого отсутствует сенсорный экран [4]. Исходя из этого в правовом регулировании отношений в сфере розничной купли-продажи усматривается идея дифференциации по критерию отнесения товара к категории технически сложного, обусловленная поиском баланса между интересами потребителя и предпринимателя, соответственно. Установлены изъятия из общего правила реализации правомочий потребителя по двум направлениям: в отношении товара надлежащего

качества и в отношении случая, когда продавец нарушил требования, предъявляемые к качеству товара; данные изъятия отражены в обособленных Перечнях. В таком разграничении видится следующая идея: существует категория технически сложных товаров, однако, в Перечень технически сложных товаров для целей ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 включена лишь их часть.

Вместе с этим представляется, что при решении вопроса о возможности возврата мобильного телефона, смартфона стоит учитывать историю развития данной категории устройств. Изначально мобильные устройства использовались для осуществления телефонных разговоров и были без сенсорных экранов; с течением времени устройства усложнялись, дополнялись функциями фотографирования, мультимедийными функциями, мобильными играми (при этом они не были оснащены сенсорным экраном, имели небольшой объем памяти и отличались сравнительной простотой). Важным этапом в развитии техники стало появление сенсорных коммуникаторов, карманных персональных компьютеров, что предопределило последующие изменения ситуации на товарном рынке, где на сегодняшний день основным продуктом стали смартфоны, которые в основном обладают сенсорным экраном, а по своему функционалу существенно превосходят простые мобильные устройства, благодаря тому, что они оснащены определенными операционными системами, которыми чаще всего выступают iOS и Android. Можно предположить, что создание нового Перечня непродовольственных товаров надлежащего качества не подлежащих обмену, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2463 (с учетом исключения конкретизации составляющих группы технически сложных товаров), не позволит разрешить обозначенную проблему, связанную с отказом от товара с недостатком и возвратом (обменом) товара надлежащего качества. Представляется, что целесообразным является несколько иное направление совершенствования правового регулирования. В частности, для определения возможности возврата мобильного телефона, смартфон, отказаться от таковых, может быть положено разграничение именно по функцио-

нальным свойствам устройств на простые мобильные телефоны, в отношении которых не будет ограничено право на возврат (обмен), отказ от товара, и смартфоны, коммуникаторы. В данном контексте стоит обратить внимание на проблему необходимости разграничения технических товаров и технически сложных товаров, поскольку данные категории не должны быть тождественными.

**Тенденция увеличения доли
технически сложных товаров
в гражданском обороте и проблема
ограничения права потребителей
на отказ от них**

Можно предположить, что в связи с тем, что в товарном обороте становятся более распространенными беспроводные устройства, устройства, которые оснащаются сенсорным экраном, когда устройства все чаще выполняют две и более функции и такой набор свойств функций приобретает обычную практику в результате развития науки и техники; в правовом регулировании таких отношений, включая правительственное регулирование, и в судебной практике предстоит выработать подход будут ли такие устройства относиться к категории технически сложных товаров, в отношении которых должно быть ограничено право на отказ (для целей ст. 18 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1), либо такие технические устройства можно свободно вернуть независимо от того, простой недостаток или существенный.

Например, в гражданском обороте широко представлены фитнес-браслеты, с учетом существующего правового регулирования, такие устройства правоприменителем или будут квалифицированы по п. 6 Перечня технически сложных товаров, либо нет, в зависимости от толкования категории «оборудование навигации и беспроводной связи». Представляется, что в таком контексте имеется ввиду не любое устройство, которое взаимодействует с другим устройством удаленно без проводов, а только то, которое является само или устройством навигации, или средством связи для передачи информации другому лицу путем разговора и в таком случае фитнес-браслеты могут быть заменены при

наличии простого недостатка. Такая логика связана с тем, что в 2011 г., когда был утвержден Правительством РФ указанный Перечень, наиболее распространенной категорией товаров, попадающих в группу товаров п. 6 Перечня были GPS-навигаторы и коммуникаторы. Кроме того, существуют модели фитнес-браслетов, не оснащенных сенсорным экраном, обладающие аналогичным с сенсорными устройствами функционалом.

Выводы

Таким образом, существует необходимость выработки легального определения технически сложного товара, критериев разграничения понятий «технически сложный товар» и «технический товар». Развитие науки и техники, изменения на товарном рынке обуславливают необходимость совершенствования регулирования отношений в области реализации права потребителя на отказ от товара, имеющего недостаток, в целях обеспечения баланса интересов потребителей и предпринимателей.

Решением в сложившейся ситуации с увеличением в гражданском обороте числа беспроводных устройств, устройств, которые оснащаются сенсорным экраном, когда устройства все чаще выполняют две и более функции, увеличением числа техники на товарном рынке, может стать законодательное и правительственное регулирование, которое, в результате анализа законодателем и Правительством товарного рынка, учета интересов потребителей и предпринимателей, пойдет по такому пути, что ряд технических товаров, включая часть товаров, которые на сегодняшний день относятся к категории технически сложных товаров будут выведены из-под ограничений в обмене и в отказе от товара при выявлении недостатка, не обладающего признаками существенного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.
2. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Определение Буйского районного суда (Костромская область) от 10 июля 2013 г. по делу № 11-7/2013 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/wUeRc77k3h6W/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.
4. «Ответы на вопросы предпринимателей, поступившие в Управление Роспотребнадзора по г. Москве через сервис для сбора вопросов (обращений), замечаний и комментариев по докладам и при обсуждении докладов на публичных слушаниях 13 июля 2017 г. на публичных слушаниях правоприменительной практики Управления за II квартал 2017 года» (Управление Роспотребнадзора по г. Москве, 2017). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=182763#03934310176828566> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Постановление Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 30.05.2018) «Об утверждении Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» // Собрание законодательства РФ. – 26.01.1998. – № 4. – Ст. 482.
6. Постановление Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 (ред. от 27.03.2019) «Об утверждении перечня технически сложных товаров» // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2011. – № 46. – Ст. 6539.
7. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2021). – Загл. с экрана.
8. Прохоров, А. Ю. Особенности реализации отдельных прав потребителей при обнаружении не-

достатков приобретенных автотранспортных средств / А. Ю. Прохоров // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 6 (61). – С. 93–96.

9. Проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Перечень технически сложных товаров» (по состоянию на 07.07.2016) (подготовлен Минпромторгом России) (Постановление подписано 17.09.2016 № 929). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

10. Проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменения в Перечень технически сложных товаров» (по состоянию на 05.10.2018) (подготовлен Минпромторгом России) (Постановление подписано 27.03.2019 № 327). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

11. Решение Кировского районного суда г. Саратова № 2-4192/2018 2-4192/2018-М-4111/2018 М-4111/2018 от 24 июля 2018 г. по делу № 2-4192/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/TuH5LbmBvMYw/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

12. Решение Московского районного суда г. Чебоксары (Чувашская Республика) № 2-3944/2016 от 9 ноября 2016 г. по делу № 2-3944/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/hhclUTd0GPQX/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

13. Решение Назаровского городского суда (Красноярский край) № 2-1463/2015 2-20/2016 2-20/2016(2-1463/2015);-М-997/2015 М-997/2015 от 12 января 2016 г. по делу № 2-1463/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/bc0zUCB7ewYv/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

14. Решение Центрального районного суда г. Тольятти (Самарская область) № 2-3944/2018 2-3944/2018-М-3484/2018 М-3484/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 2-3944/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/IzV5cCS95bmX/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

15. Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя (Ставропольский край) № 2-9082/2015 2-9082/2015-М-9319/2015 М-9319/2015 от 17 декабря 2015 г. по делу № 2-9082/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/Ub0HCgVK4uxw/> (дата обращения: 10.01.2021). – Загл. с экрана.

16. Шутихина, З. А. Понятие, правовая природа технически сложного товара как правовой кате-

гории / З. А. Шутихина // Аллея науки. – 2018. – № 7 (23). – С. 821–825.

REFERENCES

1. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 № 14-FZ* [The civil code of the Russian Federation (part two) Federal Law of January 26, 1996 No. 14-FL]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10 January 2021).

2. *Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-1 «O zashhite prav potrebitel'ej»* [The law of the Russian Federation February 7, 1992 No. 2300-1 'On consumer rights protection']. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10 January 2021).

3. *Opreddeniye Buyskogo rayonnogo suda (Kostromskaya oblast) ot 10 iyulya 2013 g. po delu № 11-7/2013 g.* [Ruling of the Buysky district court (Kostroma region) of July 10, 2013 in case No. 11-7/2013]. *Sudebnyye i normativnyye акты RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/wUeRc77k3h6W/> (accessed 10 January 2021).

4. *«Otvety na voprosy predprinimateley. postupivshiyе v Upravleniye Rospotrebnadzora po g. Moskve cherez servis dlya sbora voprosov (obrashcheniy). zamechaniy i kommentariyev po dokladam i pri obsuzhdenii dokladov na publichnykh slushaniyakh 13 iyulya 2017 g. na publichnykh slushaniyakh pravoprimenitel'noy praktiki Upravleniya za II kvartal 2017 goda» (Upravleniye Rospotrebnadzora po g. Moskve, 2017)* [“Answers to the questions of entrepreneurs received by the Department of Rospotrebnadzor in Moscow through the service for collecting questions (appeals), comments and comments on reports and when discussing reports at public hearings on July 13, 2017 at public hearings of law enforcement practice of Management for the second quarter of 2017” (Rospotrebnadzor In Moscow, 2017)]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=182763#03934310176828566> (accessed 10 January 2021).

5. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 19.01.1998 № 55 (red. ot 30.05.2018) «Ob utverzhdenii Pravil prodazhi otdelnykh vidov tovarov, perechnya tovarov dlitel'nogo polzovaniya, na kotoryye ne rasprostranyayetsya trebovaniye pokupatelya o bezvozmezhnom predostavlenii emu na period remonta ili zameny analogichnogo tovara, i perechnya neprodovol'stvennykh tovarov nadležashchego kachestva, ne podlezhashchikh vozvratu ili obmenu na analogichnyy tovar drugikh razmera, formy, gabarita, fazona, rastsvetki ili komplektatsii»* [Resolution of the government of the Russian Federation of 19.01.1998 N 55 (ed. by 30.05.2018) “On approval of

Rules of sale of separate kinds of goods, inventory of durable goods, are not subject to the requirement of the buyer about gratuitous granting to him for the period of repair or replacement of similar goods and list of non-food goods of proper quality not subject to return or exchange for similar goods of other size, shape, size, style, color or configuration”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [“Collection of legislation of the Russian Federation”], 26.01.1998, no. 4, st. 482.

6. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 10.11.2011 № 924 (red. ot 27.03.2019) «Ob utverzhdenii perechnya tekhnicheskii slozhnykh tovarov» [Resolution of the Government of the Russian Federation of 10.11.2011 N 924 (ed. of 27.03.2019) “On approval of the list of technically complex goods”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF*, 14.11.2011, no. 46, st. 6539.

7. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 № 2463 «Ob utverzhdenii Pravil prodazhi tovarov po dogovoru roznichnoy kupli-prodazhi. perechnya tovarov dlitel'nogo polzovaniya, na kotoryye ne rasprostranyayetsya trebovaniye potrebitelya o bezvozmezhnom predostavlenii emu tovara, obladayushchego etimi zhe osnovnymi potrebitelskimi svoystvami. na period remonta ili zameny takogo tovara, i perechnya neprodovolstvennykh tovarov nadlezhashchego kachestva, ne podlezhashchikh obmenu, a takzhe o vnesenii izmeneniy v nekotoryye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii»* [Resolution of the Government of the Russian Federation of 31.12.2020 N 2463 “On approval of the Rules for the Sale of Goods under a retail purchase and Sale Agreement, the list of Durable goods that are not subject to the consumer’s Demand for free provision of goods with the same Basic consumer properties for the Period of Repair or replacement of such Goods, and the list of Non-food goods of Proper quality that are not Subject to Exchange, as well as on amendments to Certain acts of the Government of the Russian Federation”]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 12 January 2021).

8. Prokhorov A.Yu. Osobennosti realizatsii otdel'nykh prav potrebiteli pri obnaruzhenii nedostatkov priobretennykh avtotransportnykh sredstv [Features of the implementation of individual consumer rights when detecting shortcomings of purchased vehicles]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: and Economics; entrepreneurship; law and management], 2015, no. 6(61), pp. 93-96.

9. *Proekt Postanovleniya Pravitel'stva RF «O vnesenii izmenenii v Perechen' tekhnicheskii slozhnykh tovarov» (po sostoyaniyu na 07.07.2016) (podgotovlen Minpromtorgom Rossii) (Postanovlenie podpisano 17.09.2016 № 929)* [Draft Decree Of the government of the Russian Federation “On amendments to the List of technically complex goods”

(as of 07.07.2016) (prepared by the Ministry of industry and trade of Russia) (Resolution signed on 17.09.2016 N 929)]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10 January 2021).

10. *Proekt Postanovleniya Pravitel'stva RF «O vnesenii izmeneniy v Perechen' tekhnicheskii slozhnykh tovarov» (po sostoyaniyu na 05.10.2018) (podgotovlen Minpromtorgom Rossii) (Postanovlenie podpisano 27.03.2019 № 327)* [Draft Decree of the Government of the Russian Federation “On making changes to the List of technically complex goods” (as of 05.10.2018) (prepared by the Ministry of industry and trade of Russia) (Resolution signed on 27.03.2019 N 327)]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 10 January 2021).

11. Resheniye Kirovskogo rayonnogo suda g. Saratova № 2-4192/2018 2-4192/2018~M-4111/2018 M-4111/2018 ot 24 iyulya 2018 g. po delu № 2-4192/2018 [Decision of the Kirovsky district court of Saratov no. 2-4192/2018 2-4192/2018~M-4111/2018 M-4111/2018 of July 24, 2018 in case no. 2-4192/2018]. *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TuH5LbmBvMYw/> (accessed 10 January 2021).

12. Resheniye Moskovskogo rayonnogo suda g. Cheboksary (Chuvashskaya Respublika) № 2-3944/2016 ot 9 noyabrya 2016 g. po delu № 2-3944/2016 [Decision of the Moscow district court of Cheboksary (Chuvash Republic) No. 2-3944 / 2016 of November 9, 2016 in case No. 2-3944/2016]. *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/hhclUTd0GPQX/> (accessed 10 January 2021).

13. Resheniye Nazarovskogo gorodskogo suda (Krasnoyarskiy kray) № 2-1463/2015 2-20/2016 2-20/2016(2-1463/2015;)-M-997/2015 M-997/2015 ot 12 yanvarya 2016 g. po delu № 2-1463/2015 [Decision of the Nazarovsky city court (Krasnoyarsk territory) № 2-1463/2015 2-20/2016 2-20/2016(2-1463/2015;)-M-997/2015 M-997/2015 of January 12, 2016 in case No. 2-1463/2015]. *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/bc0zUCB7ewYv/> (accessed 10 January 2021).

14. Resheniye Tsentralnogo rayonnogo suda g. Toliatti (Samarskaya oblast) № 2-3944/2018 2-3944/2018~M-3484/2018 M-3484/2018 ot 24 sentyabrya 2018 g. po delu № 2-3944/2018 [Decision of the Central district court of Tolyatti (Samara region) no. 2-3944/2018 2-3944/2018~M-3484/2018 M-3484/2018 of 24 September 2018 in case no. 2-3944/2018]. *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IzV5cCS95bmX/> (accessed 10 January 2021)

15. Resheniye Promyshlennogo rayonnogo suda g. Stavropolya (Stavropolskiy kray) № 2-9082/2015 2-9082/2015~M-9319/2015 M-9319/2015 ot 17 dekabrya 2015 g. po delu № 2-9082/2015 [Decision of the Industrial district court of Stavropol (Stavropol

territory) no. 2-9082/2015 2-9082/2015~M-9319/2015 M-9319/2015 of December 17, 2015 in case no. 2-9082 / 2015]. *Sudebnyye i normativnyye akty RF*. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/Ub0HCgVK4uxw/> (accessed 10 January 2021).

16. Shutikhina Z.A. Ponyatie, pravovaya priroda tekhnicheskogo slozhnogo tovara kak pravovoi kategorii [Concept, the legal nature of technically sophisticated products as a legal category]. *Alleya nauki* [Avenue of science], 2018, no. 7 (23), pp. 821-825.

Information About the Authors

Natalia A. Ablyatipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Kazakhstan, Department of Civil Law, Russian State University of Justice (Crimean Branch), Pavlenko St/Studencheskiy Lane, 5/2, 295006 Simferopol, Russian Federation, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Anastasia A. Kravtsova, Master Student, Russian State University of Justice (Crimean Branch), Pavlenko St/Studencheskiy Lane, 5/2, 295006 Simferopol, Russian Federation, nastia.kravtsova@gmail.com, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9754-0836>

Информация об авторах

Наталья Айдеровна Аблятипова, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Казахстан, доцент кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко/переулок Студенческий, 5/2, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Анастасия Алексеевна Кравцова, магистрант, Российский государственный университет правосудия (Крымский филиал), ул. Павленко/переулок Студенческий, 5/2, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, nastia.kravtsova@gmail.com, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9754-0836>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.4>

UDC 342.9; 343.34
LBC 67.401; 67.408

Submitted: 16.01.2021
Accepted: 09.02.2021

THE LEGAL ASPECTS OF PREVENTING THE SPREAD OF THE CORONAVIRUS INFECTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE LEGISLATIVE NOVELTIES AND THEIR FEATURES

Alexander V. Sarychev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ivan N. Arkhiptsev

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Ekaterina A. Karaulova

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russian Federation

Introduction: currently, worldwide and in the Russian Federation, one of the most pressing problems is the fight against the new coronavirus infection COVID-19, which was assigned the status of a pandemic by the World Health Organization in early 2020. The huge economic damage to the countries directly affected by the pandemic and the global economy as a whole, fatalities, abandoning business, increase in unemployment, the restructuring of the economy to work in a new environment are a certain list of consequences we have been faced with in recent times due to the spread of COVID-19. The **purpose** of the study is to analyze the legislation aimed at supporting the economy and the population during the spread of the pandemic, as well as the measures of administrative and criminal responsibility in the domestic legislation aimed at preventing the spread of the coronavirus infection, as well as to examine the features of their application. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the general scientific methods of cognition: the ascent from the abstract to the concrete, the hypothetical-deductive, axiomatic and formalization methods, as well as the interrelated methods: analysis, synthesis. The **results** of the study and **conclusions:** the authors consider the changes in the legislation of the Russian Federation aimed at overcoming the consequences, as well as the fight against the coronavirus infection.

Key words: coronavirus, pandemic, sanitary and epidemiological measures, prevention of the spread of the coronavirus, administrative responsibility, criminal punishment.

Citation. Sarychev A. V., Arkhiptsev I. N., Karaulova E. A. The Legal Aspects of Preventing the Spread of the Coronavirus Infection in the Russian Federation: The Legislative Novelties and Their Features. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 27-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.4>

УДК 342.9; 343.34
ББК 67.401; 67.408

Дата поступления статьи: 16.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИХ ОСОБЕННОСТИ

Александр Викторович Сарычев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Иван Николаевич Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Екатерина Алексеевна Караулова

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
г. Белгород, Российская Федерация

Введение: в настоящее время во всем мире и в Российской Федерации одной из самых актуальных проблем является борьба с новой коронавирусной инфекцией COVID-19, которой в начале 2020 г. Всемирной организацией здравоохранения был присвоен статус пандемии. Огромный экономический ущерб странам, как непосредственно пострадавшим от пандемии, так и глобальной экономике в целом, безвозвратные потери населения, закрытие производств, повышение безработицы среди населения, перестройка экономики на работу в новых условиях – лишь некоторый перечень последствий, с которыми мы столкнулись в последнее время из-за распространения COVID-19. **Цель исследования:** проанализировать законодательство, направленное на поддержку экономики и населения в период распространения пандемии, а также меры административной и уголовной ответственности в отечественном законодательстве, направленные на предупреждение распространения коронавирусной инфекции, а также рассмотреть особенности их применения. **Методы исследования:** методологическую основу данного исследования составляют общенаучные методы познания: восхождение от абстрактного к конкретному, гипотетико-дедуктивный, аксиоматический и метод формализации, а также взаимосвязанных методов: анализа, синтеза. **Результаты исследования и выводы:** авторами рассмотрены изменения в законодательстве Российской Федерации, направленные на преодоление последствий, а также борьбу с коронавирусной инфекцией.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, санитарно-эпидемиологические меры, предупреждение распространения коронавируса, административная ответственность, уголовное наказание.

Цитирование. Сарычев А. В., Архипцев И. Н., Караулова Е. А. Правовые аспекты предупреждения распространения коронавирусной инфекции в Российской Федерации: новеллы законодательства и их особенности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 27–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.4>

Введение

Как известно, и не для кого уже не секрет то обстоятельство, что за 2020 г. жизнь практически большинства стран мира кардинально изменилась. Размеренная, привычная жизнь людей была приостановлена, а вызвано это распространением особо опасного вируса COVID-19. Сейчас практически трудно о чем-то говорить, кроме нового коронавируса, центральное и местное телевидение, все сайты сети Интернет, реклама в СМИ, баннеры на улицах, предупредительные листы в (на) магазинах, аптеках предупреждают о распространении пандемии. Огромный урон нанесен экономике государств, индивидуальные предприниматели, малый и средний бизнес находятся в тяжелом положении. Так, согласно данным распространения коронавируса, размещенных в Интернете, по состоянию на 31 января 2021 г. в мире было зафиксировано

103 138 668 случаев заражения коронавирусом COVID-19. Общее число смертей от коронавирусной инфекции в мире составляет 2 229 505 человек. Уровень летальности: 2,16 %. Подтвержденных случаев полного излечения от вируса в мире: 74 773 745 [3]. Согласно мнению экспертов, снижение российской экономики в 2020 г. составит 3,6 %, в то время как мировая экономика снизится на 4,4 %. Падение реальных располагаемых доходов населения РФ за 9 месяцев 2020 г. превысило 4 %, а уровень бедности во II квартале вырос до 13,5 % с 12,7 % во II квартале 2019 года [21].

Рестораны, парикмахерские, турагентства, зубокабинеты, клиники и многие, многие другие сферы бизнеса временно не работают. И сколько еще продлится пандемия, увы, никто не знает. Работники уволены, несмотря на обращения главы государства о сохранении рабочего места и заработной пла-

ты. В настоящее время российские суды стали давать оценку действиям работодателей, незаконно уволивших работников в период пандемии COVID-19 [14].

В первую волну распространения коронавирусной инфекции многие вузы, школы, садики так же были вынуждены закрыться. В связи с тем, что современные компьютерные телекоммуникации способны обеспечить передачу знаний и доступ к разнообразной учебной информации наравне, а иногда и гораздо эффективнее, чем традиционные средства обучения, то власти вынуждены были ввести новые меры, а именно проведение занятий путем дистанционного обучения.

В сфере здравоохранения также произошли существенные изменения. Так было принято постановление главного санитарного врача России от 22 мая 2020 г. № 15, которое установило требования к комплексу организационных, профилактических, санитарно-противоэпидемических мероприятий, проведение которых обеспечивает предупреждение возникновения и распространения случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) на территории Российской Федерации [8].

Так что же представляет под собой COVID-19? Коронавирусы представляют собой оболочечные вирусы, содержащие одноцепочечную РНК положительной полярности, относятся к порядку Nidovirales, семейству Coronaviridae, которое включает 2 подсемейства – Orthocoronavirinae и Letovirinae [20, с. 54].

1. Меры по поддержке экономики, бизнеса и граждан

В связи с представленными изменениями государство приняло ряд мер по поддержанию жизнедеятельности населения. Одной из таких мер является введение кредитных каникул. Сущность данных каникул заключается в возможности временно не платить выплаты по кредитам и займам, при этом начисление неустойки происходить не будет, а также не будет ухудшаться кредитная история клиента. Такие кредитные каникулы могут продлиться полгода, как отметил Президент Рос-

сийской Федерации: «Если у лица резко сократился его месячный доход, более чем на 30 процентов, в этом случае использование кредитных каникул будет оправдано». Но снижение своего месячного дохода необходимо подтвердить необходимыми документами, и представить их нужно в течение 90 дней с момента подачи заявления [18].

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 420, которое в последующем продлевалось постановлениями Правительства РФ, до 1 января 2021 г. не будут начисляться пени и штрафы за несвоевременное внесение оплаты за жилое помещение и коммунальные услуги, а также взносов на капитальный ремонт [9]. Также одной из мер поддержки населения стали моратории на взносы на капитальный ремонт многоквартирных домов в ряде российских регионов [2].

Государство предприняло меры по поддержанию населения в сфере предоставлений пособий по безработице. Так, если до распространения коронавирусной инфекции максимальный размер пособия был в размере 8 тыс. рублей, то сейчас эта сумма увеличена до 12 130 рублей – действующего размера федерального МРОТ. Кроме этого, Правительство предоставляет выплаты следующим категориям безработных:

- кто имеет регистрацию по месту жительства (постоянную) в данном регионе;
- отработал не менее 60 дней в 2020 году [7].

В сфере предоставления налоговой отчетности так же были внесены изменения. В частности, был продлен срок сдачи физическими лицами декларации на 3 месяца, до 30 июля 2020 года [10].

Говоря о поддержке семей с детьми, следует отметить, что в этом направлении государством также были предприняты существенные шаги. Например, были увеличены выплаты пособий по уходу за ребенком (в 2 раза); семьям, имеющим детей в возрасте до трех лет, были предоставлены выплаты в размере 5 000 руб. на каждого ребенка; производились выплаты по материнскому капиталу лицам, имеющим на него право, до 1 июля 2020 г., даже если он уже был выплачен ранее. Кроме этого, на каждого ребенка

возрастом от 3 до 16 лет было выделено по 10 тыс. руб. в качестве единовременной помощи [15].

Говоря о поддержке бизнеса, следует указать, что то на сайте ФНС России создан

специальный раздел, где опубликована вся информация о мерах поддержки в условиях коронавируса [5]. Так, на рисунке 1 приведены все меры поддержки индивидуальных предпринимателей.

Рис. 1. Меры поддержки предпринимательства в период коронавируса

2. Изменения в административное и уголовное законодательство

Важными также стали изменения, внесенные законодателем в административное и уголовное законодательство.

1 апреля 2020 г. в КоАП были внесены изменения Федеральным законом № 99 [17]. В частности, изменения внесены в ст. 6.3 КоАП РФ, санкция данной нормы предполагает штраф для конкретных категорий лиц (рис. 2).

Кроме этого, в гл. 20 КоАП РФ была включена новая ст. 20.6.1. Она устанавливает административную ответственность за нарушение режима самоизоляции во время пандемии. А именно это касается в части не-

выполнения правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации. Административная ответственность по указанной статье наступит в случае, если противоправные действия не подпадут под санкцию ст. 6.3 КоАП РФ.

Поправки внесены и в ст. 13.15 КоАП РФ. Так, для юридических лиц за распространение в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и

<i>Граждане</i>	<i>от 15 тыс. до 40 тыс. руб.</i>
<i>Должностные лица</i>	<i>от 50 тыс. до 150 тыс. руб.</i>
<i>Индивидуальные предприниматели</i>	<i>от 50 тыс. до 150 тыс. руб. или приостановление деятельности на срок до 90 суток</i>
<i>Юридические лица(организации)</i>	<i>от 200 тыс. до 500 тыс. руб. или приостановление деятельности на срок до 90 суток</i>
<i>Если нарушения повлекли причинение вреда или смерть человека:</i>	
<i>Граждане</i>	<i>от 150 тыс. до 300 тыс. руб.</i>
<i>Должностные лица</i>	<i>от 300 тыс. до 500 тыс. руб. или дисквалификация на срок от одного года до трех лет</i>
<i>Индивидуальные предприниматели</i>	<i>от 500 тыс. до 1 млн. руб. или приостановление деятельности на срок до 90 суток</i>
<i>Юридические лица(организации)</i>	<i>от 500 тыс. до 1 млн. руб. или приостановление деятельности на срок до 90 суток</i>

Рис. 2. Штраф для конкретных категорий лиц, за нарушение ст. 6.3 КоАП РФ

способах защиты от указанных обстоятельств, предусмотрен штраф в размере от 1,5 до 3 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения. В случаях, когда данные действия повлекли смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи – штраф будет варьироваться в пределах от 3 до 5 млн рублей. Для того чтобы уточнить, подпадает ли данное обстоятельство под обстоятельство, представляющие угрозу для жизни здоровью или имуществу, необходимо обратиться к примечанию данной статьи, в котором указывается, что таковыми являются обстоятельства ЧС природного, техногенного, в том числе экологического характера, эпидемии, эпизоотии, аварии, катастрофы и т. д. Изменения в вышеуказанные статьи КоАП РФ вступили в силу с 1 апреля 2020 года.

За нарушение санитарно-эпидемиологических правил действующим законодательством предусмотрена и уголовная ответственность (см. рис. 3).

Так, Уголовный кодекс был дополнен ст. 207.1, которая предполагает ответственность за распространение ложной информации об обстоятельствах, которые представляют угрозу жизни и безопасности граждан. Таковыми обстоятельствами являются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и т. д. Кроме того, в УК РФ введена ст. 207.2, которая предусматривает ответственность за распространение ложной информации, которая повлекла тяжкие последствия. Так же ФЗ № 100 была изложена новая редакция статьи 236 УК РФ. Теперь в данной статье увеличена санкция и дополнена частью о нарушении санитарно-эпидемиологических правил, которые повлекли смерть двух или более лиц [19].

Верховный Суд РФ в Обзоре № 2 разъяснил, что следует понимать под «массовым заболеванием или отравлением людей» либо

<p>Статья 207.1. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан.</p> <ul style="list-style-type: none"> • штраф в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев; • обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов; • исправительные работы на срок до одного года; • ограничение свободы на срок до трех лет. 	<p>Статья 207.2. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия.</p> <ul style="list-style-type: none"> • штраф в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев; • исправительные работы на срок до одного года; • принудительные работы на срок до трех лет; • лишение свободы на тот же срок. • То же деяние повлекшее смерть человека или иные тяжкие последствия: • штраф в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет; • исправительные работы на срок до двух лет; • принудительные работы на срок до пяти лет; • либо лишение свободы на тот же срок. 	<p>Статья 236. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил.</p> <ul style="list-style-type: none"> • штраф в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев; • лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет; • ограничение свободы на срок до двух лет; • принудительные работы на срок до двух лет; • либо лишение свободы на тот же срок. • То же деяние повлекшее смерть человека : • штраф в размере от одного миллиона рублей до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет; • ограничение свободы на срок от двух до четырех лет; • принудительные работы на срок от трех до пяти лет; • лишение свободы на тот же срок. • То же деяние повлекшее смерть двух и более лиц: • принудительные работы на срок от четырех до пяти лет; • лишение свободы на срок от пяти до семи лет.
---	---	--

Рис. 3. Ответственность по статьям 207.1 УК РФ, 207.2 УК РФ, 236 УК РФ

«созданием угрозы наступления таких последствий» [6].

В связи с этим мы критически относимся к предложению М.А. Ефремовой, А.А. Шутовой, А.А. Никифоровой, предлагающих исключить из диспозиции ч. 1 ст. 236 УК РФ возможность привлечения к уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создавшее угрозу наступления последствий в виде массового заболевания и отравления людей [1, с. 544]. Полагаем, что решение об отнесении деяния к административному правонарушению (ч. 2 или ч. 3 ст. 6.3 КоАП РФ) или же уголовному преступлению, предусмотренному ст. 236 УК РФ, всецело находится в компетенции правоохранительных органов, и как правильно указал Верховный Суд в вышеуказанном обзоре, является оценочным и зависит от тяжести наступивших последствий, то есть разграничение между ними определяется степенью их общественной опасности. Ведь необязательно же нам ждать, когда, например, тяжелой формой коронавирусной инфекции, пусть даже по неосторожности, заразит как можно больше людей в крупном гипермаркете, аквапарке и т. д., и только тогда мы будем привлекать его к уголовной ответственности по данной статье? Заметим, что риски, связанные с постепенным снятием ограничений в регионах, как бы мы этого не хотели, будут пока только возрастать.

3. Полиция отвечает на новые вызовы

В связи с этим появилась необходимость усиления соблюдения изоляции на улицах, в общественных местах. Для этого необходима слаженная работа сотрудников органов внутренних дел. Так, министр внутренних дел Владимир Колокольцев заявил о серьезных коррективах в оперативно-служебной деятельности, призвав подчиненных подойти к реализации плана с максимальной ответственностью.

Контроль над соблюдением режима самоизоляции возложен на сотрудников ОВД. Сотрудники патрульно-постовой службы, заступая в суточный наряд, должны пресекать данные нарушения. Таким образом, в случаях, когда на улицах, спортивных площадках, в

парках, скверах и т. д. находится более двух человек, сотрудники обязаны потребовать объяснений, по какой причине нарушено распоряжение о соблюдении режима самоизоляции. Сотрудники обязаны требовать возвращения людей домой, провожать их до места проживания, а в случаях неповиновения законных требований, имеют право составлять протокол в соответствии с КоАП РФ.

Патрулирование происходит в пешем порядке и на машинах. Сотрудники ППСП, а также сотрудники ГИБДД обязаны проверять соответствующие пропуска, выданные той организацией или тем органом, в котором непосредственно осуществляет свою деятельность конкретное лицо. Такие пропуска имеют электронный вариант и содержат определенные реквизиты. Для того чтобы отличать действительный пропуск от поддельного, данные пропуска заносятся в электронную базу, которая доступна сотрудникам полиции. Кроме этого, используется система видеонаблюдения, а также система геолокации лица, для того чтобы пресекать нарушение установленного маршрута.

Как показал анализ вынесенных судами решений по ст. 20.6.1 КоАП РФ с апреля по декабрь 2020 г., в основном суды назначают таким правонарушителям наказание в виде предупреждения или штрафа в размере 1–3 тысяч рублей [13].

МВД России также был принят ряд нормативных правовых актов в исследуемой сфере. Первый заместитель министра внутренних дел генерал-полковник полиции А.В. Горовой 19 марта 2020 г. подписал требование работы с мигрантами в период распространения пандемии. Данное требование содержит инструкции для сотрудников по работе с документами иностранных граждан в рамках применения дополнительных мер по предупреждению распространения коронавирусной инфекции. Инструкция содержит более упрощенную форму выдачи документа для временно пребывающих иностранных граждан в Российскую Федерацию. К тому же, иностранные лица, кроме получения миграционной карты и продления срока пребывания в Российской Федерации до 90 суток, имеют право оформить патент на работу, не выезжая из страны [12].

Вместе с тем у сотрудников полиции возникает ряд трудностей при выполнении своих обязанностей, например, при задержании граждан, нарушивших режим самоизоляции или покинувших без разрешения обсерватор для больных COVID-19. По сути, их действия по исполнению предписаний санитарных врачей и задержанию правонарушителей на законодательном уровне ничем не урегулированы. Поэтому мы также поддерживаем позицию А.В. Равнюшкина о внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и наделении сотрудников соответствующими полномочиями [11, с. 68–69].

В период распространения коронавирусной инфекции уличная преступность уступила место киберпреступлениям. Правоохранительные органы, к сожалению, оказались не готовы бороться с кибермошенниками в новых условиях. Так, преступники действуют в нынешних обстоятельствах более сплоченно, профессионально, грамотно. Это подтверждают и данные официальной статистики. Согласно ГИАЦ МВД Российской Федерации в январе – декабре 2020 г. количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 % [4]. Полиция столкнулась с методами социальной инженерии, которыми играют преступники на эмоциональном состоянии населения страны. Они пытаются выманить реквизиты карт и СМС-пароли, используя в своих убеждениях негативную новостную повестку о пандемии и экономической ситуации. Сотрудникам приходится совершенствовать навыки в данной сфере, чтобы бороться с такой преступностью. Необходима выработка новых способов и методов, а для этого нужно достаточно полно изучить все особенности данного вида преступлений.

Вывод

Подводя итог сказанному, следует отметить, что мы являемся свидетелями происходящих в последнее время событий в стране, когда резко возросло давление на политические и общественные институты как внутри

страны, так и за ее пределами, в том числе с использованием «коронавирусной повестки». Так, сейчас в средствах массовой информации и, в частности, в сети Интернет развернулась широкомасштабная кампания по дискредитации российской вакцины от коронавирусной инфекции «Спутник V». Например, только одних результатов введенного авторами по поиску словосочетания «О вреде вакцины спутник» поисковой системой Google было выдано 610 тысяч. На данные действия официальным властям, по нашему мнению, следует адекватно и в правовом плане реагировать, поскольку это уже используется деструктивными силами по дестабилизации политической обстановки в России. Полагаем, что за распространение таких фейковых новостей правоохранительным органам следует привлекать виновных лиц в зависимости от тяжести наступивших последствий к ответственности по ст. 13.15 КоАП РФ или ст. 207.1 УК РФ, ст. 207.2 УК РФ.

К сожалению, распространение COVID-19 пока продолжается и санитарно-эпидемиологическая обстановка в стране остается еще очень сложной. На официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека находятся все эпидемиологические сведения о распространении коронавирусной инфекции [16]. В этой сложной для страны ситуации необходимо направить все силы для борьбы с этим врагом, а для этого нужно активировать не только все министерства и ведомства, но прежде всего самих граждан. Безусловно, министерства здравоохранения и внутренних дел являются главными «защитниками» в борьбе с COVID-19. Но также важно понимание простых граждан о том, что справиться с этим злом одними лишь административными и организационными мерами невозможно. Следует расширять разъяснительную деятельность среди населения о необходимости соблюдения изоляции в случае выявления заболевания, мерах по профилактике коронавирусной инфекции, в том числе положительных сторонах вакцинации от нее и безопасности самих вакцин. И только так можно добиться каких-либо ощутимых успехов в этом направлении. Кроме того, следует безусловно уважать труд и героизм врачей, ко-

которые сами зачастую погибая, спасают человеческие жизни, лечат тяжелобольных ковидом, создавая сутками без сна в лабораториях вакцины, которые смогут его победить, и за это мы все должны быть им безмерно благодарны. Также надо понимать и специфику деятельности правоохранительных органов в современных реалиях, которые также рискуя в общем то собственным здоровьем, а то и жизнью, оберегают граждан от более серьезных последствий, когда задерживают граждан, не соблюдающих санитарно-эпидемиологические предписания. Поэтому, как представляется, надо быть толерантными как по отношению к государству, так и, наверное, прежде всего друг к другу, заботиться о своем здоровье и здоровье близких и окружающих людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефремова, М. А. Новеллы уголовного законодательства в условиях пандемии / М. А. Ефремова, А. А. Шутова, А. А. Никифорова // Вестник Удмуртского университета: экономика и право. – 2020. – Т. 30, № 4. – С. 541–553.
2. Жителей Москвы и Подмосковья освободили от платы за капремонт из-за коронавируса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4309172> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
3. Карта коронавируса COVID-19 онлайн. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cogonavirus-monitor.info> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
5. Меры поддержки бизнеса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.nalog.ru/gp68/business-support-2020> (дата обращения: 25.01.2021). – Загл. с экрана.
6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.suprcourt.ru/press_center/news/28883/ (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
7. Поддержка безработных. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://стопкорона-вирус.рф/what-is-done/social-measures/podderzhka_bezrabotnyh.html (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 (ред. от 13.11.2020) «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1.3597-20 “Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» // Российская газета. – 2020 (29 мая). – № 115.
9. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 420 (ред. от 31.12.2020) «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг и об особенностях предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2020 (13 апр.). – № 15 (ч. IV). – Ст. 2277.
10. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 409 (ред. от 07.11.2020) «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» // Собрание законодательства РФ. – 2020 (13 апр.). – № 15 (ч. IV). – Ст. 2267.
11. Равнюшкин, А. В. Организационно-правовые проблемы применения сотрудниками полиции законодательства по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) (на примере Республики Крым) / А. В. Равнюшкин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 63–69.
12. Распоряжение МВД от 19.03.2020 г. № 1/2964 «О дополнительных мерах по предупреждению распространения коронавирусной инфекции (2019-nCoV)».
13. Судебная практика. Статья 20.6.1. Невыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru/law/koap/razdel-ii/glava-20/statia-20.6.1/> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
14. Уволенные в период пандемии выигрывают первые суды у работодателей. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_news/20201106/306475686.html (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
15. Указ Президента РФ от 07.04.2020 № 249 (ред. от 11.05.2020) «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. – 2020 (13 апр.). – № 15 (ч. I). – Ст. 2243.
16. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rosпотребнадзор.ru/> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.
17. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ (ред. от 29.12.2020) «О внесении изменений в Ко-

декс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. – 2020 (3 апр.). – № 72.

18. Федеральный закон от 03.04.2020 № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» // Российская газета. – 2020 (6 апр.). – № 73.

19. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2020 (3 апр.). – № 72.

20. Щелканов, М. Ю. Коронавирусы человека (Nidovirales, Coronaviridae): возросший уровень эпидемической опасности / М. Ю. Щелканов, Л. В. Колобухина, Д. К. Львов // Лечащий врач. – 2013. – С. 49–54.

21. Экономика vs вирус: между землей и небом война. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/743497> (дата обращения: 15.01.2021). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Efremova M.A., Shutova A.A., Nikiforova A.A. Novelty of criminal legislation in a pandemic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta: ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University: Economics and Law], 2020, vol. 30, no. 4, pp. 541-553.

2. *Zhiteley Moskvy i Podmoskovia osvobodili ot platy za kapremont iz-za koronavirusa* [Residents of Moscow and Moscow region were exempted from overhaul fees due to coronavirus]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4309172>.

3. *Karta koronavirusa COVID-19 onlayn* [Online Coronavirus COVID-19 Map]. URL: <https://coronavirus-monitor.info>.

4. *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar – dekabr 2020 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation in January – December 2020]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>.

5. *Mery podderzhki biznesa* [Business support measures]. URL: <https://www.nalog.ru/rn68/business-support-2020/>

6. *Obzor po otdelnym voprosam sudebnoy praktiki, svyazannym s primeneniym zakonodatelstva i mer po protivodeystviyu rasprostraneniyu na territorii Rossiyskoy Federatsii novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) № 2* [Review of selected issues of judicial practice related

to the application of legislation and measures to counter the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation No. 2]. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28883/

7. *Podderzhka bezrobotnykh* [Support for the unemployed]. URL: https://стопкоронавирус.рф/what-is-done/social-measures/podderzhka_bezrobotnykh.html.

8. *Postanovleniye Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 22 maya 2020 g. № 15 (red. ot 13.11.2020) «Ob utverzhdenii sanitarno-epidemiologicheskikh pravil SP 3.1.3597-20 «Profilaktika novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19)»* [Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of May 22, 2020 No. 15 “On the approval of sanitary and epidemiological rules of the joint venture 3.1.3597-20” Prevention of new coronavirus infection (COVID-19)”. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 29.05.2020, no. 115.

9. *Postanovleniye Pravitelstva RF ot 2 aprelya 2020 g. № 420 (red. ot 31.12.2020) «O vnesenii izmeneniy v Pravila predostavleniya subsidiy na oplatu zhilogo pomeshcheniya i kommunalnykh uslug i ob osobennostyakh predostavleniya subsidiy na oplatu zhilogo pomeshcheniya i kommunalnykh uslug»* [Resolution of the Government of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 420 “On Amendments to the Rules for Granting Subsidies for Payment of Residential Premises and Utilities and on the Specifics of Granting Subsidies for Payments for Residential Premises and Utilities”. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 13.04.2020, No. 15 (Part IV), Art. 2277.

10. *Postanovleniye Pravitelstva RF ot 2 aprelya 2020 g. № 409 (red. ot 07.11.2020) «O merakh po obespecheniyu ustoychivogo razvitiya ekonomiki»* [Resolution of the Government of the Russian Federation of April 2, 2020 No. 409 “On measures to ensure sustainable development of the economy”. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 13.04.2020, no. 15 (part IV), art. 2267.

11. *Ravniushkin A.V. Organizatsionno-pravovyye problemy primeneniya sotrudnikami politzii zakonodatelstva po protivodeystviyu rasprostraneniyu novoy koronavirusnoy infektsii (COVID-19) (na primere Respubliki Krym)* [Organizational and legal problems of police officers’ application of legislation to counter the spread of a new coronavirus infection (covid-19) (on the example of the Republic of Crimea)]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4, pp. 63-69.

12. *Rasporyazheniye MVD ot 19.03.2020 g. № 1/2964 «O dopolnitelnykh merakh po*

preduprezhdeniyu rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii (2019-nCoV)» [Order of the Ministry of Internal Affairs of 19.03.2020 No. 1/2964 “On additional measures to prevent the spread of coronavirus infection (2019-nCoV)”].

13. *Sudebnaya praktika. Statia 20.6.1. Nевыполнение правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения* [Arbitrage practice. Article 20.6.1. Failure to comply with the rules of conduct in an emergency or the threat of its occurrence]. URL: <https://sudact.ru/law/koap/razdel-ii/glava-20/statia-20.6.1>.

14. *Uvolennyye v period pandemii vyigryvayut pervyye sudy u rabotodateley* [Those dismissed during the pandemic win the first courts against employers]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20201106/306475686.html.

15. Ukaz Prezidenta RF ot 07.04.2020 № 249 (red. ot 11.05.2020) «O dopolnitelnykh merakh sotsialnoy podderzhki semey, imeyushchikh detey» [Decree of the President of the Russian Federation of 07.04.2020 No. 249 “On additional measures of social support for families with children”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 13.04.2020, no. 15 (part I), art. 2243.

16. *Federalnaya sluzhba po nadzoru v sfere zashchity prav potrebiteley i blagopoluchiya cheloveka* [Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare]. URL: <https://www.rosпотребнадзор.ru>.

17. Federalnyy zakon ot 01.04.2020 № 99-FZ (red. ot 29.12.2020) «O vnesenii izmeneniy v Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh» [Federal Law dated 01.04.2020 No. 99-FZ “On Amendments to the Code of the

Russian Federation on Administrative Offenses”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 03.04.2020, no. 72.

18. Federalnyy zakon ot 03.04.2020 № 106-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon “O Tsentralnom banke Rossiyskoy Federatsii (Banke Rossii)” i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti osobennostey izmeneniya usloviy kreditnogo dogovora, dogovora zayma» [Federal Law dated 03.04.2020 No. 106-FZ “On Amendments to the Federal Law” On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia) “and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the specifics of changing the terms of a credit agreement, loan agreement”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 06.04.2020, no. 73.

19. Federalnyy zakon ot 1 aprelya 2020 g. № 100-FZ «O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i stati 31 i 151 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of April 1, 2020 No. 100-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper], 03.04.2020, no. 72.

20. Shchelkanov M.Yu., Kolobukhina L.V., Lvov D.K. *Koronavirusy cheloveka (Nidovirales. Coronaviridae): vozrosший uroven epidemicheskoy opasnosti* [Human coronaviruses (Nidovirales, Coronaviridae): increased level of epidemic danger]. *Lechashchiy vrach* [Therapist], 2013, pp. 49-54.

21. *Ekonomika vs virus: mezhdru zemley i nebom vojna* [Economy vs virus: war between earth and sky]. URL: <https://www.interfax.ru/business/743497>.

Information About the Authors

Alexander V. Sarychev, Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Ivan N. Arkhipov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, ArhipovIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Ekaterina A. Karaulova, Cadet, Faculty of Law Enforcement, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Gorkogo St, 71, 308024 Belgorod, Russian Federation, karaulova.yekaterina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-3418>

Информация об авторах

Александр Викторович Сарычев, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, w0773@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-3191>

Иван Николаевич Архипцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, ArhiptsevIN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2307-2712>

Екатерина Алексеевна Караулова, курсант факультета правоохранительной деятельности, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина, ул. Горького, 71, 308024 г. Белгород, Российская Федерация, karaulova.yekaterina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4963-3418>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.5>

UDC 341
LBC 67

Submitted: 18.01.2021
Accepted: 07.02.2021

THE LEGAL MECHANISM FOR THE MANAGEMENT OF RADIOACTIVE WASTE AND SPENT NUCLEAR FUEL IN EU LAW

Yulia V. Lebedeva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation; Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: Council Directive 2011/70/Euratom on spent nuclear fuel and radioactive waste, adopted in 2011, has become a legal mechanism for the management of RW and SNF in the EU. The provisions of the Directive have been fully implemented in the regulatory frameworks of the EU Member States, although the EU Member States are at different stages of implementing their RW and SNF management activities. The **purpose** of the research was the operation of the legal mechanism for the management of RW and SNF within the territory of the EU in the period from 2017 to 2019, as reflected in the Report of the European Commission in 2019. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific knowledge based on dialectical and historical materialism, the methods of logical, system-structural, comparative-legal and information-entropy analysis. **Results:** the author's position grounded in the work is based on EU law and the opinions of the competent scientific Russian and foreign community on the creation and operation of a new legal mechanism for the management of radioactive waste and spent nuclear fuel. The 2019 Report of the European Commission reveals the dynamics of improving this legal mechanism and its interaction with the IAEA. **Conclusion:** as a result of the research, the important role of the legal mechanism and its uniqueness as a legal model for the management of RW and SNF in the EU territory is revealed, which allows adapting the actions of the EU member states on the issue of the management of RW and SNF, to monitor the process by Euratom and the European Commission, to cooperate fruitfully with the IAEA.

Key words: European Commission, radioactive waste, EU law, Council Directive 2011/70/Euratom on radioactive waste and spent nuclear fuel, spent nuclear fuel.

Citation. Lebedeva Yu.V. The Legal Mechanism for the Management of Radioactive Waste and Spent Nuclear Fuel in EU Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 39-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.5>

УДК 341
ББК 67

Дата поступления статьи: 18.01.2021
Дата принятия статьи: 07.02.2021

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБРАЩЕНИЯ РАДИОАКТИВНЫХ ОТХОДОВ И ОТРАБОТАВШЕГО ЯДЕРНОГО ТОПЛИВА В ПРАВЕ ЕС

Юлия Вячеславовна Лебедева

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Российская Федерация;
Министерство иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: принятая в 2011 г. Директива Совета 2011/70/Евратом о радиоактивных отходах и отработавшем ядерном топливе стала правовым механизмом по обращению РАО и ОЯТ на территории ЕС. Положения Директивы были полностью имплементированы в нормативно-правовые базы стран – членов ЕС, несмотря

на то что государства – члены ЕС находятся на разных этапах осуществления своей деятельности по обращению РАО и ОЯТ. **Цель:** исследование эффективности правового механизма обращения РАО и ОЯТ на территории ЕС в период с 2017 по 2019 г. на основе данных Доклада Европейской комиссии 2019 года. **Методы:** методологическую базу данного исследования составляет совокупность методов научного познания на основе диалектического и исторического материализма, методы логического, системно-структурного, сравнительно-правового и информационно-энтропийного анализа. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на право ЕС и мнения компетентной научной российской и зарубежной среды по вопросу о создании и работе нового правового механизма по обращению радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива. Доклад Европейской комиссии 2019 г. раскрывает динамику совершенствования данного правового механизма и взаимодействие Евратома с МАГАТЭ. **Вывод:** в результате исследования выявлены важная роль и уникальность правового механизма (как правовой модели по обращению РАО и ОЯТ на территории ЕС), позволяющего корректировать действия стран – членов ЕС по вопросу обращения РАО и ОЯТ, осуществлять контроль за процессом со стороны Евратома и Европейской комиссии, плодотворно сотрудничать с МАГАТЭ.

Ключевые слова: Европейская комиссия, радиоактивные отходы, право ЕС, Директива Совета 2011/70/Евратом о радиоактивных отходах и отработавшем ядерном топливе, отработавшее ядерное топливо.

Цитирование. Лебедева Ю. В. Правовой механизм обращения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива в праве ЕС // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 39–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.5>

Введение

С принятием в 2011 г. Директивы Совета 2011/70/Евратом, «устанавливающей общие правила по обращению с ядерными отходами на территории ЕС» [5, с. 105], был создан эффективный правовой механизм обращения радиоактивных отходов (РАО) и отработавшего ядерного топлива (ОЯТ) на территории ЕС. К 2015 г. государства – члены ЕС, имеющие ядерные программы, имплементировали в свои национальные законодательства положения Директивы Совета 2011/70/Евратом, а к 2017 г. все страны – члены ЕС, не имеющие ядерных программ, завершили процесс имплементации вышеуказанной Директивы в свои национальные законодательства. Таким образом, были реализованы «важнейшие квалификационные характеристики права ЕС» [2, с. 63]: «принцип верховенства» [3, с. 75] и «принцип прямого действия» [4, с. 88]. В соответствии со ст. 14 Директивы Совета 2011/70/Евратом [7, р. 51] все государства – члены ЕС каждые три года предоставляют в Европейскую комиссию (ЕК) национальные отчеты о выполнении положений Директивы 2011/70, на основании которых ЕК представляет доклад Европарламенту и Совету о ситуации в сфере обращения РАО и ОЯТ и выделяет вопросы, требующие контроля. Первый такой доклад был сделан в 2017 г. [9], последний – в декабре 2019 года [10].

Доклад ЕК 2019 г. о ходе осуществления Директивы Совета 2011/70/Евратом и об инвентаризации радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива, находящегося на территории ЕС, и перспектива будущего

Доклад ЕК 2019 г. дает точное представление о текущей ситуации и о произошедших изменениях за три года (2017–2019) в сфере обращения РАО и ОЯТ по странам Евросоюза и выделяет вопросы, требующие контроля со стороны ЕК и Евратома. Доклад ЕК 2019 г. состоит из трех частей: Введение, Статус имплементации и Заключение.

Первая часть Доклада ЕК 2019 г. («Введение») содержит общую характеристику состояния обращения РАО и ОЯТ в атомной промышленности ЕС. В частности, указывается, что все страны – члены ЕС производят РАО, а 21 страна работает с ОЯТ на своих территориях. В ЕС почти 90 % [10] РАО классифицируются как «отходы очень низкого уровня» или «отходы низкого уровня», а ОЯТ определяется как ядерное топливо, которое было окончательно удалено из активной зоны реактора после облучения и больше не может использоваться в его нынешнем виде. В Докладе ЕК 2019 г. отмечается, что при обращении ОЯТ страны – члены ЕС могут выбрать один из двух способов: либо приобре-

рацию, то есть возврат части ядерного материала для повторного использования в том же технологическом процессе, либо окончательную утилизацию ОЯТ, означающую, что ОЯТ классифицируется как отходы с высоким содержанием РАО. Это объясняет, почему обращение РАО и ОЯТ должно осуществляться совместно. В 2019 г. в 14 странах – членах ЕС (Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Испания, Нидерланды, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швеция) эксплуатировались 129 атомных реакторов общей мощностью около 120 ГВт [10]. Из-за старения парка реакторов вывод из эксплуатации АЭС станет в ближайшие годы первоочередной задачей для европейской атомной промышленности. К 2025 г. более 50 действующих реакторов будут остановлены, новые проекты строительства предусмотрены в десяти государствах – членах ЕС. В настоящее время четыре реактора строятся: в Финляндии (1 реактор на АЭС «Олкилуото»), Франции (1 реактор на АЭС «Фламанвилль») и Словакии (2 реактора на АЭС «Моховце»), что приведет к образованию дополнительного объема РАО и ОЯТ, а также необходимости строительства новых объектов для их захоронения и хранения на территории ЕС.

Вторая часть Доклада ЕК 2019 г. («Статус имплементации») состоит из семи подразделов и раскрывает национальные политики, программы, концепции, планы, законодательство стран – членов ЕС, проблемы финансовых механизмов, безопасности репозитория и ответственности за обращение РАО и ОЯТ; компетентные национальные органы и их полномочия; транспортировку РАО и ОЯТ в третьи страны; вопросы ядерного страхования, экспертизы, лицензирования, научных исследований и работу с гражданским обществом и СМИ.

В соответствии с Докладом ЕК 2019 г. общий запас РАО на территории ЕС составляет 3 313 000 м³, из которых около 70 % было утилизировано и около 30 % находится в ядерных хранилищах [10]. Все ОЯТ (более 54 000 т) находится на хранении [10]. Учитывая закрытие перерабатывающих предприятий в Великобритании в 2020 г. и последствия Brexit, с 2021 г. Франция становится единственным

государством – членом ЕС с промышленной политикой переработки ОЯТ на внутреннем рынке.

По-прежнему остро стоит вопрос о выработке единой классификации РАО и ОЯТ на территории ЕС. Исторически большинство стран – членов ЕС разрабатывали свои собственные системы классификации РАО, которые уже были закреплены в их законодательстве ранее, в то же время несколько стран – членов ЕС, не имеющих ядерных программ, применяют Общее руководство по безопасности МАГАТЭ 2009 г. (GSG-1). Европейская комиссия перевела данные стран – членов ЕС в общую классификацию в соответствии с GSG-1 для оценки объемов РАО и ОЯТ на территории ЕС.

Все государства – члены ЕС включили в свое законодательство принципы, на которых должна основываться национальная политика при работе с РАО и ОЯТ согласно п. 3 ст. 4 Директивы Совета № 2011/70/Евратом, в частности: сведение к минимуму образования РАО, обеспечение безопасности и учета на всех этапах обращения ОЯТ и РАО, а также самый главный принцип – расходы по РАО и ОЯТ несет то государство, которое их произвело. Все государства – члены ЕС представили Комиссии свои окончательные национальные программы, за исключением Италии.

Отдельным пунктом Доклада ЕК 2019 г. рассматривался вопрос о возможности строительства объединенного репозитория на территории ЕС, но большинство стран – членов ЕС (Болгария, Греция, Ирландия, Мальта, Польша, Румыния, Финляндия, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония) своими законами запрещают ввоз РАО на свою территорию. Часть стран – членов ЕС намерены строить свои национальные репозитории [12, р. 319].

В соответствии с п. 1f ст. 12 Директивы Совета 2001/70 государства – члены ЕС ведут научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую деятельность, находящуюся в настоящее время на разных этапах реализации. При этом большинство стран – членов ЕС, имеющих исследовательские реакторы, предусматривают до 2026 г. возврат ОЯТ обратно поставщику, а именно США или Российской Федерации. Бельгия, Болгария, Чехия, Германия, Италия, Нидерланды, Эстония выбра-

ли переработку ОЯТ и получают РАО после переработки в ЕС или за его пределами до 2052 года. В связи с выходом Великобритании из Евратома возвращение РАО из Англии запланировано до 2025 года.

В Докладе ЕК 2019 г. отмечается улучшение национальных контрольно-экспортных структур стран – членов ЕС в основном за счет международных экспертных органов МАГАТЭ, в частности: IRRS [8] и ARTEMIS [6]. В период 2017–2018 гг. первые экспертные обзоры ARTEMIS были проведены в Польше, Франции, Болгарии, Люксембурге. В Испании была проведена совместная экспертная оценка IRRS и ARTEMIS.

ЕК оказывает поддержку МАГАТЭ в разработке инструмента для самооценки государства, основанного на стандартах безопасности МАГАТЭ и передовой практике, чтобы позволить странам – членам ЕС выполнять свои обязательства по оценке своего потенциала работы с РАО и ОЯТ, согласно п. 3 ст. 14 Директивы Совета 2011/70/Евратом. Многие российские (А.И. Иойрыш, О.А. Супатаева, М.С. Евтеева) и зарубежные (Анна Седерстен, Карлтон Стойбер, Алек Байер, Норберт Пельзер) авторы по международному ядерному праву сходятся во мнении, что «сотрудничество Евратома с МАГАТЭ... реализуется по таким направлениям, как реакторная безопасность, обращение с радиоактивными отходами...» [1, с. 275].

Страны – члены ЕС приняли меры для принятия на национальном уровне систем безопасности и лицензирования различной степени сложности и определили независимые компетентные организации по обращению РАО и ОЯТ и органы по контролю над ними в соответствии с п. 1 ст. 5 Директивы Совета 2011/70/Евратом. В Докладе ЕК 2019 г. отмечается, что в соответствии со ст. 6 Директивы Совета 2011/70/Евратом все страны – члены ЕС сообщили о наличии одного или нескольких компетентных независимых органов на региональном (Германия, Италия), федеральном (Германия) или национальном уровне (Португалия, Нидерланды).

В странах – членах ЕС ответственность за обращение РАО и ОЯТ лежит на обладателе лицензии в соответствии с п. 1 ст. 7 Директивы Совета 2011/70/Евратом. Большинство государств – членов ЕС имеют свою право-

вую базу и положения, требующие от обладателя лицензии проводить демонстрацию безопасности установок по обращению РАО и ОЯТ и их регулярные проверки.

«Вопросу транспарентности и связям с общественностью по обращению РАО и ОЯТ в странах – членах ЕС уделяется всегда особое внимание» [11, р. 193]. В большинстве государств – членов ЕС имеются правовые механизмы для обеспечения общественности информацией (консультации, веб-сайты, общенациональные информационные кампании, смешанные парламентские комиссии) в соответствии со ст. 10 Директивы Совета 2011/70/Евратом (например, в рамках процедур экологической оценки). В Бельгии, Словакии, Швеции доступ граждан к официальным документам является правом, закрепленным в их конституциях.

В «Заключении» Доклада ЕК 2019 г. Европейская комиссия дает удовлетворительную оценку работе стран – членов ЕС по имплементации Директивы Совета 2011/70/Евратом.

Вывод

Десять лет назад была принята Директива Совета 2011/70/Евратом о радиоактивных отходах и отработавшем ядерном топливе, и с 2015 г. Евратом при поддержке ЕК начал создавать правовой механизм по обращению РАО и ОЯТ, который эффективно функционирует с 2017 года. Хотя страны – члены ЕС находились на разных стадиях освоения атомных технологий, имели разный экономический и научный потенциал по обращению РАО и ОЯТ, но к 2021 г. на пространстве Евросоюза полностью сформировались правовые отношения, регулирующие обращение РАО и ОЯТ на всей территории ЕС, что позволило получить значимые результаты контроля и учета использования новых технологий обработки ОЯТ и хранения РАО в европейской атомной промышленности, значительно повысить безопасность атомных объектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Европейское международное право : учебник / отв. ред.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова, П. В. Саваськов. – М. : Междунар. отношения, 2009. – 408 с.

2. Европейское право. Основы интеграционного права Европейского Союза и Евразийского экономического союза : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин, М. Л. Энтин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 528 с.

3. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Л. М. Энтин. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 960 с.

4. Кашкин, С. Ю. Введение в право Европейского Союза : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. / С. Ю. Кашкин, П. А. Калинин, А. О. Четвериков. – М. : Эксмо, 2010. – 464 с.

5. Курбанов, Р. А. Энергетическое право и энергетическая политика Европейского союза / Р. А. Курбанов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 167 с.

6. ARTEMIS – Service for Radioactive Waste and Spent Fuel Management, Decommissioning and Remediation. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.iaea.org/ru/uslugi/uslugi-po-kompleksnoy-ekspertize-programm-obrashcheniya-s-radioaktivnymi-otvodami-i-otrabotavshim-toplivom-vyvoda-iz-ekspluatacii-i-ekologicheskoy-reabilitacii-artemis>. – Title from screen.

7. Council Directive 2011/70/EURATOM of 19 July 2011 establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste// Official Journal of the EU. – 2011. – № 199. – P. 48–56.

8. IRRS – Integrated Regulatory Review Service. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.iaea.org/services/review-missions/integrated-regulatory-review-service-irrs>. – Title from screen.

9. Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects, Brussels, 15.5.2017, COM (2017) 236 final. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1528108752221&uri=CELEX:52017DC0236>. – Title from screen.

10. Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects SWD/2019/436 final. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1579078487734&uri=CELEX:52019SC0436>. – Title from screen.

11. Södersten, A. Euratom at the Crossroads, Swedish Institute for European Policy Studies / A. Södersten. – Stockholm, Sweden, 2018. – 272 p.

12. Tarakanov, V.V. Interactive Demo On-Line Maintenance Foreign Trade Deals of Business Entities of BRICS Jurisdictions / V. V. Tarakanov, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018) / A. O. Inshakova, E. I. Inshakova, eds. – Cham : Springer Nature, 2020. – P. 319–327.

REFERENCES

1. Kolosov Yu.M., Krivchikova E.S., Savas'kov P.V., eds. *Evropejskoe mezhdunarodnoe pravo: uchebnik* [European International Law: a Textbook]. Moscow, International relations Publ., 2009. 408 p.

2. Entin L.M., Entin M.L., eds. *Evropejskoe pravo. Osnovy integratsionnogo prava Evropejskogo Soyuza i Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: uchebnik* [European law. Fundamentals of the integration law of the European Union and the Eurasian Economic Union: a Textbook]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2020. 528 p.

3. Entin L.M., ed. *Evropejskoe pravo. Pravo Evropejskogo Soyuza i pravovoe obespechenie zaschity prav cheloveka: uchebnik* [European law. European Union law and legal framework for the protection of human rights: a Textbook]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2013. 960 p.

4. Kashkin S.Yu., Kalinichenko P.A., Chetverikov A.O. *Vvedenie v pravo Evropejskogo Soyuza: uchebnik* [Introduction to European Union law: a Textbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 464 p.

5. Kurbanov R.A. *Energeticheskoe pravo i energeticheskaya politika Evropejskogo soyuza* [Energy Law and European Union Energy Policy]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2018. 167 p.

6. ARTEMIS – Service for Radioactive Waste and Spent Fuel Management, Decommissioning and Remediation. URL: <https://www.iaea.org/ru/uslugi/uslugi-po-kompleksnoy-ekspertize-programm-obrashcheniya-s-radioaktivnymi-otvodami-i-otrabotavshim-toplivom-vyvoda-iz-ekspluatacii-i-ekologicheskoy-reabilitacii-artemis>.

7. Council Directive 2011/70/EURATOM of 19 July 2011 establishing a Community framework for the responsible and safe management of spent fuel and radioactive waste. *Official Journal of the EU*, 2011, no. 199, pp. 48–56.

8. IRRS – Integrated Regulatory Review Service. URL: <https://www.iaea.org/services/review-missions/integrated-regulatory-review-service-irrs>.

9. *Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an*

inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects, Brussels, 15.5.2017, COM (2017) 236 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1528108752221&uri=CELEX:52017DC0236>.

10. *Report from the Commission to the Council and the European parliament on progress of implementation of Council Directive 2011/70/EURATOM and an inventory of radioactive waste and spent fuel present in the Community's territory and the future prospects SWD/2019/436 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1579078487734&uri=CELEX:52019SC0436>.*

11. Södersten, A. *Euratom at the Crossroads, Swedish Institute for European Policy Studies. Stockholm, Sweden, 2018. 272 p.*

12. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Interactive Demo On-Line Maintenance Foreign Trade Deals of Business Entities of BRICS Jurisdictions. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018)*. A.O. Inshakova, E.I. Inshakova, eds. Cham, Springer Nature, 2020, pp. 319-327.

Information About the Author

Yulia V. Lebedeva, Candidate for a Degree, Department of European Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation; Advisor, Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Smolenskaya-Sennaya Sq., 32/34, 119200 Moscow, Russian Federation, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

Информация об авторе

Юлия Вячеславовна Лебедева, соискатель кафедры европейского права, Московский государственный институт международных отношений МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация; советник историко-документального департамента МИД России, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Смоленская-Сенная пл., 32/34, 119200 г. Москва, Российская Федерация, y.lebedeva.68@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4902-1657>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.6>

UDC 341.1/8
LBC 67.91

Submitted: 25.12.2020
Accepted: 09.02.2021

**THE INTERNATIONAL LEGAL PRINCIPLES OF ENVIRONMENTAL PROTECTION
IN THE APPLICATION TO THE FORMATION
OF THE INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL ORGANIZATION
OF THE CASPIAN SEA**

Araz Ogtay ogly Mursaliev

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation

Introduction: in the paper, the author **aims** to analyze the content and legal significance of the international legal principles of environmental protection in the context of the prospects for the formation of an international environmental organization in the Caspian region. The author focuses on the principles that have already been enshrined in the international legal treaties concluded by the Caspian Sea States: the precautionary approach, the “polluter pays” principle, the principle of accessibility of information on marine pollution, and the principle of the ecosystem approach. **Methods:** the methodological framework for the study is the methods of analysis and synthesis, the empirical methods of comparison, interpretation, as well as such specific scientific methods as the legal-dogmatic method and the method of interpretation of legal norms. **Results:** the results of the study show that the development of the regional environmental protection institutions in the Caspian region should take into account the international legal principles of environmental protection. In particular, based on the analysis of the above-mentioned international legal principles, the author justifies the need to give a possible regional interstate environmental organization the functions of monitoring, tracking the causes of harm, the function of a center for collecting, processing and distributing information, as well as coordinating the activities of all existing international and national structures to improve the efficiency of their cooperation. **Discussion and conclusions:** the development of the regional environmental institutions is impossible without taking into account the international legal principles enshrined in the regional international treaties. The author concludes that it is necessary to apply the content of such principles in the formation of a regional interstate environmental organization.

Key words: the Caspian Sea, environmental protection, principles of international law, ecosystem approach, the principle of “polluter pays”.

Citation. Mursaliev A.O. ogly. The International Legal Principles of Environmental Protection in the Application to the Formation of the International Environmental Organization of the Caspian Sea. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 45-49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.6>

УДК 341.1/8
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 25.12.2020
Дата принятия статьи: 09.02.2021

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ
ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ПРИМЕНЕНИИ
К ФОРМИРОВАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРИРОДООХРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАСПИЙСКОГО МОРЯ**

Араз Огтай оглы Мурсалиев

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье автор ставит своей целью проанализировать содержание и правовое значение международно-правовых принципов охраны окружающей среды в контексте перспектив формирования между-

народной природоохранной организации в Каспийском регионе. Автор делает акцент на тех принципах, которые уже получили закрепление в международно-правовых договорах, заключенных государствами Каспийского моря: на принципе предосторожного подхода, принципе «загрязнитель платит», принципе доступности информации о загрязнении морской среды и принципе экосистемного подхода. **Методы:** методологической основой настоящего исследования стали методы анализа и синтеза, эмпирические методы сравнения, интерпретации, а также такие частнонаучные методы, как юридико-догматический и метод толкования правовых норм. **Результаты исследования:** результаты проведенного исследования показывают, что при развитии региональных институтов охраны окружающей среды в Каспийском регионе необходимо учитывать международно-правовые принципы охраны окружающей среды. В частности, исходя из анализа вышеперечисленных международно-правовых принципов, автор обосновывает необходимость придания возможной региональной межгосударственной природоохранной организации функций по мониторингу, отслеживанию причинителей вреда, функции центра сбора, обработки и распространения информации, а также координации деятельности всех существующих международных и национальных структур для повышения эффективности их сотрудничества. **Обсуждение и заключение:** развитие региональных природоохранных институтов невозможно без учета международно-правовых принципов, закрепленных в региональных международных договорах. Автор делает вывод о необходимости применения содержания таких принципов при формировании региональной межгосударственной природоохранной организации.

Ключевые слова: Каспийское море, охрана окружающей среды, принципы международного права, экосистемный подход, принцип «загрязняющий платит».

Цитирование. Мурсалиев А. О. оглы. Международно-правовые принципы охраны окружающей среды в применении к формированию международной природоохранной организации Каспийского моря // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 45–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.6>

Введение

Реализация положений международных универсальных и региональных (многосторонних и двусторонних) соглашений, формирующих международно-правовой режим охраны окружающей среды Каспийского моря, осуществляется целым рядом международных организаций, конвенций, программ, региональных международных организаций и исполнительных органов отдельных соглашений, а также возложена прикаспийскими государствами на их национальном уровне на множество компетентных государственных органов.

Отсутствие единого центра координации природоохранной деятельности на Каспии приводит к наложению функций, недостаточно эффективному их исполнению, отсутствию реальных механизмов контроля за соблюдением обязательств и т. д.

В своих статьях и работах автор рассматривает различные аспекты проблематики создания региональной межгосударственной природоохранной организации, компетентной в вопросах охраны окружающей среды Каспийского моря [3]. В настоящей статье автор намерен рассмотреть, какие международно-правовые принципы могут лечь в основу ло-

гики создания и функционирования такой организации.

Основное содержание

Первое и наиболее комплексное перечисление принципов международного права, применимых к охране окружающей среды в Каспийском регионе, дано в п. 1.3 Каспийской экологической программы 2006 года. Позднее часть этих принципов легла в основу Рамочной конвенции о защите морской среды Каспийского моря 2003 г. и Протоколов к ней, а также в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 года.

Ст. 4 Тегеранской конвенции указывает в числе общих обязательств ее участников, что стороны обязуются принимать необходимые меры для предотвращения, снижения и контроля загрязнения Каспийского моря; принимать меры для охраны, сохранения и восстановления морской среды, а также использовать ресурсы Каспийского моря таким образом, чтобы не наносить ущерба его морской среде [3]. Среди отраслевых принципов международно-правовой охраны морской среды Каспийского региона названы: принцип принятия мер предосторожности, принцип ответственности сторон, по вине которой произошло

загрязнение («загрязняющий платит»), а также принцип доступности информации о загрязнении. В настоящей статье будет осуществлена попытка выявить перспективы создания единой межгосударственной организации, компетентной в вопросах охраны окружающей среды в Каспийском море, в контексте реализации отдельных международно-правовых принципов охраны окружающей среды, уже получивших прямое или опосредованное закрепление в региональных соглашениях.

В Тегеранской конвенции закреплён «*принцип принятия мер предосторожности*, согласно которому, при наличии угрозы серьёзного или необратимого ущерба для морской среды Каспийского моря, ссылки на отсутствие полной научной уверенности не используются в качестве причины для отсрочки экономически эффективных мер по предупреждению подобного ущерба» [3]. Суть принципа предосторожности заключается в том, что меры по предотвращению, ограничению и сокращению загрязнения окружающей среды должны быть исполнены в максимально короткие сроки, причем научные сомнения в необходимости данных действий не могут служить достаточным основанием для задержки. В Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г. смысл принципа предосторожности был дополнительно раскрыт. В частности, в ст. 13 говорится о том, что неоправданные задержки или отказы недопустимы в процессе выдачи разрешений на проведение морских научных исследований, направленных на изучение водных биологических ресурсов, равно как и ресурсов дна и недр. Однако в таком случае должны соблюдаться суверенные и исключительные права Сторон, закреплённые в Конвенции.

Принцип «загрязняющий платит» означает, что виновник в загрязнении окружающей среды обязан нести все расходы, связанные с ликвидацией последствий его действий [2, с. 74]. Данный принцип нашел свое отражение в п. (b) ст. 4 Рамочной конвенции, а также в Конвенции о правовом статусе Каспийского моря 2018 г., где закрепляется ответственность Стороны-загрязнителя за любые действия, повлекшие за собой причинение вреда экосистеме водоема. Прибрежные государства обязуются принимать как само-

стоятельно, так и совместно необходимые меры по предотвращению случаев загрязнения, уменьшению исходящего от него ущерба, а также контролю за всеми его возможными источниками. Данный принцип впервые получил свое закрепление в Рекомендациях ОЭСР 1972 г. о руководящих принципах применительно к международным экономическим аспектам природоохранной политики, а позднее – в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. (принцип 16). Важно подчеркнуть, что данный принцип носит экономический характер и является наиболее практически применимым, не декларативным.

Согласно *принципу доступности информации о загрязнении морской среды*, закреплённому в ст. 5 Тегеранской конвенции, страны-участницы обязаны предоставить доступ к информации о загрязнении другим прибрежным государствам. Согласно ст. 21 Рамочной конвенции, обмен такими данными между Сторонами должен происходить регулярно [1, с. 23]. Этот принцип нашел свое отражение в деятельности Конференции Договаривающихся Сторон, в частности в уже упомянутых двух Докладах о состоянии окружающей среды Каспийского моря. Прикаспийские государства ведут просветительскую работу, направленную на информирование населения о состоянии окружающей среды, а также поощряют создание неправительственных организаций, занимающихся проблемами экологии. Кроме того, существенным шагом к доступности информации об экологии региона стало присоединение Азербайджана, Казахстана и Таджикистана к конвенции Европейской экономической комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» (далее – Орхусская конвенция), направленной не только на обеспечение доступа к информации, но и на участие граждан в принятии решений по вопросам окружающей среды [4, р. 603].

Принцип экосистемного подхода широко освещен в ст. 7–11 Рамочной конвенции (посвящены вопросам предотвращения, снижения и контроля загрязнений от различного типа источников); принцип также отражен в Протоколе о сохранении биологического раз-

нообразия к Рамочной конвенции. Концептуально-правовые основы экосистемного подхода были заложены в Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме 1972 года. Ключевой вехой в формировании экосистемного подхода можно считать Конвенцию о биологическом разнообразии 1992 года. В тексте Конвенции термин «экосистема» был определен как «динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое» [2]. На 5-й Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии были утверждены 12 базовых принципов экосистемного подхода, включающих в себя необходимость децентрализации органов управления экосистемой ради достижения наибольшей эффективности, долгосрочность поставленных перед ними целей и т. д.

Результаты и выводы

Во-первых, из изложенного необходимо сделать вывод о том, что в целях реализации принципа «загрязнитель платит» в Каспийском регионе необходимо придание единой межгосударственной организации, компетентной в вопросах охраны окружающей среды Каспийского моря, не только общих функций по мониторингу, но и по отслеживанию причинителей вреда – в координации с компетентными органами государств.

Во-вторых, для целей охраны окружающей среды Каспийского моря необходимо обеспечение государств, хозяйствующих субъектов доступом к информации об экосистеме водоема, о его биологических, химических, геоморфологических характеристиках, загрязнениях, а также о наиболее экологических доступных технологиях. Представляется, что для координации такой деятельности на уровне региональной межгосударственной организации необходимо наделить ее функциями единого центра сбора, обработки и распространения информации.

В-третьих, необходимо при формировании видения устройства возможной межгосударственной организации учитывать и значение принципа экосистемного подхода. Пред-

ставляется, что деятельность такой организации должна быть направлена не на централизацию функций по управлению экосистемой Каспия, а на координацию деятельности всех существующих международных и национальных структур для повышения эффективности их сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин, А. Н. К учету международно-правовых начал экосистемного управления природными ресурсами Каспия / А. Н. Вылегжанин, Е. Е. Андреева, Л. В. Сперанская // Вестник Каспия. – 2002. – № 6. – С. 65–69.
2. Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 29.04.2020). – Загл. с экрана.
3. Рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря 2003 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.tehranconvention.org/IMG/pdf/Tehran_Convention_text_final_rus.pdf (дата обращения: 22.06.2020). – Загл. с экрана.
4. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0 / А. О. Inshakova, Е. Е. Frolov, Е. Р. Rusakova, S. I. Kovalev // *Journal of Intellectual Capital*. – 2020. – № 21 (4), pp. 601–622.

REFERENCES

1. Vylegzhanin A.N., Andreeva E.E., Speranskaya L.V. K uchetu mezhdunarodno-pravovykh nachal jekosistemnogo upravlenija prirodnyimi resursami Kaspija [Towards the accounting of international legal principles of the ecosystem management of natural resources of the Caspian]. *Vestnik Kaspija* [Herald of the Caspian Sea], 2002, no. 6, pp. 65–69.
2. *Convention on Biological Diversity 1992*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (accessed 29 April 2020).
3. *The Framework Convention for the Protection of the Marine Environment of the Caspian Sea 2003*. URL: http://www.tehranconvention.org/IMG/pdf/Tehran_Convention_text_final_rus.pdf (accessed 22 June 2020).
4. Inshakova A.O., Frolova E.E., Rusakova E.P., Kovalev S.I. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*, 2020, no. 21 (4), pp. 601–622.

Information About the Author

Araz Ogtay ogly Mursaliev, Candidate for a Degree, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>

Информация об авторе

Араз Огтай оглы Мурсалиев, соискатель кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, arazmursaliev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9358-7423>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.7>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 10.01.2021
Accepted: 09.02.2021

ON EVOLUTIVE INTERPRETATION IN RUSSIAN LAW

Julia A. Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the analysis of evolutive interpretation as a special phenomenon in the theory of legal interpretation. There is no this phenomenon among the traditional ways and types of interpretation in domestic law. First, this concept originated in the depths of the sociological legal understanding, which requires the judge to make decisions that meet legal justice and public expectations. Secondly, from these positions, any product that the court “produces” within the framework of the sociological approach to law is judicial law-making. The question of its terminological designation is related to the peculiarities of the implementation of approaches to legal understanding in the practical activities of the court. Third, the term “evolutive” interpretation, which has developed in the activities of the supranational judicial institutions of the integration associations, has historically proved to be euphonious, convenient and suitable for practical use. The **purpose** of the research is to formulate the methodological foundations of the application and the characteristic features of the evolutive interpretation. The **objectives** of the research are to reveal the features of the historical genesis, the essential features of evolutive interpretation from the point of view of judicial and scientific doctrine, to show that this ambiguous concept is still the subject of scientific discussion. **Methods:** the paper uses the philosophical and general scientific principles; the system, genetic and activity approaches; the formal-legal, system and cultural-historical methods. **Results:** when discussing the possibility of extrapolating the foreign term “evolutive” interpretation into the domestic legal system, it is necessary to observe the continuity of the development of the domestic legal science and the national legal traditions. It is necessary to proceed from the achieved national experience of technical and legal support and terminologization of law-making and law-enforcement processes. **Conclusions:** the foreign doctrine of evolutive interpretation is comparable with the domestic approaches to legal hermeneutics. Each of these phenomena has advantages and disadvantages, so it is advisable to consider these methodological and doctrinal approaches as an integral part of the concept of legal meaning formation.

Key words: evolutionary interpretation, correctional interpretation, dynamic interpretation, sociological interpretation, legal hermeneutics, the meaning of law.

Citation. Gavrilova Ju.A. On Evolutive Interpretation in Russian Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 50-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.7>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 10.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ОБ ЭВОЛЮТИВНОМ ТОЛКОВАНИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Юлия Александровна Гаврилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена анализу эволютивного толкования как особого явления в теории толкования права. В числе традиционных способов и видов толкования в отечественном праве этот феномен отсутствует.

Во-первых, данное понятие зародилось в недрах социологического правопонимания, предъявляющего требование к судье принимать решения, отвечающие юридической справедливости и общественным ожиданиям. Во-вторых, с этих позиций любой продукт, который «производит» суд в рамках социологического подхода к праву, является судебным правотворчеством. Вопрос его терминологического обозначения связан с особенностями реализации подходов к правопониманию в практической деятельности суда. В-третьих, термин «эволютивное толкование», сложившийся в деятельности наднациональных судебных учреждений интеграционных объединений, исторически оказался благозвучным, удобным и пригодным для практического использования. Цель исследования – сформулировать методологические основания применения и характерные черты эволютивного толкования. Задачи исследования – раскрыть особенности исторического генезиса, сущностные признаки эволютивного толкования с точки зрения судебной и научной доктрины, показать, что данное неоднозначное понятие до настоящего времени находится в режиме научной дискуссии. **Методы:** в статье используются философские и общенаучные принципы; системный, генетический и деятельностный подходы; формально-юридический, системный и культурно-исторический методы. **Результаты:** при обсуждении возможности экстраполяции зарубежного термина «эволютивное толкование» в отечественную правовую систему следует соблюдать преемственность развития отечественной юридической науки и национальных правовых традиций. Необходимо исходить из достигнутого национального опыта технико-юридического обеспечения и терминологизации правотворческих и правоприменительных процессов. **Выводы:** зарубежная доктрина эволютивного толкования сопоставима с отечественными подходами к юридической герменевтике. Каждый из этих феноменов имеет преимущества и недостатки, поэтому целесообразно рассматривать эти методологические и доктринальные подходы как составную часть концепции юридического смыслообразования.

Ключевые слова: эволютивное толкование, коррекционное толкование, динамическое толкование, социологическое толкование, юридическая герменевтика, смысл права.

Цитирование. Гаврилова Ю. А. Об эволютивном толковании в российском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 50–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.7>

Введение

В современный период развития отечественного права возникают теоретические и практические затруднения, связанные с оценкой смысла, в соответствии с которым толкуются и применяются законодательные нормы. Данная проблема является в теории права, особенно в теории толкования, одной из ключевых. С методологической точки зрения каждая технология добывания и оперирования смыслом основывается на том или ином подходе: догматическом, герменевтическом, феноменологическом, социологическом и др. Практика правового регулирования в аспекте сопоставления с динамикой общественных отношений должна быть более адекватной и устойчивой, своевременной. Она нуждается в сочетании разных подходов или в объединяющем интегративном подходе.

В данной статье в качестве одного из возможных подходов критически рассматривается феномен эволютивного толкования. Как верно подчеркивается в специальной литературе, он является наименее изученным в отечественной правовой доктрине. Его актуальность для правопонимания связана, кро-

ме того, с задачей надлежащего учета и поиска разумного юридического инструментария для удовлетворения потребностей общества, а также с общими теоретико-методологическими вопросами соотношения языка и смысла права.

Термин «эволютивное толкование» происходит от латинского *evolutio* – развертывание и означает непрерывное развитие живых организмов в биологии путем перехода из более низкого состояния в более высокое: по уровню сложности, степени видовой разнообразия популяционных сообществ и пр.

В общественных науках, особенно в праве, термин «эволюция» претерпевает семантические изменения. Он представлен как изменяющийся исторический контекст развития и функционирования социально-политических институтов и сообществ. Социально-историческая среда активно воздействует на право, неизбежно вызывает в нем структурно-функциональные изменения, с помощью которых право адаптируется к этому контексту, преобразуется и развивается. Эволютивное толкование в праве – один из вариантов решения этой проблемы, претендующий на роль самостоятельной концепции.

Следует отметить, что обозначенный термином «эволютивное толкование» процесс правовой адаптации к социальным изменениям имеет практический характер и первоначально появился совершенно по другой причине. В этой связи необходимо обратить внимание на ряд этапов изучения понятия эволютивного толкования. В научной литературе их предложено достаточно много, наиболее основательно эти вопросы проанализированы в отраслях процессуального права и международном публичном праве.

Однако мы считаем возможным предложить свою двухступенчатую классификацию с позиции теории права и прежде всего с точки зрения места эволютивного толкования в общей теории толкования права:

1. Этап формирования понятия.
2. Этап развития (терминологической и семантической концептуализации) понятия.

Этап формирования понятия эволютивного толкования

На данном этапе происходит не только возникновение и апробация самой идеи эволютивного толкования, но и предпринимаются усилия по его судебной и научной доктринализации, но преимущественно в зарубежном праве.

Одним из первых еще в 1970-х гг. XX в. на этот феномен обратил внимание Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд). Согласно ст. 19 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТS № 005, принятой в Риме 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция), Суд учреждается Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции и Протоколам к ней в целях обеспечения соблюдения принятых на себя обязательств по защите основных прав и свобод человека. Каждое государство, ратифицировавшее Конвенцию или протоколы к ней, признает обязательную силу и обязуется исполнять окончательные постановления суда по любому делу с его участием.

В процессе рассмотрения дел по жалобам граждан на действия государств – участников Конвенции ЕСПЧ обратил внимание на то, что принятый в 1950 г. текст Конвенции не может адекватно ответить на пере-

мены в нравах, решить актуальные социально-экономические проблемы европейского общества, требующие более гибких и новых правовых инструментов решения. Можно говорить, что эпохальными в этой части стали четыре, чаще других в литературе называемые, постановления ЕСПЧ: «Голдер против Соединенного королевства» (1975), «Тайрер против Соединенного Королевства» (1978), «Маркс против Бельгии» (1979) и «Эйри против Ирландии» (1979).

В указанных судебных постановлениях ЕСПЧ предложены следующие основные идеи:

1) должны защищаться как права, текстуально закрепленные в Конвенции, так и не закрепленные, но в ней «подразумеваемые», которые толкуются на основе объекта и цели Конвенции;

2) Конвенция является «живым документом», а содержащиеся в ней основные права человека должны толковаться «в свете условий сегодняшнего дня»;

3) все основные права человека взаимосвязаны, между ними нет жесткой границы; главное, чтобы их защита была реальной и практически эффективной.

Сформулированные на основе этих идей подход, способ или доктрина толкования получили название «эволютивное толкование» Конвенции.

Следует признать, что до реформы контрольного механизма Конвенции в 1998 г., в деятельности ЕСПЧ преобладала так называемая судебная сдержанность, поскольку ключевым субъектом разрешения споров в данный период оставалась Комиссия Совета Европы. В дальнейшем, когда единственным субъектом судебной защиты прав, предусмотренных в Конвенции, стал ЕСПЧ, его функции постепенно трансформировались в сторону «судебного активизма», характерными примерами которого стали изменения предыдущих правовых позиций («прецедентная динамика») и формулирование новых по смыслу Конвенции прав человека. Подход эволюционного толкования больше стал напоминать судебное нормотворчество.

В зарубежной научной литературе феномен эволютивного толкования привлек внимание французского социолога права Ж. Карбонье в середине 80-х гг. XX века. Однако фран-

цузский правовед не использовал термин «эволютивное толкование», а применял понятие «социологическое толкование». Автор считал, что действующий на практике закон всегда должен применяться судьей с учетом существующего общественного мнения реалистично и придерживаться фактически сложившегося порядка отношений и тенденций судебной практики, ориентироваться на достижение социальных интересов в целом.

Ж. Карбонье приводил примеры расширительного или ограничительного толкования закона американскими судами в 30-х гг. XX в., когда оно либо ускоряло, либо тормозило реформы американского законодателя в обществе. При этом основной легитимной силой признавалась законодательная власть, а роль суда сводилась к тому, чтобы, помогая парламенту, параллельно приспособлять закон к социальной динамике [3, с. 311].

Этап развития (терминологической и семантической концептуализации) понятия эволютивного толкования

Этап развития понятия эволютивного толкования связан с дальнейшим осмыслением его сущностных и содержательных признаков не только в зарубежной, но главным образом – в отечественной юриспруденции. В силу различий в характере социально-экономического развития и правовых систем интерес к эволютивному толкованию возник в российском праве лишь в конце 1990-х – начале 2000-х годов. В советском праве изучалось судебное нормотворчество и идеологически оценивалось как феномен буржуазной правовой культуры. Практически только в работах А.Ф. Черданцева давался подробный анализ так называемой объективной теории толкования (независимости нормативного текста от воли законодателя) и динамических тенденций толкования, но эти явления рассматривались им как вынужденные исправления смысла закона, нетипичные для советского права. По понятным причинам в советском праве термин «эволютивное толкование» был неизвестен.

Отдельные компоненты феномена эволютивного толкования появились в деятельности Конституционного суда РФ 90-х гг. XX в. и идея о развитии нормативного потенциала консти-

туционного текста. Однако термин «эволютивное толкование» лишь упоминался в контексте ссылок на практику европейского и международного правосудия, а в российскую правовую доктрину так и не имплементировался. Лишь 21 декабря 2005 г. появляется Постановление № 13-П, которое за совокупность высказанных в нем правовых позиций ученые назвали концепцией «динамической корректировки» Конституции РФ. Но опять только «корректировки», но не эволютивного толкования.

В юридической литературе появились отдельные работы ученых, рискнувших употребить термин «коррекционное толкование», возможно – в качестве альтернативы «эволютивному толкованию». Между тем выдвинувшие такую идею А.В. Смирнов и А.Г. Манукян объединили в этом понятии слишком разнородные явления, что сопровождалось значительной долей критики в специальных работах. Так, по нашему мнению, недостатком их классификации явилось отождествление формальных технико-юридических исправлений текста (техническое и рациональное толкование) и содержательно-смысловых его корректировок (легальное и модернизационное толкование). Первое – не подменяло, а лишь синтаксически и семантически правильно выражало волю законодателя, второе – подменяло исходную волю и заменяло ее «гипотетической» волей в данных условиях, внешне оформленной как самостоятельное усмотрение смысла интерпретатором нормы [5, с. 9].

Более взвешенный подход можно найти в работах К.Б. Калиновского, который на примере уголовно-процессуальной тематики ограничил предметную область коррекционного толкования исправлением очевидных логических, лингвистических и технико-юридических ошибок законодателя либо применением явно устаревших, так называемых мертвых норм [2, с. 92, 96].

Тем не менее если исправление технико-редакционных недочетов не изменяет смысла нормы, как рассуждает автор, то оно по отмеченным признакам является уже давно известным в отечественной теории интерпретации видом толкования по объему. При применении же «мертвых» нормативных положений, вероятно, интерпретатор вынужден динамически понимать общие принципиаль-

ные положения действующего правового регулирования и действовать подобно «превращенной» аналогии. Причем на базе «превращенной» юридической аналогии (дух, смысл, принципы и цели права) старые нормы наделяются новым смыслом через абсолютное усмотрение, как если бы их не существовало и они создавались заново.

Еще одним аспектом изучаемой нами проблемы можно считать понятие динамического толкования (динамических тенденций в интерпретации). Данная проблема уходит корнями в XIX век, когда отечественными и зарубежными правоведами дискутировались вопросы соотношения так называемых субъективных и объективных теорий толкования. «Субъективные» теории толкования обязывали всех интерпретаторов находить исходную волю и намерения законодателя, которые и объявлялись как «истинный» смысл нормы, то есть интерпретировать этот смысл статически. А «объективные» теории толкования допускали и, более того, даже поощряли интерпретатора усматривать новизну смысла непосредственно из текста, где воля законодателя не ясна, не четко оформлена и устаревала, то есть допускали возможность интерпретировать смысл динамически.

В.В. Гончаров, рассмотревший этот вопрос в своей статье, правильно отмечает, что «когда интерпретатор занят динамическим толкованием, меняется и смысл, и значение правовой нормы, сама правовая норма...». Интерпретатор должен соучаствовать вместе с законодателем, развивать по-новому интерпретацию и наращивать смысл, при этом делать это в исключительных случаях и тщательно аргументировать [1, с. 75].

Однако не совсем можно согласиться, что автор называет концепцию классического толкования романтической герменевтикой, а поиск намерений законодателя устаревшими методологическими основаниями, методологическим «якорем». Позиция автора представляется умозрительной, так как она сформулирована, как будто автор сам проживает в Великобритании и США и поэтому ориентирует всех на применение опыта англосаксонской правовой системы.

Речь идет о недопустимости, а может быть, и о невозможности элиминации национальных правовых традиций, так как без уче-

та принципа преемственности нельзя сформировать прецедентную культуру динамического толкования, за которую выступает автор. Россия – страна, синтезирующая классическую концепцию толкования с неклассической. Мы в нашей правовой культуре толкуем волю законодателя, хотя и в той мере и степени, в какой она сформулирована в правовом тексте. Именно в мере и степени смыслового творчества в определенном диапазоне (шкале) усмотрения, регламентированном законом, заключается динамизм толкования права.

Нетрудно заметить, что динамическая составляющая юридической интерпретации имеет под собой «скрытые» герменевтические основы. В рамках юридической герменевтики рассматриваются и принимаются во внимание целевой контекст и воля законодателя, а равно целевой контекст и воля интерпретатора. Эти основополагающие понятийные конструкции оформляются в едином терминологическом дизайне: «герменевтический круг», «вчувствование» и «вживание», «слияние» смысловых горизонтов и др.

Краеугольным «камнем» юридической герменевтики выступают такие операции над смыслом правового текста (основополагающего объекта юридической интерпретации), когда необходимо каким-либо образом гармонизировать мысли, идеи законодателя с той жизненной средой, в которой осуществляется их актуальное толкование. Однако те же цели и задачи преследует и эволютивное толкование.

Условием динамизма судебной практики, как правильно пишут Ю.Е. Пудовочкин и М.М. Бабаев, является ситуация, когда он является соразмерной реакцией на действительно затянувшиеся в решении острые социальные вопросы, а также направлен на совершенствование правовой доктрины [4, с. 64]. Тогда стабильность и динамизм юридической практики помещаются в общее пространство юридического смыслообразования, где любые операции над смыслом служат средством достижения как правовой определенности, так и социальной справедливости.

Выводы

Термин «эволютивное толкование» появился и широко распространен в сфере меж-

дународного и регионального (интеграционного) правосудия, где он вполне имеет право на существование. Однако выводить его на уровень самостоятельного понятия для всей российской теории права вряд ли необходимо. Прежде всего, это связано с тем, что он не «вписывается» в российскую правовую реальность и не согласуется с национальной правовой идентичностью. Судебная доктрина эволютивного толкования в целом соответствует тому феномену, который в отечественной правовой традиции обозначается юридической герменевтикой. В то же время юридическая герменевтика слишком широко трактует юридическую интерпретацию и не учитывает в полной мере догматические технико-юридические аспекты отечественного правоведения, связанные с разграничением толкования и конкретизации, толкования и аналогии, толкования и усмотрения. В силу изложенного общей концептуальной основой эволютивного толкования и юридической герменевтики может являться юридическое смыслообразование: понятие, нуждающееся в дополнительных исследованиях и обладающее существенным проективным потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, В. В. «Менять, не меняя»: к вопросу о соотношении статического и динамического толкования правовых норм / В. В. Гончаров // Проблемы методологии и философии права : сб. ст. Междунар. круглого стола (г. Самара, 28 февраля 2014 г.) / под общ. ред. С. Н. Касаткина. – Самара : Самар. гуманит. акад., 2014. – С. 64–78.
2. Калиновский, К. Б. Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении из-

менений в УПК РФ / К. Б. Калиновский // Журнал российского права. – 2008. – № 8 (140). – С. 91–97.

3. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М. : Прогресс, 1986. – 352 с.

4. Пудовочкин, Ю. Е. Динамизм и стабильность судебной практики / Ю. Е. Пудовочкин, М. М. Бабаев // Журнал российского права. – 2019. – № 7. – С. 56–64.

5. Смирнов, А. В. Толкование норм права : учеб.-практ. пособие / А. В. Смирнов, А. Г. Манукян. – М. : Проспект, 2008. – 144 с.

REFERENCES

1. Goncharov V.V. «Menjat', ne menjaja»: k voprosu o sootnoshenii staticheskogo i dinamicheskogo tolkovanija pravovyh norm ["To change, without changing": on the question of the correlation of static and dynamic interpretation of legal norms]. Kasatkin S.N., ed. *Problemy metodologii i filosofii prava. Sbornik statej mezhdunarodnogo kruglogo stola (Samara, 28 fevralja 2014 g.)* [Problems of Methodology and Philosophy of Law. A collection of articles of the international round table (Samara, 28 Feb 2014)]. Samara, Samara Humanitarian Academy Publ., 2014, pp. 64-78.

2. Kalinovskiy K.B. Korrekcionnoe tolkovanie otdel'nyh polozhenij zakonov o vnesenii izmenenij v UPK RF [Correctional interpretation of certain provisions of the laws on amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 8 (140), pp. 91-97.

3. Carbonnier J. *Juridicheskaja sociologija* [Legal sociology]. Moscow, Progress, 1986. 352 p.

4. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Dinamizm i stabil'nost' sudebnoj praktiki [Dynamism and stability of judicial practice]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 7, pp. 56-64.

5. Smirnov A.V., Manukyan A.G. *Tolkovanie norm prava: uchebno-prakticheskoe posobie* [Interpretation of the norms of law: an educational and practical guide]. Moscow, Prospect Publ., 2008. 144 p.

Information About the Author

Julia A. Gavrilova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavriloa_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Информация об авторе

Юлия Александровна Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavriloa_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.8>

UDC 336.226.2
LBC 67.402

Submitted: 30.12.2020
Accepted: 28.01.2021

THE TAX SYSTEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLE OF TAX FAIRNESS

Stanislav D. Kazachenkov

Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in order to conduct an effective tax policy in the modern world, the state needs to rethink the development strategy in the field of taxation, which should be based on a system of tax principles, in particular, the principle of tax fairness. The novelty of the study lies in the fact that despite the considerable amount of the theoretical research on the subject, this area is under-researched in the question of the concept of equity in taxation, which is the relevance and need for the study. **Purpose:** to study the efficiency of the implementation of the principle of fairness in the modern tax system through the example of this country and foreign countries (USA). **Methods:** the research is based on the comparative method, the method of system analysis and dialectics, synthesis, analogy, deduction, induction, historical method, the method of unity of theory and practice, as well as the special legal methods (the formal legal method, the empirical methods of cognition and the dogmatic methods). **Results:** the formation of the concept of property taxation based on the principle of equity through the example of Russia and the United States. **Conclusions:** the principle of fair taxation should take into account the features of the modern legal and social reality, as well as the practical relations in the field of taxation.

Key words: taxation, property taxation, tax system, tax policy, property, principles of taxation, tax fairness, mechanism.

Citation. Kazachenkov S.D. The Tax Systems of the Russian Federation and the United States in the Context of the Principle of Tax Fairness. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 56-61. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.8>

УДК 336.226.2
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 30.12.2020
Дата принятия статьи: 28.01.2021

НАЛОГОВЫЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И США В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Станислав Дмитриевич Казаченков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: в целях проведения эффективной налоговой политики в современном мире государству необходимо переосмыслить стратегию развития в сфере налогообложения, которая должна опираться на систему принципов налогообложения, в частности принцип справедливости налогообложения. Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на значительный объем теоретических исследовательских работ по рассматриваемой тематике, данная область недостаточно исследована в вопросе концепции принципа справедливости в области налогообложения, в чем и проявляется актуальность работы и потребность в изучении. **Цель:** изучение эффективности реализации принципа справедливости в современной налоговой системе на примере нашей и зарубежной страны (США). **Методы:** исследование базируется на сравнительном методе, методе системного анализа и диалектики, синтеза, аналогии, дедукции, индукции, историческом методе, методе единства теории и практики, а также специально-юридических методах (формально-юридический метод, эмпирические методы познания и догматические методы). **Результаты:** формирование концепции имущественного налогообложения на основе принципа справедливости на примере России и США. **Выводы:** принцип справедливости налогообложения должен учитывать особенности современных реалий правовой и социальной действительности, а также практических отношений в сфере налогообложения.

Ключевые слова: налогообложение, налогообложение имущества, налоговая система, налоговая политика, имущество, принципы налогообложения, справедливость налогообложения, механизм.

Цитирование. Казаченков С. Д. Налоговые системы Российской Федерации и США в контексте принципа справедливости налогообложения // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 56–61. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.8>

Введение

В настоящее время государства разработали более сложные системы и процессы для определения того, кто облагается налогом, что облагается налогом («налоговая база»), сколько облагается налогом и какие личные условия налогоплательщиков должны учитываться. Но что должно лежать в основе справедливого налогообложения, чтобы избежать негативных последствий, и как это повлияет на нашу повседневную жизнь? Любую налоговую систему можно охарактеризовать по следующим критериям: налоговое ведомство, уровень налоговой нагрузки, налоговая ставка, особенности федеративной системы, метод налогообложения и т. д. Практически в любой стране налоговая система настолько сложна, что только профессионально квалифицированные налоговые консультанты / юристы поймут это полностью, и все же от граждан ожидают соблюдения в полном объеме налоговых требований, которые к ним применимы [10]. Справедливым стоит отметить то, что сложность у граждан заключается в определении того, применяются ли налоговые правила [7], и если да, то далее – в технических расчетах, следующих после, чтобы определить, какой размер налога должен быть уплачен и когда [8].

Сравнительный анализ РФ и США в контексте принципа справедливости налогообложения

Современная налоговая система России была создана к началу XXI в., а система США, напротив, была сформирована в середине XX в. и, таким образом, имеет длительную историю и более слаженный механизм.

Актуальность вопроса состоит в том, что с начала XXI в. и по настоящее время активно проводятся преобразования в налоговой системе по всему миру. В связи с этим представ-

ляет интерес рассмотреть в качестве первого критерия особенности налоговой системы двух стран по их федеративному строению – Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, так как они имеют схожее государственное устройство, а также определить сходства и различия и провести сравнительный анализ в целях настоящего исследования для определения того, что соответствует принципу справедливости налогообложения.

Так, в систему налогов и сборов Российской Федерации входят федеральные, региональные и местные налоги и сборы. Налоговая система Соединенных Штатов Америки, аналогично российской, состоит из трех уровней, которые соответствуют трем уровням власти [4, с. 222]:

1) верхний (федеральный уровень) – это федеральные налоги, которые поступают в федеральный бюджет;

2) средний (уровень штатов, аналог региональных налогов) – это налоги и сборы, которые вводятся законами штатов для поступления в бюджет последних;

3) нижний (местный уровень – сюда входят муниципальные образования, графства, округа и иные государственно-территориальные образования) – это налоги, которые вводятся органами местного самоуправления для поступления в местный бюджет.

Однако, кроме очевидных сходств, на практике возникают различия. Так, налоги на уровне штатов в США прямым образом распределяются на программы субъектов Федерации и их освоение. В то же время в РФ распределение налогов строится по определенному принципу, а распределение совершенно иначе: в большей степени процесс сбора происходит вертикально, а затем перераспределяется из-за фактора неравенства структуры субъектов нашей страны в виде наличия полезных ископаемых и прочих особенностей.

Второй критерий – налоговое ведомство в структуре налоговой системы. Так, зако-

нодательные органы штатов имеют право вводить налоги, которые бы не противоречили федеральному законодательству США, а органы местного самоуправления в свою очередь вправе взимать налоги, которые разрешены им законами штатов [6]. Структура налоговой системы, во главе которой находится Налоговое управление, или Служба внутренних доходов (Internal Revenue Service), – это управление, которое входит в состав Министерства финансов (Department of the Treasury), и одна из наиболее эффективных в мире организаций по управлению в области налогообложения [9]. Налоговое управление, или Служба внутренних доходов (далее – СВД), аналогично Федеральной налоговой службе РФ (далее – ФНС РФ) по своим функциям. Служба внутренних доходов США состоит из центрального аппарата, 7 региональных и 58 окружных налоговых управлений, чья деятельность направлена на обеспечение поступления налогов и сборов в бюджет при минимальных задержках. Налоговые проверки классифицируются на камеральные (проводятся по месту нахождения СВД), выездные (проводятся по месту нахождения налогоплательщика) и заочные (проводятся путем направления документов в Контрольное управление СВД по почте) [11]. Региональный уровень представлен налоговыми службами штатов, регулирующими сбор налогов, которые вводятся законодательными собраниями штатов. Последний уровень представляют местные налоговые органы, которые взимают налоги, вводимые органами местного самоуправления. Ставки налогов устанавливаются коллегиально налоговым инспектором, руководителем муниципального органа и председателем совета школ. Следовательно, можно прийти к выводу, что в целом СВД США и ФНС РФ схожи по своим функциям в целом, но различны по своим особенностям.

Современную налоговую систему в Соединенных Штатах Америки характеризуют следующие особенности:

- 1) прогрессивный характер налогообложения;
- 2) универсальность обложения – при равенстве сумм дохода обычно действуют однородные налоговые ставки;

- 3) дискретность налоговых начислений, где каждая более высокая ставка применима лишь к строго определенной части облагаемой суммы;

- 4) обособленность от налоговых сборов в фонды социального обеспечения;

- 5) наличие большого количества целевых скидок, льгот и исключений;

- 6) регулярное изменение действующих ставок налогообложения;

- 7) фиксированный минимальный уровень индивидуальных доходов, который не подлежит налогообложению [2].

Прогрессивное налогообложение впервые было введено в Великобритании в 1798 году. В России такой режим был установлен царским правительством 6 апреля 1916 г., но из-за революции закон фактически не вступил в действие, а Декретом от 23 ноября 1922 г. налогообложение было реформировано. В СССР шкала подоходного налога всегда была прогрессивной. Так, на доход менее 70 руб. налога не было, от 70 до 90 руб. – 10 %, от 90 до 100 руб. – 12 %, а 13 % платили только те, кто получал свыше 100 руб. в месяц. В 1998 г. в России ввели сложную прогрессивную шкалу: доходы до 50 тыс. руб. облагались по ставке 12 %, при доходах до 150 тыс. руб. нужно было платить 6 тыс. руб. налогов и 20 % с суммы, превышающей 50 тыс. руб., а с доходов от 150 001 руб. налог составлял 26 тыс. руб. и 30 % с суммы сверх 150 тыс. рублей. В 2001 г. у подоходного налога появилось новое название НДФЛ (налог на доходы физических лиц), а в отличие от таких стран, как Великобритания и США, ставка стала единой для всех (плоской) – 13 % [1].

Наконец, переходим к третьему критерию – методу налогообложения. На основе вышеприведенного сравнительного анализа налоговых систем двух стран можно говорить о том, что в нашей стране отсутствует прогрессивное налогообложение и применяется плоская шкала, вследствие чего отсутствует дискретность налоговых начислений. Интересно то, что шкала подоходного налога, который зачисляется в федеральный бюджет США, как уже было выяснено, прогрессивна и, следовательно, основное бремя лежит на обеспеченных

слоях населения. При этом широко признаны ее «дефекты», так как наблюдается искажение экономической активности, где у владельца высокого дохода остается в собственности сумма меньше, чем у владельца более низкого дохода после уплаты налога, что, по сути, устанавливает сохранение социальной справедливости. Но этот показатель можно считать субъективным, так как, по результатам опроса граждан США (молодых граждан в возрасте 21–29 лет, а также их родителей), одни налогоплательщики находят позитивные моменты, другие же ругают справедливость своей системы налогообложения.

И наконец, последний критерий – уровень налоговой нагрузки через особенности размера налоговой ставки. Так, размер ставки подоходного налога в США варьируется в диапазоне от 10 до 37 %, причем границы ступеней ставки зависят от семейного положения налогоплательщика и растут с каждым годом (табл. 1). В Российской Федерации, напротив, определяются конкретные основания налогообложения, а также отсутствует привязка к налогооблагаемому годовому доходу, не учитывается социальный статус лица, который напрямую влияет на уровень налогообложения (гражданин, находящийся в браке, или родитель-одиночка и т. д.) (табл. 2).

Таблица 1

Подоходный налог в США, 2020 г.

Налоговая ставка	Налогооблагаемый годовой доход, долл.		
	Физическое лицо	Супружеская пара	Родитель-одиночка
10 %	0	0	0
12 %	9,875	19,750	14,100
22 %	40,125	80,250	53,700
24 %	85,525	171,050	85,500
32 %	163,300	326,600	163,300
35 %	207,350	414,700	207,350
37 %	518,400	622,050	518,400

Примечание. Составлено по: [12].

Таблица 2

НДФЛ в Российской Федерации, 2020 г.

Налоговая ставка	Категория налогоплательщика	
	Резидент	Нерезидент
13 %	Заработная плата, вознаграждения по гражданско-правовым договорам, доходы от продажи имущества (а также некоторые другие доходы)	1) осуществление трудовой деятельности (также в качестве высококвалифицированного специалиста); 2) осуществление трудовой деятельности участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, а также членами их семей, совместно переселившимися на постоянное место жительства в РФ; 3) исполнение трудовых обязанностей членами экипажей судов, плавающих под государственным флагом РФ
15 %	–	Дивиденды, полученные от российских организаций
30 %	–	Все прочие доходы
35 %	1) любые выигрыши и призы, получаемые в проводимых конкурсах, играх и других мероприятиях в целях рекламы товаров, работ и услуг, в части превышения установленных размеров; 2) процентные доходы по вкладам в банках в части превышения установленных размеров; 3) сумма экономии на процентах при получении заемных (кредитных) средств в части превышения установленных размеров; 4) как плата за использование денежных средств членов кредитного потребительского кооператива (пайщиков), а также проценты за использование сельскохозяйственным кредитным потребительским кооперативом средств, привлекаемых в форме займов от членов сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива или ассоциированных членов сельскохозяйственного кредитного потребительского кооператива, в части превышения установленных размеров	

Примечание. Составлено по: [3].

Выводы

Таким образом, говоря о работе механизма принципа справедливости в налогообложении доходов граждан, считаем, что такое налогообложение может осуществляться как по прогрессивной, так и по плоской шкале ставок, несмотря на то что в большинстве стран применяется прогрессивная шкала ставок. В вопросе дискуссионности относительно возвращения к прогрессивной шкале налогообложения для всех граждан необходимо учитывать экономический строй страны и возможности для верного осуществления принципа справедливости, так как на данный момент плоская шкала налогообложения граждан видится стабильной, а следовательно, справедливой для всех. Тем не менее прогрессивная шкала налогообложения – это отличный вариант работы механизма принципа справедливости для каждого гражданина, но при этом следует учитывать опыт зарубежных стран, а также экономический строй граждан, чтобы, во-первых, данное действие не привело к резкому снижению доходов граждан, а во-вторых, не породило теневого скрывания доходов при высоких ставках налогообложения, как это бывает в зарубежных странах. Следовательно, в данном вопросе необходимо руководствоваться текущей налоговой и бюджетной политикой государства, экономическим курсом страны, потребностям налогоплательщиков и т. д., тем самым отвечая реалиям современности, ведь, как правильно отметил известный экономист и философ Амартия Сен, «вряд ли стоит всем миром биться над вопросом, почему налог в 39 % справедлив, а налог в 39,5 % – нет (или почему первый “справедливее” последнего) – скорее, необходимо прийти к действенному соглашению по основным вопросам, не вызывающим сомнений по части справедливости и несправедливости» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мелик-Шахназарова, Е. Прогрессивная шкала налогообложения. Как платить подоходный налог в России / Е. Мелик-Шахназарова // Официальный сайт Центральной профсоюзной газе-

ты «Солидарность». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.solidarnost.org/special/profdict/Vse_o_progressivnoy_shkale_nalogooblozheniya.html. – Загл. с экрана.

2. Налоговые системы зарубежных стран / В. Ю. Салихова [и др.] // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. – 2007. – №9. – С. 30–35.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ : (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

4. Научный вектор : сб. науч. тр. магистрантов / науч. ред. А. У. Альбеков. – Ростов н/Д : Изд.-полигр. комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. – Вып. 3. – 244 с.

5. Сен, А. Развитие как свобода : пер. с англ. / А. Сен ; под ред. Р. М. Нуреева. М. : Новое изд-во, 2004. – 432 с.

6. Ferguson, N. The Ascent of Money: A Financial History of the World / N. Ferguson. – L. : Allen Lane, 2008. – 442 p.

7. Frecknall-Hughes, J. The Theory, Principles and Management of Taxation: An Introduction / J. Frecknall-Hughes. – Abingdon : Routledge, 2015. – 435 p.

8. Hamilton, A. An Enquiry Into the Principles of Taxation, Chiefly Applicable to Articles of Immediate Consumption / A. Hamilton. – Farmington Hills, Michigan : Gale Ecco, 2018. – 452 p.

9. Internal Revenue Service. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.irs.gov/uac/the-agency-its-mission-and-statutory-authority>. – Title from screen.

10. INVESTSA Magazine (November 2014): From the editor. – Electronic text data. – Mode of access: https://issuu.com/cosa/docs/investsa_nov_issuu/4. – Title from screen.

11. Lederman, L. Tax Controversies: Practice and Procedure / L. Lederman, S. W. Mazza. – 3rd ed. – [S. l.] : Lexis Nexis, 2008. – 437 p.

12. Tax Foundation. – Electronic text data. – Mode of access: <https://taxfoundation.org/2020-tax-brackets>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Melik-Shakhnazarova E. Progressive scale of taxation. How to pay income tax in Russia. *Official website of the Central trade Union newspaper “Solidarity”*. URL: https://www.solidarnost.org/special/profdict/Vse_o_progressivnoy_shkale_nalogooblozheniya.html.

2. Salikhova V.U., Drozhzhina I.A., Maslov B.G., Zemlyakov U.D., Maslova I.A., Popova L.V. Tax systems of foreign countries. *Accounting in publishing and printing*, 2007, no. 9, pp. 30-35.

3. Tax code of the Russian Federation (Part II) of August 05, 2000 no. 117-FZ (ed. from 31.07.2020). *Collection of legislation of the Russian Federation*, 2000, no. 32, Art. 3340.

4. Albekov A.U., ed. *Scientific vector: the collection of scientific works of undergraduates*. Rostov n/D, Publishing and printing complex of RSUE, 2017, iss. 3. 244 p.

5. Sen, A. *Development as freedom*. Moscow, New Publishing House, 2004. 432 p.

6. Ferguson N. *The Ascent of Money: A Financial History of the World*. London, Allen Lane, 2008. 442 p.

7. Frecknall-Hughes J. *The Theory, Principles and Management of Taxation: An Introduction*. Abingdon, Routledge, 2015. 435 p.

8. Hamilton A. *An Enquiry Into the Principles of Taxation, Chiefly Applicable to Articles of Immediate Consumption*. Farmington Hills, Michigan, Gale Ecco, 2018. 452 p.

9. *Internal Revenue Service*. URL: <https://www.irs.gov/uac/the-agency-its-mission-and-statutory-authority>.

10. *INVESTSA Magazine (November 2014): From the editor*. URL: https://issuu.com/cosa/docs/investsa_nov_issuu/4.

11. Lederman L., Mazza S.W. *Tax Controversies: Practice and Procedure*. 3rd ed. Lexis Nexis, 2008. 437 p.

12. *Tax Foundation*. URL: <https://taxfoundation.org/2020-tax-brackets>.

Information About the Author

Stanislav D. Kazachenkov, Postgraduate Student, Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics (RINH), B. Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

Информация об авторе

Станислав Дмитриевич Казаченков, аспирант кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Б. Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

UDC 81:340.113.1
LBC 81.055.51.3

Submitted: 06.01.2021
Accepted: 09.02.2021

LEGAL LANGUAGE: THE PROBLEM STATEMENT

Roman G. Melnichenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: based on the works in the field of legal technology, philology and linguistics, the paper demonstrates the social dichotomy in which, on the one hand, the importance of a special verbal form of presenting regulatory prescriptions is recognized, and on the other hand, the constant defamation, the marginalization of such a phenomenon as a “special speech of lawyers”. The **task** is to present the arguments to the thesis about the existence of a special legal language. **Methods:** the methodological framework for the study is a combination of the following methods of scientific knowledge: the hermeneutical method, the method of consistency and the method of analysis. **Results:** the author proposes to identify a special semiotic system – legal language. **Conclusions:** legal language is a special communication, thought-forming and segregation system of signs. The concepts of “legal language” and “state language” are synonymous. Each developed branch of law has its own legal dialect.

Key words: language, legal language, dialect, legal dialects, state language.

Citation. Melnichenko R.G. Legal Language: The Problem Statement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 62-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

УДК 81:340.113.1
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 06.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Роман Григорьевич Мельниченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение. На основе работ в области юридической техники, филологии и лингвистики в статье демонстрируется социальная дихотомия, в которой признается, с одной стороны, важность особой словесной формы изложения нормативных предписаний, а с другой – постоянная диффамация, маргинализация такого феномена, как «особая речь юристов». В качестве **задачи** взято представление аргументов к тезису о наличии особого юридического языка. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность следующих методов научного познания: герменевтический метод, метод системности и метод анализа. **Результаты:** автором предлагается выделить особую семиотическую систему – юридический язык. **Выводы:** юридический язык – это особая коммуникационная, мыслеобразующая и сегрегационная система знаков. Понятия «юридический язык» и «государственный язык» являются синонимами. Каждой развитой отрасли права соответствует свой юридический говор.

Ключевые слова: язык, юридический язык, говор, юридические говоры, государственный язык.

Цитирование. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 62–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

Введение

Война за власть, как говорил Мишель Фуко, – это борьба за доминирование между дискурсами, в качестве которых выступают различные виды речей. Арена борьбы, о ко-

торой пойдет речь в настоящей статье, – это государственный язык Российской Федерации. Сразу же определимся с сегодняшним победителем в этой войне – это русский литературный язык. Согласно ст. 1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»,

«порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации» [11]. Но наличие победителя еще не свидетельствует о том, что так будет оставаться всегда, или о том, что на периферии социального внимания не существует других языков, которые претендуют если не на доминирование, то хотя бы на признание.

Функции языка

Язык – это полифункциональное явление. Мы можем выделить в языке как минимум три функции: коммуникационную, мыслительную и сегрегационную.

Основная, лежащая на поверхности функция языка – *коммуникационная*, которая заключается в передаче информации от одного индивида другому. В контексте права это проявляется в информационной его функции. Посредством права до членов социума доводятся требования нормативных предписаний (в традиции позитивизма). Например, такой правовой институт, как промульгация, прямо свидетельствует о коммуникационной функции права, так как описывает требование и одновременно порядок доведения до сведения членов социума правовых предписаний.

Вторая функция языка – *мыслеобразующая*. Исследователь литературы М.М. Бахтин указывал, что «каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него» [1, с. 9]. Идеи М.М. Бахтина дали возможность как отечественным, так и зарубежным авторам предположить, что мышление и есть интериоризованная речь. «Таким образом, в рамках концепции М.М. Бахтина о взаимодействии автора и героя произведения интериоризованный дискурс может рассматриваться как созданная автором модель внутренней речи героя. Внутренняя речь описывается и моделируется автором произведения через процесс экстериоризации» [7, с. 106]. Здесь можно сформулировать следующий тезис: «Как мы говорим, так мы и думаем».

Опираясь на работы Р. Иеринга, который, исследуя такое явление, как «юридическая конструкция», указывал, что она, будучи особым приемом логического построения правового материала, отражает специфику юридического мышления, в юридическом дискурсе мы так же можем предположить, что юридическое мышление возможно исключительно в случае наличия такого явления, как юридическая речь, то есть юрист – это человек, говорящий на особом языке и потому имеющий особое мышление.

Третий функционал речи – *сегрегация*, то есть распределение, а затем маркирование людей по социальным группам. Основной маркер отнесения человека к какой-либо страте – это его речь. Является ли сообщество юристов стратой? Да, у юристов есть свой лексикон, свои глоссы, свой «язык». На эту функцию языка в контексте настоящей статьи указывают множество авторов, например Т.Д. Четвериковой: «...юристы, будучи в большинстве своем грамотными людьми, сознательно употребляют рассматриваемое слово с нарушением акцентологической нормы, дабы выявить “своего” в среде “чужих”, где “свои” – юристы, а “чужие” – неюристы, и в зависимости от окружения выстроить свою речевую тактику, предполагающую, в частности, решение вопроса о том, следует ли разъяснять некоторые термины или в этом нет необходимости» [10, с. 88]. Об этом же пишет и Л.П. Крысин: «По такого рода особенностям словоупотребления профессионал легко опознает своего, собрата по профессии и, с другой стороны, безошибочно определяет речь “чужака”, не владеющего профессиональными навыками использования слова» [5, с. 71].

Налицо конфликт между двумя функциями языка: коммуникационной и сегрегационной. С одной стороны, юридические предписания должны быть понятны широкому кругу лиц, с другой – язык властных предписаний должен «обслуживаться» профессионалами, образующими особую социальную страту – юристов.

Юридический язык

Выдвинем гипотезу о наличии юридического языка как особой коммуникационной, мыслеобразующей и сегрегационной системы

знаков. Для этого определимся с теми признаками, которые дают нам основание к идентификации особого юридического языка, юридической речи.

Юридический лексикон. Наличие особого юридического лексикона, который используется юристами в своей речи, не требует особых доказательств, достаточно взглянуть на начало какого-либо нормативно-правового акта, чтобы обнаружить там целый глоссарий юридических терминов. Конечно, в юридический язык включен и лексикон русского языка, что не отрицает наличие первого, как наличие иностранных слов в русском языке не отрицает наличие русского.

В свою очередь, юридический лексикон можно разделить на две части:

1) оригинальный юридический лексикон, который содержит слова, исключительно или преимущественно используемые в юридическом дискурсе: «сервитут», «парафирование», «пролонгация» и т. п. Вы не услышите данные слова в «обычной речи»;

2) смешанный юридический лексикон, когда в юридическом дискурсе слова или словосочетания приобретают особую строгую сему (значение), отличную от обычного значения. Например, слово «дорожка» в обычном языке понимается как маленькая дорога, а в юридическом языке – как административное или уголовное дело вследствие дорожно-транспортного происшествия. Со способами образования иных семантических значений в профессиональных дискурсах можно ознакомиться в работе М.Л. Давыдовой и Н.Ю. Филимоновой [4].

В лингвистическом дискурсе юридический лексикон относится к кластеру явлений, обозначаемых словом «профессионализмы» [8, с. 105–106]. Даже беглое исследование языкового юридического поля дает нам богатый эмпирический материал смешанного юридического лексикона, например глагол «претца» и производные «преем», «отпрелись», которые отражают такое юридическое действие, как выступать с прениями на заключительной части судебного заседания.

Неслучайно неюристы называют порой речь юристов «птичьим языком», ведь юристы говорят вроде как на русском, но на совершенно непонятном языке.

Юридическое языковое конструирование заключается в особой манере конструировать из слов более обширные языковые конструкции – словосочетания, предложения. Особо ярко такое конструирование проступает в случае сравнения этой манеры с «классической манерой построения языковых конструкций». Например, юридическая конструкция «причиняются последствия» с позиции «строгого языка» неверна, так как верно будет «наступают последствия» [6, с. 105–106].

Если ввести в компьютерную программу по проверке орфографии и пунктуации любой нормативно-правовой акт, то можно получить целую россыпь цветовой выделенной ошибок в данном тексте. При этом причиной этого будет не безграмотность законодателя, а требование особых правил юридического языка.

Юридическое закрепление юридического языка. Юридический статус языка закреплен в Конституции РФ и ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Согласно ст. 68 Конституции РФ, «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». В соответствии со ст. 1 Закона под понятием «русский язык» понимается «современный русский литературный язык». Совершенно очевидна абсурдность данного смешения. Литературный язык – это особый общеупотребительный стиль языка, и в государственном управлении этот язык не используется. Предположим, что именно посредством юридического языка происходит государственное управление, а значит, юридический язык и является синонимом языка государственного.

Оговоримся, что в научном дискурсе такая дефиниция, как «юридический язык», пока не легализована. Максимум, что допускают специалисты в данной научной сфере, – это признание (и то не всеми) наличия юридического жаргона. Об этом в своих работах пишут, например, Н.А. Власенко [2] и В.Ю. Туранин [9].

Виды отраслевых юридических говоров

Доказательства бытия юридического языка закономерно приводят нас к необходи-

мости дальнейшей его классификации, то есть допущения наличия в юридическом языке отдельных говоров. В данном случае под говором мы понимаем разновидность юридического языка по аналогии с говорами в лингвистике – местной разновидностью территориального, областного диалекта. Однако здесь в основание классификации мы положим не территориальный, а отраслевой признак, то есть каждой отрасли права соответствует свой юридический говор.

Лексикон говора. Наличие конституционного, уголовного, гражданско-правового и иных юридических говоров легко обосновать наличием особенного для каждой отрасли лексикона. Ведь каждый нормативно-правовой акт отрасли является толковым словарем именно этого юридического говора. Мы можем найти очень развернутые определения таких слов, как «Государственная дума», «кража», «сделка» и т. п. Помимо слов, закрепленных законодательно, существуют слова юридических говоров, функционирующие в устной речи, например «кассашка» – кассационная жалоба, «засилить» – оставить приговор в силе в апелляционной или кассационной инстанции и т. п.

О наличии юридических говоров говорит и тот факт, что одно и то же слово в различных юридических говорах имеет различное семантическое значение. Например, согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ под понятием «близкие родственники» понимаются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки, а согласно ст. 14 Семейного кодекса, «близкие родственники» – это родственники по прямой восходящей и нисходящей линиям (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. То есть в уголовно-процессуальном юридическом говоре супруг – это близкий родственник, а в семейном – нет.

Говор юридических говоров – это особая манера произношения в отдельных юридических говорах. Помимо отличий в лексиконе, юридические говоры отличаются и произношением. Некоторые исследователи идентифицируют говор как обыкновенную ошибку, вводя антиномию «литературный язык» и

«сниженная лексика»: например, рассматривают произношение слова «осУжденный» как «просто типичную для профессионального юридического языка ошибку» [3, с. 211]. Однако мы не были бы так категоричны, относя юридические говоры к ошибкам, так как видим в них огромный функциональный потенциал. Определимся с признаками говора в понимании манеры произношения в отдельных юридических стратах.

Форма существования говора – это устная речь, в отличие от юридического лексикона, который преимущественно закрепляется в формально-определенной знаковой системе. Конечно, мы можем обозначить говор и в письменной речи, для этого служат интонационные знаки, но это высушенный, безжизненный говор.

Место жительства говора – это коммуникационные площадки. Лингвисты до сих пор определяют локацию говора буквально физическим местом: край, город, хутор. Но это уже далеко не точно. Место может быть и виртуальным. То есть это сфера общения, где происходят разговоры на определенные, в нашем случае профессиональные темы: чат в сети Интернет, место для курения около здания суда и т. п.

Интонационное конструирование говора. Говор идентифицируется интонационно. Интонация – довольно сложное явление, сложное из следующих параметров:

- темп (быстро – медленно);
- тон (высоко – низко);
- громкость (тихо – громко).

Как правило, говор идентифицируется посредством ударения, которое русскоязычными слышится как модулирование экспираторного элемента (громкость) и количественного (замедление). Например, в слове «осУжденный» представители юридического говора букву «у» произносят более громко (экспираторно) и более продолжительно (количественно).

Один единственный юридический говор. Учитывая вышеизложенное, в юридической среде мы можем идентифицировать наличие говора лишь в одном сегменте. Представители этой страты связаны с уголовно-процессуальным правом. Существует три слова этого уголовно-юридического говора: «возбУждено», «осУждено», «Эксперт». Почему

так происходит? Эти люди своим говором отмечают, что у них есть своя социальная стра-та. Они специально, умышленно нарушают правила русского языка.

Полевые испытания по идентификации юридического говора.

В рамках научного исследования нами были проведены полевые испытания, условия которых были следующие:

– субъекты – адвокаты, специализирующиеся на ведении уголовных дел;

– локация – коммуникационный профессиональные площадки в социальных сетях «Повышение квалификации адвокатов».

В Сети был размещен блог следующего содержания: «Уважаемые адвокаты! Где вы ставите ударение в словах: “возбуждено”, “осужден” и “эксперт”? Ваши комментарии очень помогут нам в исследовании юридических говоров».

В основном адвокаты транслировали словарное ударение, указывая, что только так говорят приличные люди: «С точки зрения акцентологической нормы русского языка? Орфоэпический словарь никто пока не отменил, зачем это обсуждать?»

В ходе обсуждения были зафиксированы и другие слова юридического говора: «приговор», «Исковое заявление», «ходатайство», «ходательство».

Были обнаружены рефлексия такого явления, как юридический говор, и использование этих знаний, например, в качестве развлечения: «Я над судьями издеваюсь. Пишу в документах “осуждённый”, “возбуждённое дело». Когда они оглашают эти документы, часто сбиваются)))).»

Были выявлены рефлексивные подстройки под юридический говор: «Когда перешла на уголовные дела из гражданских сначала говорила с ударением на последний слог. Но все вокруг: прокурор, следователи и судьи говорили осУжден, возбУждено. Теперь я как хамелеон – тоже говорю осУжден. Иначе всем остальным в процессе режет ухо». К подобным наблюдениям можно отнести и следующее: «Когда работал в милиции говорил возбУждено, э’ксперт, а сейчас говорю как все)))))» или «ВозбужденО, осуждЕн, экспЕрт. Думаю, меня не затронуло неправильно произношение, потому что я не так долго работаю».

Рефлексируя несловарное ударение, честь юристов относят это к такому явлению, как профессиональная деформация: «ВозбУждено, осУжден, экспЕрт. Я знаю, что первые два слова неверны, но, простите, профдеформация».

Были выделены не только внутрикорпоративные, но и поколенческие аспекты, проявляющиеся в говоре: «Забавно звучит употребление этих слов именно у “старшего” поколения “специалистов”. Моя бабушка адвокат и она именно так говорит, как я написала выше. Ей 83) из них 30 лет следователь по особо важным. Этот “Диалект” уже не “выбить”))) да и вреда от него нет)))».

Интересно наблюдение по поводу наличия говора в других славянских языках: «ВозбужденО, осуждЕн, экспЕрт. Но в Беларуси среди коллег более распространены возбУждено, осУжден, Эксперт».

Некоторые респонденты говорили и о функционале юридического говора: «У одной коллеги был перл: “Не вижу обходимости”. <...> А вообще это сигнальная система определенного менталитета: “ВозбУждено” – свои! Проходи! Если что, слэнгом никогда не пользовалась и в “свои” не стремилась».

Результаты

Описан такой феномен, как «юридический язык», представлен конфликт между русским литературным языком и юридическим русским языком на уровне функционала. Обосновано существование в рамках юридического языка особых юридических говоров.

Заключение

Юридический язык – это особая коммуникационная, мыслеобразующая и сегрегационная система знаков. Понятия «юридический язык» и «государственный язык» являются синонимами. Каждой развитой отрасли права соответствует свой юридический говор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986.
2. Власенко, Н. А. Жаргоны в праве: пределы и техника использования / Н. А. Власенко // Про-

блемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : [б. и.], 2000. – С. 264–270.

3. Давыдова, М. Л. Место юридических конструкций в системе технико-юридических средств / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2.

4. Давыдова, М. Л. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия / М. Л. Давыдова, Н. Ю. Филимонова // Юрислингвистика. – 2013. – № 2 (13). – С. 16–23.

5. Крысин, Л. П. Часть I. Социальная дифференциация системы современного русского языка / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. С. 33–100.

6. Недоступова, Л. В. Современный диалект как форма коммуникации / Л. В. Недоступова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2016. – № 2 (21).

7. Погребняк, Ю. В. Взаимодействие автора и персонажа в интериоризованном дискурсе / Ю. В. Погребняк // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 1 (13).

8. Сердобинцева, Е. Н. Проблема профессионализма в современной лексикографии / Е. Н. Сердобинцева // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4.

9. Туранин, В. Ю. Юридический жаргон: понятие, примеры, оценка / В. Ю. Туранин // Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. – Кемерово : [б. и.], 2011.

10. Четверикова, Т. Д. «Тело возбуждено, а дело возбуждено»? / Т. Д. Четверикова // Русская речь. – 2020. – № 6.

11. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 6 июня (№ 23). – Ст. 2199.

REFERENCES

1. Bahtin M.M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art, 1986.

2. Vlasenko N.A. Jargons in Law: Limits and Technique of Use. Baranov V.M., ed. *Legal technology problems*. N. Novgorod, 2000, pp. 264-270.

3. Davydova M.L. The place of legal structures in the system of technical legal means. *Legal technique*, 2013, no. 7-2.

4. Davydova M.L., Filimonova N.Yu. Professional legal jargon: the problem of defining the boundaries of a concept. *Legal linguistics*, 2013, no. 2 (13), pp. 16-23.

5. Krysin L.P. Chast' I. Social differentiation of the system of the modern Russian language. Krysin L.P., ed. *Modern Russian language. Social and functional differentiation*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, pp. 33-100.

6. Nedostupova L.V. Modern dialect as a form of communication. *Actual problems of modern philology and journalism*, 2016, no. 2 (21).

7. Pogrebnyak Yu.V. Interaction between author and character in internalized discourse. *Bulletin IGLU*, 2011, no. 1 (13).

8. Serdobinceva E.N. The problem of professionalism in modern lexicography. *Izvestiya VUZov. Volga region. Humanitarian sciences*, 2008, no. 4.

9. Turanin V.Yu. Legal jargon: concept, examples, assessment. Golev N.D., Brinev K.I., ed. *Jurislingvistika-11: Law as discourse, text and word: Interuniversity collection of scientific papers*. Kemerovo, 2011.

10. Cetverikova T.D. "The body is agitated, but the case is agitated"? *Russian speech*, 2020, no. 6.

11. Federal Law of June 1, 2005 no. 53-FZ "On the State Language of the Russian Federation". *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2005, June 6 (no. 23), Art. 2199.

Information About the Author

Roman G. Melnichenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>

Информация об авторе

Роман Григорьевич Мельниченко, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.10>

UDC 342.8
LBC 67.400.8

Submitted: 16.01.2021
Accepted: 09.02.2021

THE CONSTITUTIONAL PROBLEMS OF THE ALL-RUSSIAN VOTE

Svetlana N. Slobodchikova

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the compositional transformation of the domestic legal space requires the creation of clear forms for new constitutional and legal phenomena. The comparison of the all-Russian vote with the existing institutions of direct democracy contributes to its isolation into an independent institution of democracy, in this connection, the author sets the **goal** of a comparative study of the legal nature of the all-Russian vote as a novel of 2020. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the comparative legal and formal legal methods. **Results:** the author's position grounded in the work is based on the legislation, judicial and law enforcement practice, scientific works in the field of institutions of democracy. On the basis of the conducted analysis, the distinctive parameters of the all-Russian voting, its special legal nature are revealed, and the question of the further legal fate of the new type of voting is raised. **Conclusions:** as a result of the conducted research, the all-Russian voting is separated from the institutions of direct democracy. The criteria of such separation include: the legal nature; the source of the legal regulation; the essence of a ballot question; the initiator; the procedure; the recognition of the vote as valid. Based on the specified criteria, the all-Russian vote is defined as an independent institution of democracy. It is established that its further existence depends on the constitutionally verified legislative support and the scope of the constitutional reform.

Key words: the all-Russian vote, referendum, popular vote, constitutional amendment, democracy.

Citation. Slobodchikova S.N. The Constitutional Problems of the All-Russian Vote. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 68-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.10>

УДК 342.8
ББК 67.400.8

Дата поступления статьи: 16.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Светлана Николаевна СлОбодчикова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: композиционная трансформация отечественного правового пространства требует придания четких форм новым конституционно-правовым феноменам. Сравнение общероссийского голосования с существующими институтами непосредственной демократии способствует его обособлению в самостоятельный институт народовластия, в связи с чем автором поставлена **цель** компаративного исследования правовой природы общероссийского голосования как новеллы 2020 года. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают сравнительно-правовой и формально-юридический методы. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на законодательство, судебную и правоприменительную практику, научные труды в области институтов народовластия. На основе проведенного анализа выявляются отличительные параметры общероссийского голосования, его особая юридическая природа, ставится вопрос о дальнейшей правовой судьбе нового вида голосования. **Выводы:** в результате проведенного исследования выявлено, что общероссийское голосование обособлено от институтов прямой демократии. К критериям такого обособления автор относит: правовую природу, источник правового регулирования, сущность выносимого на голосование вопроса, инициатора проведения, порядок проведения, признание голосования состояв-

шимся. На основе заданных критериев общероссийское голосование определяется как самостоятельный институт народовластия. Устанавливается, что дальнейшее его существование зависит от конституционно выверенного законодательного обеспечения и масштабов конституционной реформы.

Ключевые слова: общероссийское голосование, референдум, всенародное голосование, конституционная поправка, народовластие.

Цитирование. Слободчикова С. Н. Конституционная проблематика общероссийского голосования // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 68–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.10>

Введение

Формирование демократического государства невозможно без развития и совершенствования форм народного волеизъявления. В Российской Федерации именно народ, принимая Конституцию 1993 г., большинством голосов утвердил фундаментальные основы развития государства, положение личности и общества в нем. Однако конституционное развитие есть процесс динамичный и влекущий необходимость корректив в социальных и политических отношениях [6, с. 146; 7, с. 59]. 2020 год показал, что Конституция Российской Федерации, как развивающаяся правовая материя, может поддаваться давлению жизни и изменяться, когда этого требуют сложившиеся обстоятельства [4, с. 821; 5, с. 55; 8, с. 178]. Вместе с тем конституционная трансформация затронула и сам механизм принятия поправок к некоторым главам Основного закона в фокусе появления нового демократического института – общероссийского голосования.

Потребность в теоретической разработке проблематики общероссийского голосования обусловлена рядом причин. Во-первых, до начала 2020 г. рассматриваемое правовое явление не было известно российскому конституционному праву. В связи с этим в науке практически отсутствуют взгляды относительно юридической природы общероссийского голосования, а также перспектив его правовой судьбы (см. также: [2]). Во-вторых, в настоящее время научным сообществом еще не сформировано целостное представление о месте и роли общероссийского голосования в системе существующих институтов народовластия. Вместе с тем возникает вопрос о необходимости и целесообразности внедрения общероссийского голосования на постоянной основе как в отечественную кон-

ституционно-правовую модель народовластия, так и в механизм принятия конституционной поправки. Полагаем, данный вопрос в реалиях современной действительности стоит и перед законодателем, и перед всем научным сообществом и требует качественно-сущностного осмысления и конституционно выверенного подхода.

Компаративное исследование правовой природы общероссийского голосования

Конституционный суд Российской Федерации, исследуя в своем заключении от 16 марта 2020 г. вопрос о соответствии Конституции РФ порядка вступления в силу поправки 2020 г., указал на особую юридическую природу общероссийского голосования¹. Представляется, что общероссийское голосование – это конституционная новелла 2020 г., которую следует отличать от иных институтов народовластия по некоторым ключевым параметрам.

Источник правового регулирования. Процедура организации и проведения общероссийского голосования регламентировалась Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»² (далее – Закон РФ о поправке 2020 г.), а также правовыми актами Президента Российской Федерации и ЦИК России (см. также: [1; 3]). Подобный порядок организации и проведения общероссийского голосования является уникальным, учитывает сложную эпидемиологическую обстановку и опирается на опыт зарубежных государств (к примеру, парламентские выборы в Национальное собрание Республики Корея в апреле 2020 г.) в поиске ба-

ланса между обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия населения и реализацией права на одобрение конституционных изменений. Вместе с тем дальнейшая правовая судьба нового демократического института не определена. Если общероссийское голосование станет содержательной константой механизма принятия конституционных поправок, то его либо придется включать в федеральное конституционное законодательство о референдуме РФ, расширяя круг вопросов, которые могут выноситься на референдум, либо, что, полагаем, предпочтительнее, вносить изменения в действующее рамочное федеральное законодательство в области выборов и референдумов.

Сущность выносимого на голосование вопроса. Предметный вопрос общероссийского голосования заключался не в принятии населением общезначимого решения, а в *одобрении* нового концепта развития конституционного государства, предложенного главой государства, принятого уполномоченными органами государственной власти и не выходящего за текстуальные рамки действующего Основного закона. Подобный конструкт отличает общероссийское голосование, во-первых, от федерального референдума, на котором *принимаются* вопросы государственного значения; во-вторых, от всенародного голосования, на которое может быть вынесен проект новой Конституции РФ.

Инициатор проведения. Президент РФ как инициатор проведения общероссийского голосования – уникальная организационная особенность общероссийского голосования. Следует отметить, что до 2020 г. главе государства отводилась роль назначающего голосование, а не инициатора. Так, стадии назначения Президентом РФ федерального референдума предшествует стадия создания и регистрации инициативной группы граждан по его проведению, включающая сбор подписей в поддержку такой инициативы и проверку Конституционным судом РФ соответствия Основному закону инициативы проведения федерального референдума по предложенному вопросу. В свою очередь, назначение и проведение общероссийского голосования как инициативы главы государства стало возможным после дачи положи-

тельного заключения высшего судебного органа конституционного контроля РФ.

Порядок проведения. Общероссийскому голосованию присущ некоторый спектр особенностей в этой части. Данный вид голосования (в отличие от выборов, референдума любого уровня, всенародного голосования, отзыва избирателями) можно назначить не только на воскресенье, но и на любой другой день недели (например, на среду), который объявляется нерабочим. Вместе с тем подобный вид голосования может быть объектом лотерей и викторин с целью привлечения народного внимания и стимулирования к участию в нем. Еще одна особенность – эксклюзивное право общественных палат, а не политических партий и иных общественных объединений назначать наблюдателей за проведением голосования.

Признание голосования состоявшимся. Современные институты непосредственной демократии стандартизированы [9, с. 16; 10, с. 309]. Ключевой константой многих видов голосования является количество участников, необходимое для признания голосования состоявшимся. К примеру, и федеральный референдум, и всенародное голосование признаются состоявшимся, только если в голосовании приняло участие более половины всех участников, включенных в списки. В свою очередь, в Законе РФ о поправке 2020 г. количество участников общероссийского голосования, необходимое для признания такого голосования состоявшимся, не устанавливается. Полагаем, соблюдение обозначенной константы является обязательной для общероссийского голосования, скрепляющего общественный договор о будущем конституционного государства. В случае имплементации общероссийского голосования в область правового регулирования референдумов подобную константу следует включить в содержательное наполнение исследуемого явления.

Выводы

Компаративное исследование правовой природы общероссийского голосования позволяет определить его особую юридическую природу, отличную от природы существующих форм народовластия, и выделить отличитель-

ные черты общероссийского голосования как самостоятельного правового института в отечественной конституционно-правовой модели народовластия.

Во-первых, *общероссийское голосование является институтом народного одобрения (а не принятия) государственных решений*. Подобная модель общественного договора «государство-инициатор – народ-легитиматор» кардинально отличается от уже известной классической модели референдума «народ-инициатор – государство как посредник в реализации».

Во-вторых, *общероссийское голосование – это заключительный элемент в многоуровневом механизме утверждения конституционных поправок*. Однако вопрос о внедрении подобного элемента в обозначенный механизм на постоянной основе, полагаем, требует конституционно выверенного подхода, учитывающего масштаб конституционных изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Российская газета. 2020. 17 марта.

² См.: Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян, С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 31–44.

2. Коновалов, Д. Д. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию России: зачем и почему? / Д. Д. Коновалов // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 60–63.

3. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Инфра-М, 2020. – 240 с.

4. Хабриева, Т. Я. Парадигмы конституционной реформы / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5 (54). – С. 820–830.

5. Чуксина, В. В. Глобализация, права человека и обязанности государства / В. В. Чуксина // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2010. – № 6.

6. Чуксина, В. В. Новые вызовы демократии и национальной безопасности государств в изменяющемся мире / В. В. Чуксина, О. В. Бондаренко // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность : сб. тр. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 146–150.

7. Эбзеев, Б. С. Конституционное право России : учебник / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2019. – 768 с.

8. Якимова, Е. М. Публичные услуги через призму поправок в Конституцию России и распространения коронавирусной инфекции / Е. М. Якимова, И. А. Пуляевская // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность : сб. тр. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2020. – С. 178–180.

9. Якимова, Е. М. Информационное обеспечение избирательного (референдумного) процесса как средство реализации принципа свободных выборов: истоки правового регулирования и современное состояние российского законодательства / Е. М. Якимова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 16–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.2>.

10. Якимова, Е. М. Свободные выборы как международный избирательный стандарт / Е. М. Якимова // Евразийский интеграционный проект: цивилизационная идентичность и глобальное позиционирование : сб. тр. материалов Междунар. Байкальского форума. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 309–311.

REFERENCES

1. Avak'yan S.A. Proyeekty zakonov o popravkakh k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: gryadet raund chetvertyi? [Draft of laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation: is round four

coming?]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2020, no. 1, pp. 31-44.

2. Konovalov D.D. Obshcherossiyskoye golosovaniye po voprosu odobreniya izmeneniy v Konstitutsiyu Rossii: zachem i pochemu? [The All-Russian voting on the approval of amendments to the Russian Constitution: why and what for?]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 2020, no. 11, pp. 60-63.

3. Khabriyeva T.Y., Klishas A.A. *Tematicheskiy kommentariy k Zakonu Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14 marta 2020 goda № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti»* [Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 N. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities"]. Moscow, Infra-M Publ., 2020. 240 p.

4. Khabriyeva T.Y. Paradigmy konstitutsionnoy reform [Paradigms of constitutional reform]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2015, no. 5 (54), pp. 820-830.

5. Chuksina V.V. Globalizatsiya, prava cheloveka i obyazannosti gosudarstva [Globalization, human rights and state responsibilities]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*, 2010, no. 6.

6. Chuksina V.V., Bondarenko O.V. Novyye vyzovy demokratii i natsional'noy bezopasnosti gosudarstv v izmenyayushchemsya mire [New challenges to democracy and national security of states in a changing world]. *Pravovyye sredstva obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: istoriya i sovremennost'. Sbornik trudov materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Legal Means of Ensuring the National Security of the Russian Federation: History and Modernity. Collection of Proceedings of Materials of the

International Research and Practice Conference]. Irkutsk, Izd-vo BGU, 2020, pp. 146-150.

7. Ebzeev B.S. *Konstitutsionnoye pravo Rossii: uchebnyy* [Constitutional law of Russia: textbook]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 768 p.

8. Yakimova E.M., Pulyaevskaya I.A. Publichnyye uslugi cherez prizmu popravok v Konstitutsiyu Rossii i rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii [Public services through the prism of amendments to the Constitution of Russia and the spread of coronavirus infection]. *Pravovyye sredstva obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: istoriya i sovremennost'. Sbornik trudov materialov mezhdunar. nauchno-prakt. konf.* [Legal Means of Ensuring the National Security of the Russian Federation: History and Modernity. Collection of Proceedings of Materials of the International Research and Practice Conference]. Irkutsk, Izd-vo BGU, 2020, pp. 178-180.

9. Yakimova E.M. Informatsionnoye obespecheniye izbiratel'nogo (referendumnogo) protsessa kak sredstvo realizatsii printsipa svobodnykh vyborov: istoki pravovogo regulirovaniya i sovremennoye sostoyaniye rossiyskogo zakonodatel'stva [The information support of the election (referendum) process as a means of implementing the principle of free elections: the origins of the legal regulation and modern state of the russian legislation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 16-21. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.4.2>.

10. Yakimova E.M. Svobodnye vybory kak mezhdunarodnyy izbiratel'nyy standart [The free elections principle as one of the international electoral standards]. *Evrazijskiy integracionnyy proekt: civilizatsionnaya identichnost' i global'noe pozicionirovanie. Sbornik trudov materialov Mezhdunar. Bajkal'skogo foruma* [Eurasian Integration Project: Civilizational Identity and Global Positioning. Collection of Proceedings of Materials of the International Baikal Forum]. Irkutsk, Izd-vo BGU, 2018, pp. 309-311.

Information About the Author

Svetlana N. Slobodchikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation, sveta150189@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3638-3416>

Информация об авторе

Светлана Николаевна СлОбодчикова, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, sveta150189@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3638-3416>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.11>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 09.01.2021
Accepted: 09.02.2021

INTERPRETATIVE NORMS: THE CONCEPT AND LEGAL NATURE

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: a legal interpretation activity is an independent type of legal activity. Despite this, its system today is rather poorly studied, which leads to the contradictions in the formation of interpretative practice. One of the elements of the system of legal interpretation activity is interpretative norms, which in legal science have not been distinguished as an independent legal category and have not been comprehensively studied. **Purpose:** to establish the truth in the issue of distinguishing interpretative norms as an independent legal category. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, including consistency, analysis, comparative legal, formal legal. **Results:** the author's position grounded in the work is based on the study of the term "interpretative norms", as well as their comparative analysis with the norms of law to identify the common and individual features. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it is established that interpretative norms should be considered in the legal science as an independent legal category. This is confirmed by the possibility of distinguishing one's own concept, as well as the presence of an individual legal nature. The current system of Russian law is an interdependent tandem of legal norms and interpretative norms, which interact with each other, allowing the most optimal way to achieve the goals of the legal regulation.

Key words: legal activity, legal interpretation, interpretation of law, explanation, clarification, interpretative act, interpretative practice, interpretative norms.

Citation. Terekhov E.M. Interpretative Norms: The Concept and Legal Nature. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 73-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.11>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 09.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ НОРМЫ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: правоинтерпретационная деятельность выступает самостоятельным видом юридической деятельности. Несмотря на это ее система сегодня изучена довольно слабо, что ведет к противоречиям в формировании интерпретационной практики. Одним из элементов системы правоинтерпретационной деятельности выступают интерпретационные нормы, которые в правовой науке не выделялись в качестве самостоятельной правовой категории и комплексно не исследовались. **Цель:** установление истины в вопросе выделения интерпретационных норм в качестве самостоятельной правовой категории. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на исследование термина «интерпретационные нормы», а также на их сравнительный анализ с нормами права для выявления общих и индивидуальных особенностей. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что интерпретационные нормы следует рассматривать в правовой науке в качестве самостоятельной правовой категории. Это подтверждается возможностью выделения собственного понятия, а также наличием индивидуальной правовой природы. Действующая система

российского права представляет собой взаимозависимый тандем норм права и интерпретационных норм, которые, взаимодействуя между собой, позволяют оптимальным образом достигать целей правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, уяснение, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика, интерпретационные нормы.

Цитирование. Терехов Е. М. Интерпретационные нормы: понятие и правовая природа // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 73–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.11>

Введение

Значимость правоинтерпретационной деятельности в современной России не вызывает сомнений ни у ученых, ни у практических работников. С ее помощью обеспечивается реализация многих правовых процессов, таких как: проведение в жизнь различных реформ; поддержание стабильности и работоспособности системы права и ключевых ее звеньев; обеспечение режима законности в обществе и, конечно же, раскрытие смысловой составляющей норм права. Однако стоит обратить внимание, что такая стратегическая цель интерпретационной политики государства, как создание условий, способствующих полноценному и эффективному уяснению и разъяснению смысла норм права, просто невозможна без исследования фундаментальных элементов системы правоинтерпретационной деятельности, одним из которых выступают интерпретационные нормы, образующие каркас всего процесса официального толкования норм права. В свою очередь, разработка и издание интерпретационных актов, на которые обращают внимание и используют все субъекты юридической деятельности, в профессиональном плане требуют изучения вопроса о возможном выделении интерпретационных норм в качестве самостоятельной правовой категории, что будет способствовать усилению исследований в этом направлении развития правоинтерпретационной деятельности.

Анализ понятия «интерпретационные нормы»

Основным «строительным материалом» актов толкования норм права субъектов правоинтерпретационной деятельности являются интерпретационные нормы. Многообразие интерпретационных актов в правовой системе

общества не только вызывает потребность в выделении и изучении термина «интерпретационные нормы» в качестве самостоятельной правовой категории, но и служит основанием для анализа последних в качестве главного содержательного элемента актов толкования норм права.

Н.Н. Вопленко, обращая внимание на данное обстоятельство, отмечал, что «юридические свойства актов толкования одних органов существенным образом отличаются от аналогичных свойств разъяснений других органов. Поэтому то значение для юридической практики, которое имеет разъяснение одних актов толкования, нельзя механически распространять на все другие акты толкования» [2, с. 27].

Ежегодно в России субъектами правоинтерпретационной деятельности издается немалое количество актов толкования права, разъясняющих смысл необходимых норм права, однако можно ли называть правоположения, содержащиеся в них, интерпретационными нормами? Правовая наука не дает нам однозначного ответа на этот вопрос.

Еще в дореволюционной правовой науке утвердительно был раскрыт вопрос о возможности выделения интерпретационных норм в качестве самостоятельной правовой категории. Так, Е.В. Васьковский замечал, что «из наличных норм можно извлекать новые нормы, явно законодателем не установленные, но содержащиеся в его прямых велениях» [1, с. 87]. Несмотря на это не только не была поставлена точка в данном вопросе, но и большие обороты стал набирать спор о возможности выделения интерпретационных норм в качестве самостоятельной правовой категории. В итоге одни ученые уверены, что правоположения, сформулированные и отраженные в акте толкования норм права, могут называться интерпретационными нормами [8, с. 55], а другие считают, что правоположения, содер-

жащиеся в интерпретационном акте, должны называться исключительно организационно-вспомогательными правилами [3].

Выделение интерпретационных норм в качестве самостоятельной правовой категории невозможно без установления их четкого понятия.

А.Ф. Черданцев считает, что интерпретационные нормы – это правила, сформулированные в актах толкования права [8, с. 55].

С.В. Никитин под интерпретационными нормами понимает нормы, разъясняющие положения законодательства, содержащиеся в актах толкования [6, с. 38].

По мнению Е.М. Шайхутдинова и В.М. Шафирова, интерпретационные нормы – интерпретационные правила общего или индивидуального характера, формируемые интерпретационными актами [9, с. 19].

Р.Л. Иванов и вовсе полагает, что интерпретационные нормы есть «императивные правила, являющиеся обязательными при реализации конкретизированных ими первичных норм всеми субъектами, которым они адресованы, и в силу своей обязательности могут повлечь для нарушающих их лиц неблагоприятные юридические последствия, в том числе меры государственного принуждения» [3, с. 27].

Представленное многообразие мнений свидетельствует о потребности в разработке единого определения интерпретационных норм, которое не только раскрывало бы их сущность, но и демонстрировало их ключевые признаки.

Отсутствие единого термина «интерпретационные нормы» создает неясность между ними и нормами права, не позволяет установить четкие рамки их разграничения, а в некоторых случаях и вовсе способствует рассмотрению интерпретационных норм как самостоятельной разновидности норм права, наделяя и те и другие регуляционным воздействием на общественные отношения, с чем тяжело согласиться.

Анализ правовой природы интерпретационных норм

Стоит заметить, что интерпретационные нормы не являются нормами права в прямом смысле слова и представляют собой лишь

обязательные дефинитивные правоположения, раскрывающие смысл интерпретируемых норм права. В этой связи П.Е. Недбайло справедливо подчеркивает, что «признание толкований частью нормы, от кого бы оно ни исходило, открывает возможность для изменения содержания нормы путем толкования, что может привести к произвольным действиям в процессе их осуществления» [5, с. 355]. Все это подталкивает нас к анализу природы интерпретационных норм.

Понятия «норма права» и «интерпретационная норма» не являются тождественными, это совершенно разные правовые категории, которые, находясь в родственной взаимосвязи, имеют собственные специфические признаки, отличающие их друг от друга, а также совершенно разную роль в правовой системе общества.

С одной стороны, интерпретационная норма не имеет самостоятельного характера, является смысловым выражением обычных норм права и порождается лишь для придания смысловой ясности конкретной норме права. М.С. Ходунов рассматривал официальное толкование норм права в качестве взаимосвязанного элемента разъясняемого нормативного правового акта, что позволяет установить такую же связь между интерпретационными нормами и нормами права [7, с. 32–33].

С другой стороны, интерпретационная норма отлична от обычной нормы права, что обуславливается ее вспомогательной направленностью, а не регулятивной.

Норма права, являясь общеобязательным и формально-определенным правилом поведения, имеет конкретные признаки, подчеркивающие ее специфику, к которым ученые относят: общеобязательный характер, формальную определенность, связь с государством, предоставительно-обязывающий характер, микросистемность [4, с. 269]. Далеко не все из перечисленных признаков характерны для интерпретационных норм.

Стоит обратить внимание, что в настоящей работе исследованию подвергаются интерпретационные нормы в самом общем виде для формирования общего представления о них, что связано с наличием у отдельных их разновидностей (например, интерпретационных норм, издаваемых Конституционным Су-

дом РФ) специфических черт индивидуально-го характера.

В правовой науке предпринимались попытки выделить признаки интерпретационных норм, однако подобные шаги носили скорее единичный характер и не получили достаточного внимания, а также последующего развития.

Г.Х. Юсупова отмечает наличие официальной формы, преимущественно письменной [10, с. 274].

Н.Н. Вопленко особо выделяет теснейшую связь с нормой права и жизнедеятельность в пределах функционирования нормы права [2, с. 31].

По нашему убеждению, различия между интерпретационными нормами и нормами права должны заключаться в следующем:

1. Нормы права и интерпретационные нормы имеют различную сущность и правовую природу.

Норма права представляет собой правило поведения, в то время как интерпретационная норма есть дефинитивное правоположение, призванное придать прозрачность и ясность правилу поведения. Очень часто полноценно реализовать конкретное правило поведения без использования соответствующего дефинитивного правоположения невозможно.

2. Нормы права и интерпретационные нормы имеют разные цели принятия.

Норма права принимается для регулирования общественных отношений, в то время как интерпретационная норма издается для раскрытия смысла конкретной нормы права и общественные отношения не регулирует.

3. Интерпретационные нормы и нормы права имеют различное строение.

Для нормы права характерна структура, содержащая гипотезу, диспозицию, санкцию, а интерпретационная норма такой структуры не имеет, поскольку не создает нового правила поведения, раскрывая смысловое значение гипотезы, диспозиции, санкции.

Отдельными учеными справедливо отмечается, что структура интерпретационной нормы «не может быть рассмотрена по схеме: гипотеза – диспозиция – санкция», поскольку тогда интерпретационные акты являлись бы правом «второго сорта», стирая границы между правовыми актами [2, с. 34].

Структура интерпретационной нормы формируется таким образом, чтобы приблизить норму права к конкретной ситуации, преодолев возникшие вопросы. Структура интерпретационной нормы, в отличие от структуры норм права, не содержит деления на гипотезу, диспозицию и санкцию, однако ей такого подразделения и не нужно, что объясняется признаком разъяснительно-обеспечительной направленности, а не регулирующей.

4. Нормы права могут отличаться от интерпретационных норм формой. В частности, норма права всегда облечена в письменную форму, а интерпретационные – не всегда. Конечно, когда речь идет о нормативных интерпретационных актах (например, постановлениях Пленума Верховного Суда РФ), то для них характерна письменная форма, однако не стоит забывать, что может иметь место и устная форма, которая применяется при разъяснении судьей прав и обязанностей сторонам судебного заседания, а также смысла конкретных норм, которые регулируют спорные правоотношения, либо сотрудниками органов внутренних дел при административном производстве в отношении конкретного лица.

5. Нормы права отличны от интерпретационных норм по субъектному составу. Нормы права принимаются, как правило, органами законодательной власти, а интерпретационные нормы – исключительно субъектами правоинтерпретационной деятельности, к которым помимо вышеуказанных относятся органы исполнительной и судебной ветвей власти.

Выводы

Таким образом, интерпретационные нормы представляют собой самостоятельную правовую категорию, отличную от категории «нормы права», хотя и находящуюся с ней в тесном родственном взаимодействии. Под интерпретационными нормами следует понимать исходящие от субъектов правоинтерпретационной деятельности обязательные дефинитивные правоположения, производные от норм права, имеющие разъяснительно-обеспечительный характер и направленные на раскрытие смысла норм права. Признаками интерпретационных норм являются: обязательный характер; связь с государством; произ-

водность от норм права; разъяснительно-обеспечительная направленность; системность.

Стоит заметить, что разграничение интерпретационных и правовых норм имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку от этого зависит содержание конкретного правового акта.

Действующая система российского права представляет собой взаимозависимый тандем норм права и интерпретационных норм, которые, взаимодействуя между собой, позволяют оптимальным образом достигать целей правового регулирования. Выведение интерпретационных норм из этой системы, а равно предоставление субъектам юридической деятельности права игнорирования интерпретационных актов немедленно приведет к сбоям в работе его механизма.

Все это обуславливает потребность в дальнейшем исследовании правовой категории «интерпретационные нормы» в части определения их признаков, видов, специфики функционирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М. : Центр Юрифор, 2002. – 507 с.
2. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М. : Юрид. лит., 1976. – 118 с.
3. Иванов, Р. Л. Нормативные письма как форма официального толкования норм права / Р. Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 3 (48). – С. 26–31.
4. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Дело, 2018. – 28 с.
5. Недбайло, П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
6. Никитин, С. В. Проблемы судебного оспаривания дефектных правовых актов, содержащих интерпретационные нормы / С. В. Никитин // Российское правосудие. – 2016. – № 3 (119). – С. 37–46.
7. Ходунов, М. С. Судебная практика как источник права / М. С. Ходунов // Социалистическая законность. – 1956. – № 6. – С. 31–33.
8. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора. – Ч. II / А. Ф. Черданцев. – Екатеринбург : УГЮА, 2002. – 123 с.

9. Шайхутдинов, Е. М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование) / Е. М. Шайхутдинов, В. М. Шафиров. – Красноярск : РУМЦЮО, 2007. – 154 с.

10. Юсупова, Г. Х. О нормативной судебной практике Верховного Суда Республики Казахстан / Г. Х. Юсупова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 1–2 (29–30). – С. 274–277.

REFERENCES

1. Vaskovsky E.V. *Civilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskih zakonov* [Civilistic methodology. Teaching about the interpretation and application of civil laws]. Moscow, Center Jurinfor, 2002. 507 p.
2. Voplenko N.N. *Oficial'noe tolkovanie norm prava* [Official interpretation of the law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 118 p.
3. Ivanov R.L. Normativnye pis'ma kak forma oficial'nogo tolkovaniya norm prava [Normative letters as a form of official interpretation of the rule of law]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo* [Omsk University Bulletin. Series: Right], 2016, no. 3 (48), pp. 26-31.
4. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, Delo Publ., 2018. 528 p.
5. Nedbajlo P.E. *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [Application of Soviet legal norms]. Moscow, Gosyurizdat, 1960. 511 p.
6. Nikitin S.V. Problemy sudebnogo osparivaniya defektnykh pravovykh aktov, soderzhashchih interpretacionnye normy [Problems of judicial challenging defective legal acts containing interpretive norms]. *Rossiyskoe pravosudie* [Russian justice], 2016, no. 3 (119), pp. 37-46.
7. Hodunov M.S. Sudebnaya praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]. *Socialisticheskaya zakonnost'* [Socialist legality], 1956, no. 6, pp. 31-33.
8. Cherdancev A.F. *Tolkovanie prava i dogovora. Ch. II*. [Interpretation of law and contract. Part II]. Ekaterinburg, USLA, 2002. 123 p.
9. Shajhutdinov E.M., Shafirov V.M. *Interpretacionnye akty (teoretiko-prikladnoe issledovanie)* [Interpretive acts (theoretical and applied research)]. Krasnoyarsk, RUMTSUO, 2007. 154 p.
10. Yusupova G.H. O normativnoj sudebnoj praktike Verhovnogo Suda Respubliki Kazahstan [On the normative judicial practice of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan*, 2013, no. 1-2 (29-30), pp. 274-277.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terekhov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terekhov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.12>

UDC 342.8
LBC 67.3

Submitted: 10.01.2021
Accepted: 08.02.2021

**DECREE OF THE KING OF PRUSSIA “ON THE ELECTION OF DEPUTIES
OF THE SECOND CHAMBER” OF MAY 30, 1849:
THE NORMATIVE CONTENT AND IMPLEMENTATION PRACTICE**

Yuri A. Bokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: an attempt is made to consider the normative regulation of the electoral relations that arose during the elections of deputies of the Prussian Landtag in 1849-1918. The **purpose** of the study is a comprehensive analysis of the content and practice of the implementation of Decree of the King of Prussia “On the Election of Deputies of the Second Chamber” of May 30, 1849. **Results:** the paper examines not only the original version of Decree of the King of Prussia of May 30, 1849, but also the texts of all the amendments that were made to this normative act. The important attention is paid to the scientific consideration of the implementation of the legal norms and their impact on the electoral behavior. **Conclusions:** Decree of the King of Prussia “On the Election of Deputies of the Second Chamber” of May 30, 1849 was in effect until the cancellation of Order “On Elections to the Constitutional Landtag of the Prussian State” of December 21, 1918. By the end of the XIX – beginning of the XX century, the majority of the population was actively demanding the liberalization of electoral law. The sporadic amendments did not fundamentally change the provisions of the text of the normative act. The right to vote was unequal: the voters were divided into three classes, taking into account the amount of taxes paid. The election was indirect. The regulation allowed the minority (taxpayers belonging to the first and second class), in contrast to the majority (taxpayers of the third class), to elect several times more electors. The deputies of the Landtag elected by the electors ensured the realization of the interests of the mostly wealthy citizens and minimally took into account the needs of the third-class voters. The representatives of the third class, in comparison with the first and second, participated least in the elections, since they were not motivated by the possible result, on the contrary, they were confirmed in the idea that their vote did not matter. The electoral system, based on the norms of Decree of the King of Prussia “On the Election of Deputies of the Second Chamber” of May 30, 1849, contributed to an increase in the level of absenteeism among the third-class voters.

Key words: elections, electoral and legal culture, the Landtag of Prussia, House of Representatives, class electoral system, electoral law.

Citation. Bokov Yu.A. Decree of the King of Prussia “On the Election of Deputies of the Second Chamber” of May 30, 1849: The Normative Content and Implementation Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 79-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.12>

УДК 342.8
ББК 67.3

Дата поступления статьи: 10.01.2021
Дата принятия статьи: 08.02.2021

**УКАЗ КОРОЛЯ ПРУССИИ «О ПРОВЕДЕНИИ ВЫБОРОВ ДЕПУТАТОВ
ВТОРОЙ ПАЛАТЫ» ОТ 30 МАЯ 1849 г.:
НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ**

Юрий Александрович Боков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье предпринята попытка рассмотреть нормативное регулирование избирательных отношений, возникающих при проведении выборов депутатов палаты представителей прусского ландтага в 1849–1918 годы. В качестве **цели** исследования определен комплексный анализ содержания и практики реали-

зации Указа короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 года. **Результаты:** в работе исследована не только первоначальная редакция Указа короля Пруссии от 30 мая 1849 г., но и изучены тексты поправок, которые были внесены в данный нормативный акт. Важное значение уделено научному рассмотрению реализации норм права и их влияния на электоральное поведение. **Выводы:** Указ короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 г. действовал вплоть до отмены Распоряжением «О выборах в конституционный ландтаг Прусского государства» от 21 декабря 1918 года. К концу XIX – началу XX в. большинство населения активно выступало с требованиями либерализации избирательного права. Единичные поправки принципиально не изменяли положения текста нормативного акта. Избирательное право было неравным: первичные избиратели подразделялись на три класса с учетом уплачиваемых сумм налогов. Выборы были непрямыми. Нормативное регулирование позволяло меньшинству (налогоплательщикам первого и второго класса), в отличие от большинства (налогоплательщиков третьего класса), избирать в несколько раз большее количество выборщиков. Избранные выборщиками депутаты палаты представителей ландтага обеспечивали реализацию интересов преимущественно состоятельных граждан и минимально учитывали потребности избирателей третьего класса. Избирательная система, основанная на нормах Указа короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 г., способствовала увеличению уровня абсентеизма среди избирателей третьего класса.

Ключевые слова: выборы, электорально-правовая культура, ландтаг Пруссии, палата представителей, классовая избирательная система, избирательное право.

Цитирование. Боков Ю. А. Указ короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 г.: нормативное содержание и практика реализации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 79–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.12>

В Прусском королевстве 30 мая 1849 г. был принят Указ короля Фридриха Вильгельма IV «О проведении выборов депутатов второй палаты» (далее по тексту – Указ) [21]. Указом были делиберализованы установленные в ходе революционных преобразований 1848 г. избирательные права граждан. Нормативный правовой акт с незначительными изменениями действовал вплоть до его отмены Распоряжением «О выборах в конституционный ландтаг Прусского государства» от 21 декабря 1918 года [22].

В § 1 Указа провозглашалось, что депутаты второй палаты ландтага – палаты представителей (депутатов) Пруссии (Abgeordnetenhaus) – избираются в избирательных округах выборщиками, а выборщики, в свою очередь, избираются первичными избирателями (Die Urwähler) в первичных избирательных округах.

Данной нормой права был закреплен принцип косвенного избирательного права. Ранее принятый Вторым Соединенным ландтагом Пруссии избирательный закон от 8 апреля 1848 г. содержал аналогичную норму [23]. Обосновывая необходимость установления именно не прямых выборов, сторонники правительства отмечали, что обусловлено это недостаточным уровнем культуры народа.

Палата представителей состояла из 350 депутатов (§ 2). Количество избираемых в каждом административном округе депутатов было указано в приложении к Указу. Первые изменения были внесены в данный параграф и приложение «Временным избирательным законом для выборов второй палаты княжества Гогенцоллерн» от 30 апреля 1851 года [13]. Немецкие княжества Гогенцоллерн-Гехингенское и Гогенцоллерн-Зигмарингенское по договору 1849 г. вошли в состав Пруссии, в связи с чем возникла необходимость соответствующего правового регулирования избирательных отношений. Княжества Гогенцоллерны делились на два избирательных округа, в каждом избирался один депутат палаты представителей ландтага Пруссии.

Законом «Об установлении избирательных округов для палаты депутатов» от 27 июня 1860 г. [12] параграф второй был изменен. Теперь устанавливалось, что избирательные округа, места выборов и число представителей, которые должны быть избраны в каждом округе в палату представителей, определяются в соответствии с содержанием прилагаемого к Указу списка. В тех избирательных округах, в которых в списке были названы два места для голосования, выборы происходили первыми в первом названном месте, а вторыми – во втором, и таким образом продолжа-

лись в таком же порядке поочередно. В избирательном округе Шлейзинген-Цигенрюк (№ 5, административный округ Эрфурт) выборы проводились по следующему порядку: дважды подряд в Шлейзингене, а затем в третий раз в Ранисе. Принятие данной нормы должно было показать учет интересов всех провинций Пруссии. На практике указанная система смены места голосования не способствовала увеличению явки избирателей, так как приходилось для выражения своей позиции порой преодолевать значительные расстояния.

Формирование избирательных округов должно было осуществляться правительствами в соответствии с численностью населения, определенной последней всеобщей переписью. Округа, принадлежащие к разным местностям, могли быть (в виде исключения) объединены обер-президентом в один избирательный округ, если это представлялось необходимым с учетом ситуации и других обстоятельств (§ 3). Законом от 27 июня 1860 г. [12] § 3 Указа был дополнен положением о том, что министр внутренних дел может отклониться от правила, предусмотренного в § 2. Министр внутренних дел в том случае, если проведение выборов в месте, указанном в списке соответствующего избирательного округа, становилось невозможным из-за инфекционных заболеваний или других непредотвратимых обстоятельств, наделялся правом изменить место голосования. Другое место проведения выборов, назначаемое министром внутренних дел, не должно было находиться за пределами округа.

Один выборщик избирался на каждые полные 250 жителей (§ 4). Муниципалитеты численностью менее 750 человек должны были объединяться администратором округа с одним или несколькими соседними муниципалитетами для образования первичного избирательного округа (§ 5). Законом от 30 апреля 1851 г. данное положение было уточнено указанием, что в первичных избирательных округах, которые состоят из нескольких муниципалитетов, можно не проводить избирательное собрание для всего округа, а также можно было запланировать избирательные собрания для части одного и того же муниципалитета или для каждого отдельного муниципалитета [13]. Муниципалитеты с населением от 1 750 жителей

требовалось делить на несколько первичных избирательных округов. Они должны были организовываться таким образом, чтобы можно было избрать максимум 6 выборщиков (§ 6). Первичные избирательные округа по возможности нужно было сформировать так, чтобы число избирателей, подлежащих избранию в каждом из них, делилось на три (§ 6). Следовательно, численность первичного избирательного округа определялась пределами от 750 до 1 749 жителей, которыми избиралось от 3 до 6 выборщиков.

Используя несложные математические расчеты, можно установить, что принцип равенства голосов избирателей при избрании выборщиков мог существенно искажаться используемой избирательной географией. В округе численностью 1 749 человек один выборщик фактически избирался не на 250 жителей, а на 291 жителя. Расхождение составляло в таком случае около 16,5 %. Еще больший разрыв виден в случае, если численность избирательного округа была чуть менее 1 000 жителей. Один выборщик мог избираться на 333 жителя, и тогда расхождение составляло около 33,2 %.

Активным избирательным правом по избранию выборщиков наделялись все самостоятельные подданные Пруссии, достигшие 24-летнего возраста, постоянно проживающие не менее шести месяцев на территории соответствующего муниципалитета, не утратившие гражданских прав на основании судебного решения и не получающие помощи из общественных средств призрения (§ 8). В Указе использовалось слово «пруссак», которое трактовалось применительно к избирательному праву исключительно как лицо мужского пола.

Военнослужащие постоянной армии и регулярных частей ландвера должны были голосовать по месту своего нахождения, независимо от того, как долго они находились там до выборов. Если их количество было более 750 человек, то они образовывали один или несколько специальных избирательных округов. Призывникам ландвера, призванным на военную службу во время выборов, надлежало голосовать в своем округе по месту своего пребывания (§ 9).

Первичные избиратели делились на три отдела, части (Abteilung) в соответствии с

суммами прямых государственных налогов, подлежащих уплате ими: налог на класс, налог на имущество, налог на торговлю (§ 10). Законом «О подоходном налоге» от 24 июня 1891 г. классовый налог и классифицированный подоходный налог были заменены единым подоходным налогом [9]. В связи с этим законами «Об изменении избирательной процедуры» от 24 июня 1891 г. [11] и от 29 июня 1893 г. [10] перечень учитываемых налогов был расширен.

Выражение «класс избирателей» (Wählerklasse) нормативно не закреплялось, но получило широкое распространение в качестве неофициального. Печать, в том числе правительственная, также активно публиковала статьи, в которых использовала для характеристики избирательной системы Пруссии это выражение [6; 15; 16]. Выпускались агитационные статьи, адресованные избирателям отдельных классов [14], выделялись привилегированные классы [18]. Использование понятия «класс» применительно к избирателям было преимущественно обусловлено наличием классового налога, служившего первоначальной основой для распределения на отделы первичных избирателей.

Первый отдел состоял из тех первичных избирателей, которые платили самые высокие суммы налогов, составлявшие до трети всех налогов. Второй отдел образовывали те первичные избиратели, которые выплачивали следующую треть всех налогов, состоящую из более низких сумм. В третий отдел включались остальные первичные избиратели, облагаемые самым низким налогом, а также не платившие налогов.

Каждый отдел избирал третью часть выборщиков. В тех случаях, когда число выборщиков, подлежащих избранию, без остатка не делилось на три, то руководствовались следующим правилом: в случае, если остался только один выборщик, он избирается первичными избирателями второго отдела; осталось два – один избирается в первом отделе, другой – в третьем (§ 14).

Так как местные налоги в Пруссии были чрезвычайно разными, то условия для отнесения к соответствующему отделу были очень различны в зависимости от провинции. Средняя налоговая производительность Берлинско-

го избирателя во втором отделе на выборах в палату депутатов ландтага в 1898 г. составляла 445 марок, а соответствующего избирателя в округе Гогенцоллерн – 24 марки [20, S. 183]. Не было равенства политической власти и лиц, уплачивающих одинаковые налоги [2, с. 165], так как в каждом избирательном округе определялась индивидуальная сумма уплачиваемых налогов, необходимая для зачисления к определенному классу. Во Франкфурте-на-Майне на выборах 1903 г. 3 % избирателей имели право голосовать в первом классе, 12 % – во втором и 85 % – в третьем [5].

Избирательная система, созданная на основании Указа, значительной частью населения воспринималась как самая жалкая из всех избирательных систем [3]. Высказывалось мнение, что если бы изобретатели этой системы знали ее низкую эффективность, то они бы ее не внедрили [8]. Неприкасаемое политическое доминирование богатых аграриев, юнкеров и консерваторов представляло собой величайшее препятствие на пути демократических реформ в интересах большинства населения [7]. Поверенный Российской империи в Берлине в рапорте от 16/29 мая 1913 г. на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова указывал, что вопросы, связанные с выборным правом в Пруссии, являются наиболее жгучими в здешней политической жизни [4].

Выводы

Классовое избирательное право использовалось в истории нескольких государств, но самым известным и ярким примером выступает трехклассное избирательное право, установленное Указом короля Пруссии «О проведении выборов депутатов второй палаты» от 30 мая 1849 года. Оно использовалось для избрания палаты депутатов прусского ландтага с 1849 г. до падения монархической формы правления в 1918 году.

Название связано с тем, что избиратели градуировались с учетом налоговой платежеспособности на три отдела. Нормативно использовалось понятие «отдел», но в общественной жизни укоренилось «класс». Это было всеобщее мужское и неравное избирательное право. Голоса первичных избирателей имели очень

различное значение в зависимости от класса, территории, особенностей образования избирательных округов. Прусское трехклассное избирательное право стало ненавистным символом дефицита демократических идей в Пруссии. Этот дефицит имел последствия для всей Германии, потому что Пруссия была доминирующей державой.

Основная идея, находящаяся в основе прусской трехклассной избирательной системы, заключалась в следующем: граждане, вносящие финансово наибольший вклад в государство через свои налоги, соответственно получают больше политических прав на участие, в отличие от тех, которые живут только за государственный счет и, следовательно, за деньги других людей. Прусская трехклассная избирательная система была призвана установить за богатыми юнкерами, представляющими меньшинство населения, практически полную монополию на принятие законов. Расширение избирательных прав означало бы изменение существующего положения, при котором богатые избиратели пользовались благосклонностью трехклассной системы. Представители третьего класса, в сравнении с первым и вторым, менее всех участвовали в выборах, так как не были мотивированы возможным результатом, они, наоборот, утверждались в мысли, что их голос не имеет значения.

Потомки ставят прусскому трехклассному избирательному праву более мягкую оценку, в отличие от его современников. Хедвиг Рихтер указывал, что прусскую попытку снять социальную напряженность, вызванную современностью, с помощью трехклассного избирательного права вряд ли можно назвать безуспешной [19, S. 253]. В Великобритании, Швеции или Нидерландах до Первой мировой войны из-за цензурного избирательного права многим мужчинам вообще не разрешалось выбирать, в то время как в Пруссии каждый взрослый мужчина имел хотя бы минимально решающий голос. Всеобщее мужское избирательное право существовало за пределами Германии до начала XIX в. только в Швейцарии и Франции. В Швеции, примерно около 1900 г., из-за явно высокого ценза было разрешено голосовать только 8,2 % от общей численности населения [17, S. 134]. По нашим

подсчетам, при трехклассной избирательной системе около 18 % населения были наделены активным избирательным правом на выборах палаты представителей. Важно также отметить, что на основании Указа было предложено такое народное представительство, при котором народу передавались лишь ограниченные права [1, с. 101].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боков, Ю. А. Зарождение избирательных прав пруссаков (19 ноября 1808 – 30 мая 1849 года) / Ю. А. Боков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 99–105.
2. Боков, Ю. А. Прусская трехклассная избирательная система (1849–1918 гг.) // Власть. – 2009. – № 10. – С. 163–165.
3. Объявление о собрании // РГАСПИ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 271. – Л. 329.
4. Рапорт С.Д. Сазонова // АВПРИ. – Ф. 133. – Оп. 470. – Д. 36. – Л. 6.
5. An die Landtags-Wähler 08. Juni 1908 des Wahlkreises Frankfurt a. M. // РГАСПИ. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 171.
6. Aus dem Reiche // Teltower Kreisblatt. – 1893. – 28. Oktober. – S. 2.
7. Bericht zur Sitzung im Abgeordnetenhaus // Lübecker Volksboten. – 1914. – 19. Mai. – S. 1–2.
8. Der Reichstag und die Wahlen // Provinzial-Correspondenz. – 1867. – 03. April. – S. 3.
9. Einkommensteuergesetz vom 24. Juni 1891 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. – 1891. – S. 175 ff.
10. Gesetz, betreffend Änderung des Wahlverfahrens vom 29. Juni 1893 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. – 1893. – S. 103 ff.
11. Gesetz, betreffend Änderung des Wahlverfahrens, vom 24. Juni 1891. // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. – 1891.
12. Gesetz, die Feststellung der Wahlbezirke für das Haus der Abgeordneten betreffend, vom 27. Juni 1860 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. – 1860. – S. 357 ff.
13. Interimistisches Wahlgesetz für die Wahlen zur Zweiten Kammer in den Fürstenthümern Hohenzollern vom 30. April 1851 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preußischen Staaten. – 1851. – S. 216 ff.
14. Mitbürger! Wähler der 3. Classe! // Kölner Stadt-Anzeiger. – 1881. – 7. November. – S. 1.
15. Nachrichten aus dem Kreise und der Provinz // Teltower Kreisblatt. – 1896. – 15. März. – S. 2.

16. Neues zur Klassensteuer // *Neueste Mitteilungen*. – 1882. – 03. Juli. S. 2.

17. Poensgen, O. *Das Wahlrecht* / O. Poensgen. – Leipzig: Teubner, 1909.

18. Preußen und das Wahlrecht // *Tabakarbeiter*. – 1910. – 20. Febr. – № 8. – S. 2.

19. Richter, H. *Moderne Wahlen. Eine Geschichte der Demokratie in Preußen und den USA im 19. Jahrhundert* / H. Richter. – Hamburg: Hamburger Edition, 2017.

20. Ritter, G. *Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch: Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1871–1918. Zweites Kapitel: Preußen* / G Ritter. – München: Verlag C. H. Beck, 1980.

21. Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur Zweiten Kammer vom 30. Mai 1849 // *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*. – 1850. – S. 205 ff.

22. Verordnung über die Wahlen zur verfassunggebenden preußischen Landesversammlung vom 21. Dezember 1918 // *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*. – 1918. – S. 201 ff.

23. Wahlgesetz für die zur Vereinbarung der preußischen Staatsverfassung zu berufende Versammlung unter dem 8. April 1848 // *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*. – 1848. – S. 89 ff.

REFERENCES

1. Bokov Yu.A. Zarozhdenie izbiratel'nyh prav prussakov (19 noyabrya 1808 – 30 maya 1849 goda). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*, 2012, no. 2 (17), pp. 99-105.

2. Bokov Yu.A. Prusskaya tryokklassnaya izbiratel'naya sistema (1849-1918 gg.). *Vlast'*, 2009, no. 10, pp. 163-165.

3. Obyavlenie o sobranii. *RGASPI*, f. 215, op. 1, d. 271, l. 329.

4. Raport S. D. Sazonova. *AVPRI*, f. 133, op. 470, d. 36, l. 6.

5. An die Landtags-Wähler 08. Juni 1908 des Wahlkreises Frankfurt a. M. *RGASPI*, f. 215, op. 1, d. 171.

6. Aus dem Reiche. *Teltower Kreisblatt*, 1893, 28. Oktober, S. 2.

7. Bericht zur Sitzung im Abgeordnetenhaus. *Luebecker Volksboten*, 1914, 19. Mai, S. 1-2.

8. Der Reichstag und die Wahlen. *Provinzial-Correspondenz*, 1867, 03. April, S. 3.

9. Einkommensteuergesetz vom 24. Juni 1891. *Gesetz-Sammlung fuer die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1891, S. 175 ff.

10. Gesetz, betreffend Aenderung des Wahlverfahrens vom 29. Juni 1893. *Gesetz-Sammlung für die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1893, S. 103 ff.

11. Gesetz, betreffend Aenderung des Wahlverfahrens, vom 24. Juni 1891. *Gesetz-Sammlung für die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1891.

12. Gesetz, die Feststellung der Wahlbezirke für das Haus der Abgeordneten betreffend, vom 27. Juni 1860. *Gesetz-Sammlung für die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1860, S. 357 ff.

13. Interimistisches Wahlgesetz für die Wahlen zur Zweiten Kammer in den Fuerstenthuemern Hohenzollern vom 30. April 1851 // *Gesetz-Sammlung für die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1851, S. 216 ff.

14. Mitbuerger! Wähler der 3. Classe! *Koelner Stadt-Anzeiger*, 1881, 7. November, S. 1.

15. Nachrichten aus dem Kreise und der Provinz. *Teltower Kreisblatt*, 1896, 15. März, S. 2.

16. Neues zur Klassensteuer. *Neueste Mitteilungen*, 1882, 03. Juli, S. 2.

17. Poensgen O. *Das Wahlrecht*. Leipzig, Teubner, 1909.

18. Preußen und das Wahlrecht. *Tabakarbeiter*, 1910, 20. Febr., no. 8, S. 2.

19. Richter H. *Moderne Wahlen. Eine Geschichte der Demokratie in Preußen und den USA im 19. Jahrhundert*. Hamburg, Hamburger Edition, 2017.

20. Ritter G. *Wahlgeschichtliches Arbeitsbuch: Materialien zur Statistik des Kaiserreichs 1871–1918. Zweites Kapitel: Preußen*. Muenchen, Verlag C. H. Beck, 1980.

21. Verordnung über die Ausführung der Wahl der Abgeordneten zur Zweiten Kammer vom 30. Mai 1849. *Gesetz-Sammlung für die Königlichen Preussischen Staaten*, 1850, S. 205 ff.

22. Verordnung über die Wahlen zur verfassunggebenden preußischen Landesversammlung vom 21. Dezember 1918. *Gesetz-Sammlung für die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1918, S. 201 ff.

23. Wahlgesetz für die zur Vereinbarung der preussischen Staatsverfassung zu berufende Versammlung unter dem 8. April 1848. *Gesetz-Sammlung fuer die Koeniglichen Preussischen Staaten*, 1848, S. 89 ff.

Information About the Author

Yuri A. Bokov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, bokov2004@yandex.ru, bokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-9599>

Информация об авторе

Юрий Александрович Боков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, bokov2004@yandex.ru, bokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6357-9599>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>

UDC 347.1
LBC 67.404

Submitted: 27.12.2020
Accepted: 25.01.2021

THE LEGAL REGULATION OF REAL ESTATE TURNOVER IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY ¹

Iolanta V. Baltutite

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the formation and development of the real estate market as a specific sphere of market relations is one of the basic vectors of the creation in the Russian Federation of an economic system based on the prevalence of private property and market mechanisms of self-regulation, functioning and formation of the economy. The rapid development of digital technologies leads to the transformation of the entire system of public relations, including the sphere of real estate transactions. **Purpose:** to study the peculiarities of concluding transactions, whose object is real estate, in the context of informatization of civil turnover, as well as to develop and justify the theoretical and practical conclusions and proposals for improving the relevant legal regulation. **Methods:** the methodological framework for the study is based on the methods of scientific cognition, among which the main ones are the methods of consistency, analysis and comparative law. **Results:** the author analyzes the results of the reform of the current civil legislation and innovations in the field of the legal regulation of real estate transactions in the context of digitalization and informatization of the state and society, considers the main theoretical and practical problems of the legal regulation of the implementation and organization of such transactions using digital technologies, and also formulated specific proposals for improving the current legislation in this area. **Conclusions:** the innovations in the legal regulation of real estate in the context of the fourth industrial revolution contain a number of positive aspects, but it is advisable to constantly identify and develop the ways to eliminate the gaps, both in the legal regulation and in the theoretical and legal understanding of the transformation of public relations in the field of real estate transactions in the context of Industry 4.0. It is revealed that when making a transaction completely in electronic form, neither the registration authority nor the notary will be able to determine the real, desired intentions of the transaction participant, who may be under duress, or does not understand the meaning of his actions, or is misled, which may later become the basis for invalidating the transaction. In this regard, the additional mechanisms for authenticating applicants when receiving electronic public services are needed.

Key words: real estate, the fourth industrial revolution, digital technologies, electronic document management, electronic services, real estate transactions.

Citation. Baltutite I.V. The Legal Regulation of Real Estate Turnover in the Context of Digitalization of the Russian Economy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 86-93. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>

УДК 347.1
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 27.12.2020
Дата принятия статьи: 25.01.2021

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ ¹

Иоланта Видмантовна Балтутите

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение: становление и развитие рынка объектов недвижимого имущества как специфической сферы рыночных отношений выступает одним из базисных векторов создания в Российской Федерации экономической системы, основывающейся на превалировании частной собственности и рыночных механизмах саморегулирования, функционирования и формирования экономики. Стремительное развитие цифровых технологий приводит к трансформации всей системы общественных отношений, в том числе и сферы сделок с недвижимым имуществом. **Цель:** исследовать особенности заключения сделок, объектом которых выступает недвижимое имущество, в условиях информатизации гражданского оборота, а также разработать и обосновать теоретические и практические выводы и предложения по совершенствованию соответствующего правового регулирования. **Методы:** методологическую основу данного исследования составили методы научного познания, среди которых основное место занимают методы системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** автором проанализированы результаты реформирования действующего гражданского законодательства и нововведения в сфере правового регулирования сделок с недвижимостью в условиях цифровизации и информатизации государства и общества, рассмотрены основные теоретические и практические проблемы правового регулирования осуществления и организации таких сделок с применением цифровых технологий, а также сформулированы конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере. **Выводы:** нововведения в правовом регулировании в сфере недвижимого имущества в условиях четвертой промышленной революции содержат в себе ряд положительных моментов, однако целесообразно постоянное выявление и выработка путей устранения пробелов как в правовом регулировании, так и в теоретическо-правовом осмыслении процессов трансформации общественных отношений в сфере сделок с недвижимостью в условиях Индустрии 4.0. Выявлено, что при совершении сделки полностью в электронном виде, ни регистрирующий орган, ни нотариус не смогут определить реальные, желаемые намерения участника сделки, который, возможно, находится под принуждением, либо не понимает значения своих действий, либо введен в заблуждение, что в дальнейшем может стать основанием для признания сделки недействительной. В связи с этим необходимы дополнительные механизмы аутентификации заявителей при получении электронных государственных услуг.

Ключевые слова: недвижимое имущество, четвертая промышленная революция, цифровые технологии, электронный документооборот, электронные сервисы, сделки с недвижимостью.

Цитирование. Балтутите И. В. Правовое регулирование оборота недвижимого имущества в условиях цифровизации российской экономики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 86–93. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.13>

Введение

Государственная регистрация недвижимости и сделок с ним играет важную роль в системе рыночных отношений и обладает особенными юридическими свойствами. Актуальность темы исследования обуславливается также постоянным развитием гражданско-правовых отношений, объектом которых выступает в том числе и недвижимое имущество. Учитывая постоянное возникновение в современном гражданско-правовом поле новых факторов социального, экономического и правового характера, в настоящее время есть необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, касающейся недвижимости, в сфере регулирования сделок и существующей практики использования действующего законодательства [3, с. 133].

Вопрос об определении признаков недвижимых вещей по-прежнему весьма широко обсуждается в научной литературе. Проведя

анализ имеющихся подходов, можно сделать заключение о том, что большая часть авторов выделяет критерии недвижимого имущества, регламентированные ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1].

В настоящее время юридическая практика в России устанавливает ряд признаков, по которым физический объект можно отнести к недвижимому имуществу:

– прочная конструктивная связь с земельным участком (невозможно перемещать объект без причинения ущерба его целевому назначению);

– возможность объекта недвижимости существовать физически обособленно (наличие у объекта недвижимости четко установленных границ);

– осуществление государственной регистрации в Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии РФ (далее – Росреестр);

– создание объекта недвижимого имущества в порядке, установленном действующим законодательством, соблюдая градостроительные и иные нормы и правила;

– объект недвижимости можно отнести к одной из следующих категорий: земельный участок, здание, сооружение, помещение, объект незавершенного строительства [5; 19].

Как отмечается в Письме Минэкономразвития России от 29 июля 2019 г. № Д23и-25714 [6], действующее российское законодательство не наделяет какие-либо органы власти или организации полномочиями по разграничению движимых и недвижимых вещей. В связи с этим мы можем прийти к выводу о том, что только суд может установить, какой из объектов является недвижимым имуществом. Более того, если обратиться к судебной практике, то можно найти примеры, когда суд причислял к движимому имуществу объект, имеющий связь с землей и стоящий на техническом учете в БТИ. В Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 22.04.2019 № Ф10-1152/2019 по делу № А09-4478/2018 [7] указывается, что поскольку земельный участок, на котором расположен построенный торговый киоск, не был предоставлен предпринимателю в установленном законом порядке для строительства капитального сооружения, то основания для признания торгового киоска объектом недвижимости отсутствуют, несмотря на имеющуюся проектную документацию, утвержденную уполномоченным органом.

В настоящее время Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации предлагает поправки к закону «О связи», закрепляющие статус кабельной инфраструктуры операторов как движимого имущества «вне зависимости от места размещения и способа прокладки» [4]. Такие поправки позволят исключить возможное отнесение кабелей к недвижимому имуществу и избавят компании связи от налоговых претензий, которые «могут повлиять на финансовое состояние операторов связи, а также на выполнение их обязательств перед клиентами. В законодательстве РФ нет прямого указания об отнесении кабеля к движимому имуществу, что позволяет по-разному толковать его статус. Позиция ведомства основа-

на на том, что отнесение кабеля к движимому имуществу следует из возможности его демонтажа, замены или перемещения без потери функционала, а к недвижимости закон относит объекты, перемещение которых без ущерба их назначению невозможно.

Применение цифровых технологий в сфере сделок с недвижимостью

Проблема правового регулирования сделок при купле-продаже недвижимого имущества имеет большую значимость. Это связано с повышенной материальной ценностью объектов недвижимости, а также с их высокой социальной значимостью. Поэтому государство предусматривает специальные мероприятия для сохранения интересов владельцев недвижимого имущества. От имени государства охрану интересов собственников выполняют специальные институты.

В современных условиях развития экономики наблюдается расширение применения цифровых технологий во всех видах экономической деятельности. В настоящее время цифровые технологии в сфере оформления сделок с недвижимостью опираются на требования Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», направленной на достижение цели, определенной Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [10]. Необходимо формирование концепции благоприятной, адаптивной правовой среды, необходимой для реализации данной национальной программы.

Рынок недвижимости является чувствительным индикатором изменений, происходящих в рыночной экономике, и подвергается очень существенному изменению под влиянием процессов цифровизации.

Опережающими темпами растет «цифровое» развитие в сфере сделок с недвижимостью как на мировом уровне, так и в России [13, с. 601]. Росреестр приступил к масштабному оказанию услуг в электронном виде. Интернет-портал Росреестра позволил упростить процедуру предоставления государственных услуг, сделать обслуживание более качественным и доступным, сократить

его сроки. За последние годы этот формат обслуживания приобрел в России особую актуальность. Кроме того, с 1 января 2018 г. нотариат перешел на регистрацию всех совершаемых нотариальных действий в электронном виде, в Единой информационной системе нотариата, в том числе оформление сделок с недвижимостью. Это качественно новая ступень в защите важных юридических сведений, гарантия их сохранности и достоверности.

Право собственности и другие вещные права на недвижимость, а также ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (далее – ЕГРН). В настоящее время документы могут быть представлены на регистрацию как на бумажном носителе, так и в электронной форме (ч. 4 ст. 1, ч. 1, 11 ст. 18 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [11]). Для осуществления сделки в цифровом виде заинтересованным лицам необходимо иметь усиленную квалифицированную электронную подпись.

С 13 августа 2019 г. вступила в силу ст. 36.2 Закона РФ «О государственной регистрации недвижимости», которая установила новое правило: физические лица должны дать предварительное согласие на передачу документов на регистрацию в электронном виде. При отсутствии такого согласия документы, поданные электронно, будут возвращены. Такое законодательное изменение позволит предотвратить случаи мошенничества с электронной подписью при регистрации прав на недвижимость. Указанное правило не распространяется на случаи, когда документы на регистрацию направляет нотариус либо документы подаются с помощью сервисов кредитных организаций.

В настоящее время увеличивается спрос на подачу документов в регистрационные органы в электронном виде, в том числе через нотариусов. Ключевое отличие такого способа подачи документов – оперативность и удобный формат «одного окна», когда нотариус сам собирает необходимый пакет гарантированно верно составленных документов и достоверных сведений [12].

В Росреестре разрабатывается концепция цифровой трансформации на 2021–2023 гг., которая позволит выявить вопросы в автоматизации процессов ведомства, задать целевые модели и определить план действий по совершенствованию системы.

В период пандемии коронавируса возросла необходимость цифровых сервисов, особенно в области электронной регистрации прав на объекты недвижимости. Отмечена высокая востребованность электронных сервисов – порядка 40 % документов по ипотеке и регистрации договоров долевого участия подаются в электронном виде. Эта цифра превышает в 1,5–2 раза показатели прошлого года [8].

В 2021 г. планируется работа по объединению информационных систем федеральных органов исполнительной власти, которые содержат сведения о земле, для проведения эксперимента по созданию Единого информационного ресурса (ЕИР) о земле и недвижимости. «Новые сервисы помогут широкому кругу лиц получать полную и достоверную информацию для граждан по принципу “одного окна”», – заявила заместитель руководителя Росреестра.

Таким образом, Росреестр и Федеральная кадастровая палата уже приступили к созданию платформы для осуществления сделок с недвижимостью в цифровом формате.

Кроме того, в 2021 г. планируется утвердить единую форму договоров с использованием кредитных средств в электронном виде, что позволит быстрее и проще оформлять ипотечные сделки [9].

Об интересной разработке в 2019 г. заявила компания «Дом.рф», являющаяся государственной компанией, принадлежащей Правительству России в лице Агентства по управлению государственным имуществом. Компания «Дом.рф» сообщила о запуске сервиса для электронной регистрации сделок, проводимых с недвижимостью [2]. Сервис обеспечивает покупателю и продавцу юридическую гарантию при подписании документов. В дальнейшем данный портал будет развиваться в качестве единой цифровой платформы для всего рынка недвижимости России.

27 июня 2019 г. был принят Федеральный закон № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об участии в долевом

строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предоставляет возможность застройщикам заключать договор участия в долевом строительстве в электронном виде. Кроме того, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по нормативно-правовому регулированию в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, устанавливает требования к электронной форме договора, соглашения о внесении изменений в договор долевого участия, соглашения об уступке прав требований по такому договору.

Кроме того, существует вероятность, что будет создана «виртуальная комната сделок», которая объединит всех участников рынка недвижимости на доверенной цифровой платформе. Весь цикл сделки будет реализован в едином сервисе Росреестра. Использование искусственного интеллекта позволит повысить скорость и качество регистрации сделок с опережением лучших мировых показателей.

Выводы

Таким образом, переход к цифровизации в сфере недвижимости – это уже неизбежность, в связи с чем многие компании приступают к активной разработке собственных продуктов и платформ. При этом они не ограничивают свой рынок одной страной или территорией, поскольку для современных технологий нет физических границ. Пандемия и последующая за ней самоизоляция заставила всех участников сделок с недвижимостью пересмотреть свое отношение к электронным услугам и сервисам.

Однако никто из пользователей Интернета не может быть полностью застрахован от мошенничества в цифровом мире. К сожалению, право в цифровом пространстве еще не до конца развито и не может гарантировать наказание за неправомерные действия в сети Интернет.

Вопрос об использовании электронного документооборота в сфере сделок с недви-

жимостью вызывает в науке немало вопросов и различных мнений не только по терминологии, но и по практическому применению законодательных норм. Можно выделить основные пробелы правового регулирования и теоретическо-правового осмысления процессов трансформации общественных отношений в сфере сделок с недвижимым имуществом в условиях Индустрии 4.0:

– возникает угроза потери информации или негативного вмешательства на электронный документ. Субъекты общественных отношений не готовы к тому, что какая-либо информация с электронного документа не будет сохранена на бумажном носителе и не подшита в дело;

– при совершении сделки полностью в электронном виде ни регистрирующий орган, ни нотариус не смогут определить реальные, желаемые намерения участника сделки, который, возможно, находится под влиянием других лиц;

– доступность электронного документооборота, особенности информационного и коммуникационного развития нашей страны в малочисленных и труднодоступных местностях. Проведение сделок с недвижимостью в онлайн-режиме может не состояться в связи с отсутствием возможности подключения к сети Интернет;

– неспособность ряда удостоверяющих центров обеспечить законность и информационную безопасность для владельцев электронных подписей. Удостоверяющие центры по выдаче электронных подписей играют важную роль в обеспечении безопасности сделок с недвижимостью, в связи с чем важно усовершенствовать правовое регулирование их деятельности;

– несовершенства системы защиты баз данных от негативного воздействия и ее искажения;

– в действительности граждане и юридические лица не готовы до конца отказаться от использования бумажного носителя, особенно это касается граждан пожилого возраста.

В первую очередь для эффективного использования информационных технологий должна быть создана комплексная законодательная база, которая будет отвечать всем требованиям реальности, будет удобна для пра-

воприменительных органов. Также в Российской Федерации необходимо закрепить в правовых актах единые стандарты и требования к электронным документам, обеспечить единство и функционирование электронных систем, улучшить взаимодействие между различными государственными и не государственными органами. Так, например, в настоящий момент в нотариальной деятельности в Российской Федерации идет переход не к чисто электронному документообороту, а к смешанному, то есть бумажно-электронному. Но, несмотря на многие недостатки правового регулирования, нотариальная деятельность с использованием информационных технологий, в том числе при оформлении сделок с недвижимостью, в нашей стране развивается и улучшается.

В целях защиты прав добросовестных участников гражданских правоотношений существует необходимость ужесточить требования к удостоверяющим центрам, осуществляющим выпуск электронных подписей, что обезопасит собственников недвижимости, поскольку неоднократно случались ситуации, в результате которых мошенники при помощи электронной подписи завладевали чужими квартирами и домами. Чем более жесткими будут требования к удостоверяющим центрам и их сотрудникам, тем сложнее третьим лицам использовать современные технологии для незаконного обогащения.

Государственная регистрация носит публичный характер: государство в лице регистрирующего органа проверяет законность действий субъектов гражданского оборота и, только убедившись в этом, регистрирует их права. Осуществляемый таким образом со стороны государства контроль за совершением сделок с недвижимым имуществом должен обеспечить и защитить права и законные интересы граждан, юридических лиц и публичных образований, как следствие, снизить риски на рынке недвижимости, создать дополнительные гарантии безопасности для участников рынка недвижимости. Однако выявлено, что при совершении сделки полностью в электронном виде ни регистрирующий орган, ни нотариус не смогут определить реальные, желаемые намерения участника сделки, который, возможно, находится под принуждени-

ем, либо не понимает значения своих действий, либо введен в заблуждение, что в дальнейшем может стать основанием для признания сделки недействительной. В связи с этим необходимы дополнительные механизмы аутентификации заявителей при получении электронных государственных услуг, в частности, идентификации граждан по лицу и голосу.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

The work was supported by Russian Science Foundation (project № 20-18-00314).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрании законодательства РФ. – 1994 (5 дек.). – № 32. – Ст. 3301.
2. Запущен сервис для электронной регистрации сделок с недвижимостью – дом.рф. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://дом.рф/media/news/zapushchen-servis-dlya-elektronnoy-registratsii-sdelok-s-nedvizhimostyu-dom-rf/> (дата обращения: 20.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Матыцин, Д. Е. Обеспечение исполнения государственных и муниципальных контрактов: банковские гарантии и цифровые технологии / Д. Е. Матыцин, И. В. Балтутите // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 133–136.
4. Минцифры предложило не считать кабели связи недвижимостью. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://openmedia.io/news/n3/mincifry-predlozhilo-ne-schitat-kabeli-svyazi-nedvizhimostyu-proekt-vnesen-dlya-uskoreniya-cifrovizacii/> (дата обращения: 22.11.2020). – Загл. с экрана.
5. Наумова, Л. Критерии квалификации недвижимого имущества / Л. Наумова // ЭЖ-Юрист. – 2005. – № 4. – С. 19–24.
6. Письмо Министерства экономического развития РФ от 29 июля 2019 г. № Д23И-25714 О критериях разграничения движимого и недвижимого имущества. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72584916/> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.
7. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22.04.2019 № Ф10-1152/2019 по делу № А09-4478/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим

доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=117783#09978814634407087> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.

8. Росреестр планирует развивать цифровые платформы с учетом лучших международных практик. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/site/press/news/rosreestr-planiruet-razvivat-tsifrovye-platformy-s-uchetom-luchshikh-mezhdunarodnykh-praktik/> (дата обращения: 20.12.2020). – Загл. с экрана.

9. Росреестр зарегистрировал более 86 тыс. сделок по льготной ипотеке. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/nedvizhimost/9723539> (дата обращения: 15.10.2020). – Загл. с экрана.

10. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. – 2018 (14 мая). – № 20. – Ст. 2817.

11. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 25.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2015 (20 июля). – № 29 (ч. I). – Ст. 4344.

12. «Электронный нотариат» в цифрах и фактах: актуальная статистика от первых лиц нотариата на встрече с ведущими российскими СМИ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/news/elektronnyj-notariat-v-cifrah-i-faktah-aktualnaya-statistika-ot-pervyh-lic-notariata-na-vstreche-s-vedushimi-rossijskimi-smi> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.

13. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0 / A. O. Inshakova, E. E. Frolova, E. P. Rusakova, S. I. Kovalev // Journal of Intellectual Capital. – Publisher: Emerald Publishing Limited. – 2020. – № 21 (4). – P. 601–622.

REFERENCES

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ]. *Sobranii zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994 (5 December), no. 32, art. 3301.

2. *Zapushchen servis dlya elektronnoj registracii sdelok s nedvizhimost'yu – dom.rf* [Launched a service for electronic registration of real estate transactions-dom. RF]. URL: <https://dom.rf/media/news/zapushchen-servis-dlya-elektronnoy-registratsii-sdelok-s-nedvizhimostyu-dom-rf/> (accessed 20 December 2020).

3. Matycin D.E., Baltutite I.V. Obespechenie ispolneniya gosudarstvennyh i municipal'nyh

kontraktov: bankovskie garantii i cifrovye tekhnologii [Ensuring the execution of state and municipal contracts: bank guarantees and financial technologies]. *EvrAzijskij juridicheskiy zhurnal* [Eurasian Legal Journal], 2020, no. 11 (150), pp. 133–136.

4. *Mincifry predlozhilo ne schitat' kabeli svyazi nedvizhimost'yu* [The Ministry of Finance proposed not to consider communication cables as real estate]. URL: <https://openmedia.io/news/n3/mincifry-predlozhilo-ne-schitat-kabeli-svyazi-nedvizhimostyu-proekt-vnesen-dlya-uskoreniya-cifrovizacii/> (accessed 22 November 2020).

5. Naumova L. Kriterii kvalifikacii nedvizhimogo imushchestva [Criteria of qualification of real estate]. *EZH-YURist*, 2005, no. 4, pp. 19–24.

6. *Pis'mo Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF ot 29 iyulya 2019 g. № D23I-25714 O kriteriyah razgranicheniya dvizhimogo i nedvizhimogo imushchestva* [Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. D23I-25714 of July 29, 2019 On the Criteria for Distinguishing Movable and immovable property]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72584916/> (accessed 23 December 2020).

7. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 22.04.2019 № F10-1152/2019 po delu № A09-4478/2018* [Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 22.04.2019 N F10-1152/2019 in the case N A09-4478/2018]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=117783#09978814634407087> (accessed 23 December 2020).

8. *Rosreestr planiruet razvivat' cifrovye platformy s uchetom luchshih mezhdunarodnykh praktik*. URL: <https://rosreestr.gov.ru/site/press/news/rosreestr-planiruet-razvivat-tsifrovye-platformy-s-uchetom-luchshikh-mezhdunarodnykh-praktik/> (accessed 20 December 2020).

9. *Rosreestr zaregistroval bolee 86 tys. sdelok po l'gotnoj ipoteke* [Rosreestr plans to develop digital platforms taking into account the best international practices]. URL: <https://tass.ru/nedvizhimost/9723539> (accessed 15 October 2020).

10. Uказ Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2018 (14 May), no. 20, art. 2817.

11. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» (red. ot 25.12.2019) [Federal Law No. 218-FZ of 13.07.2015 “On State registration of real estate” (as amended on

25.12.2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2015 (20 July), no. 29 (part I), art. 4344.

12. «Elektronnyj notariat» v cifrah i faktah: aktual'naya statistika ot pervyh lic notariata na vstreche s vedushchimi rossijskimi SMI [Electronic notary" in figures and facts: current statistics from the first persons of the notary at the meeting with the leading Russian media]. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/>

news/elektronnyj-notariat-v-cifrah-i-faktah-aktualnaya-statistika-ot-pervyh-lic-notariata-na-vstreche-s-vedushimi-rossijskimi-smi (accessed 23 December 2020).

13. Inshakova A.O., Frolova E.E., Rusakova E.P. and Kovalev S.I. The model of distribution of human and machine labor at intellectual production in industry 4.0. *Journal of Intellectual Capital*. Publisher: Emerald Publishing Limited, 2020, no. 21 (4), pp. 601-622.

Information About the Author

Iolanta V. Baltutite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

Информация об авторе

Иоланта Видмантовна Балтутите, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, u938om@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5443-2157>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.14>

UDC 349.4
LBC 67.407.1

Submitted: 28.12.2020
Accepted: 28.01.2021

THE FUNDAMENTALS OF DETERMINING THE RENTAL CHARGE FOR THE STATE-OWNED REAL ESTATE IN THE RUSSIAN FEDERATION¹

Ekaterina M. Vavilova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the study of the basic principles and methods of determining rental rates for the use of land owned by the state and municipal authorities. Despite the increasing trend of the privatization of state-owned land, its significant proportion is still under the state ownership. In this regard, a significant share of court proceedings in the Arbitration courts falls precisely on those disputes that relate to the determination of the procedure for establishing the rent of state-owned real estate in Russia. In this regard, the author set the **goal** – to study the problem of establishing the amount of the rent for the land held by tenants for housing after bringing into force Resolution of the Government of the Russian Government No. 582 of July 16, 2009 “On the basic principles of determining the rent for leases of land plots in the state or municipal ownership, and on the Rules for determining the amount of rent and the order of the conditions and terms of payment of rent for land in the ownership of the Russian Federation” (hereinafter – “Resolution No. 582”). **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main one is the comparative law method, as well as the methods of systematization and analysis. **Results:** the author’s position grounded in the work is based on the analysis of the legislation and the opinions of the scientists expressed in the competent scientific community on the issue of establishing the basic rates for renting the state real estate. **Conclusions:** as a result of the study, the main principles of determining the rates for renting the state-owned real estate, as well as the procedure for determining them, were analyzed. It was established that the amount of rent for land plots that were provided to tenants for housing construction after the entry into force of Resolution No. 582 should not exceed 2 % of the cadastral value of such real estate.

Keywords: rent, state real estate, order establishing, land lease, land legal relations.

Citation. Vavilova E.M. The Fundamentals of Determining the Rental Charge for the State-Owned Real Estate in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 94-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.14>

УДК 349.4
ББК 67.407.1

Дата поступления статьи: 28.12.2020
Дата принятия статьи: 28.01.2021

ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ АРЕНДНОЙ ПЛАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕДВИЖИМОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Екатерина Михайловна Вавилова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет),
г. Москва, Российская Федерация

Введение: статья посвящена изучению основных принципов и способов определения арендных ставок за пользование землями, находящимися в государственной и муниципальной собственности. Несмотря на возрастающую тенденцию приватизации государственных земель, значительная их доля все еще находится в государственном ведении. По этой причине значительная доля судебных разбирательств в Арбитражных судах приходится именно на те споры, которые касаются определения порядка установления арендной платы государственной недвижимости России. В связи с этим автором в работе поставлена **цель** – изучение проблемы установления размера арендной платы за земельные участки, которые предоставлены арендаторам для целей жилищного строительства после введения в действие Постановления Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся

в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» (далее – «Постановление № 582»). **Методы:** методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимает сравнительно-правовой метод, а также методы системности и анализа. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция построена на анализе законодательства и мнений ученых, выраженных в компетентной научной среде по вопросу об установлении базовых ставок по аренде государственной недвижимости. **Выводы:** в результате исследования были проанализированы основные принципы определения ставок по аренде государственной недвижимости, а также порядок их определения. Было установлено, что размер арендной платы за земельные участки, которые предоставлены арендаторам для целей жилищного строительства после введения в действие Постановления № 582, не должен превышать 2 % от кадастровой стоимости такой недвижимости.

Ключевые слова: арендная плата, государственная недвижимость, определение порядка, аренда земельных участков, земельные правоотношения.

Цитирование. Вавилова Е. М. Основы определения стоимости арендной платы государственной недвижимости Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 94–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.14>

Введение

Вопрос определения стоимости арендной платы государственной недвижимости в России является актуальным для современной системы земельных правоотношений, поскольку кроет под собой ряд неопределенностей и споров, связанных, в том числе, с несоответствием установленных ставок основным принципам определения арендной ставки за публичные земли на территории России, а также предельным ставкам за определенные категории земель [8, с. 184].

Земельным кодексом Российской Федерации [3, ст. 8] предусмотрено, что земельные участки могут находиться в государственной, муниципальной и частной собственности. Несмотря на возрастающую тенденцию приватизации государственных земель, значительная их доля все еще находится в государственном ведении. Стоит отметить, что на международном уровне за последние 25–30 лет отмечается усиление государственного (общественного) воздействия на земельный строй [6]. С возрастанием ограниченности земельных ресурсов, общественные интересы выступают на стыке с частнособственническим укладом, что служит основой многочисленным судебным спорам. Как справедливо отмечает судья Арбитражного суда Северо-Западного округа – И.Л. Грачева, арбитражные споры по аренде земель в частной собственности, а также вопросы, связанные с

платежами, составляют крайне малую долю при сравнении со спорами, связанными с арендой государственных и муниципальных земель [1, с. 63–84].

Таким образом, справедливо сделать вывод о наличии множества проблем в рассматриваемой области, а также о разнополном их толковании как со стороны землепользователей, так и со стороны судов различных инстанций.

Порядок определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности

Соблюдая принцип платности землепользования, законодательство установило, что порядок определения размер арендной платы, а также порядок, условия и сроки внесения арендной платы за земли, находящиеся в государственной собственности, устанавливается Правительством Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления [3, ст. 65].

В связи с этим, Правительством Российской Федерации было принято Постановление № 582 [5]. В последнем выделяется семь принципов, приведенных в таблице.

В дополнение к этому названное постановление устанавливает следующие способы, в соответствии с которыми определяется раз-

мер арендной платы при аренде государственных земельных участков (рис. 1).

Приведенные выше принципы и способы определения арендной платы зачастую не соблюдаются арендодателями, что провоцирует появление судебных споров, инициированных землепользователями (арендаторами) [4].

Существенной проблемой в контексте рассматриваемой темы является установление размера арендной платы за земельные участки, которые предоставлены арендаторам для целей жилищного строительства после введения в действие Постановления № 582.

В связи с этим следует вновь обратиться к положениям Постановления № 582, закрепляющим основополагающие принципы ус-

тановления арендных платежей. В частности, принцип экономической обоснованности предполагает, что для земель одного населенного пункта, разрешенного пользования и назначения, а также используемых в рамках одного вида деятельности не могут быть введены арендные платежи свыше тех, что установлены для федеральных земель.

Законодательством установлено, что арендная ставка при предоставлении земельного участка в аренду для строительства при надлежащем согласовании места размещения объекта, не может быть выше 2 % от кадастровой стоимости земельного участка [5].

Действующим российским законодательством жилищное строительство относит-

Принципы, установленные Постановлением № 582

Принципы, установленные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2009 № 582	
1.	принцип экономической обоснованности
2.	принцип предсказуемости расчета размера арендной платы
3.	принцип предельно допустимой простоты расчета арендной платы
4.	принцип недопущения ухудшения экономического состояния землепользователей и землевладельцев при реоформлении ими прав на земельные участки
5.	принцип учета необходимости поддержки социально значимых видов деятельности посредством установления размера арендной платы в пределах, не превышающих размер земельного налога, а также защиты интересов лиц, освобожденных от уплаты земельного налога
6.	принцип запрета необоснованных предпочтений
7.	принцип учета наличия предусмотренных законодательством Российской Федерации ограничений права на приобретение в собственность земельного участка, занимаемого зданием, сооружением, собственником этого здания, сооружения

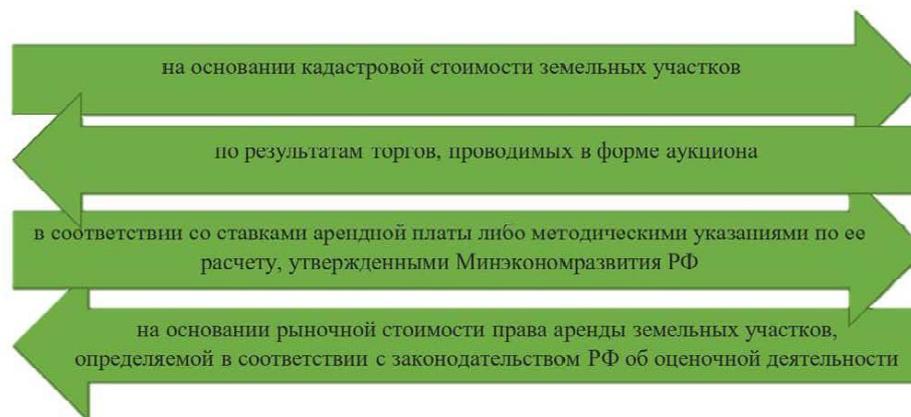

Рис. 1. Способы определения размера арендной платы при аренде государственных земельных участков

ся к видам деятельности социально значимого характера. Таким образом, следуя названному выше пп. «д» п. 3 Правил определения арендной платы, размер арендной ставки не может превышать 2 %.

Вместе с тем в судебной практике встречались случаи, когда размер арендных платежей превышал установленную норму, дохода до 5 % (например, дело № А66-3960/2013 [2]).

Между тем в рамках названного дела суды справедливо установили, что взимание арендной ставки, превышающей 2 %, не соответствует положениям действующего законодательства и не может быть взыскано с арендаторов.

Заключение

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что платежи за предоставленные в аренду земельные участки в порядке п. 15 ст. 3 Закона № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [7] должны рассчитываться исходя из требований пп. «д» п. 3 названных Правил, если земли были введены в эксплуатацию в установленный законом срок. Если же введение в эксплуатацию произошло с нарушением срока, расчет должен происходить с учетом повышающих коэффициентов [1, с. 63–84].

В статье были проанализированы основные принципы определения ставок по аренде государственной недвижимости, а также порядок их определения. Кроме того, в процессе изучения судебной практики было установлено, что размер арендной платы за земельные участки, которые предоставлены арендаторам для целей жилищного строительства после введения в действие Постановления № 582, не должен быть выше 2 % от кадастровой стоимости такой недвижимости.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

The article was prepared based on the results of the publicly funded research by order of Financial University under the Government of the Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грачева, И. Л. Отдельные вопросы судебной практики по спорам о взыскании платы за пользование земельными участками / И. Л. Грачева // Арбитражные споры. – 2015. – № 2. – С. 63–84.

2. Дело № А66-3960/2013. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9a31adb0-a7b5-410d-ac5d-835191e98ce6> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

3. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 29 окт. (№ 44). – Ст. 4147.

4. Кацайлиди, А. В. Споры по аренде земельных участков / А. В. Кацайлиди. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://katsaylidi.ru/article/sporyi-po-arende-zemelnyih-uchastkov> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

5. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 «Об основных принципах определения арендной платы при аренде земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и о Правилах определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 27 июля (№ 30). – Ст. 3821.

6. Реформирования земельных отношений в России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/2548710/page:3> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

7. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – 29 окт. (№ 44). – Ст. 4148.

8. Чернышова, О. Н. Основные аспекты проведения оценки права на заключение договоров аренды объектов недвижимости, находящихся в государственной или муниципальной собственности / О. Н. Чернышова, В. Ю. Сутягин, Р. Ю. Черкашнев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2019. – № 6 (75). – С. 183–193.

REFERENCES

1. Gracheva I.L. Nekotoryye voprosy sudebnoy praktiki po sporam o vzyiskanii platy za polzovaniye zemelnymi uchastkami [Some Questions of Judicial Practice on Disputes About the Collection of Fees for the Use of Land Plots]. *Arbitrazhnyye spory* [Arbitration Disputes], 2015, no. 2, pp. 63-84.

2. *Delo no. A66-3960/2013* [Case no. A66-3960/2013]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9a31adb0-a7b5-410d-ac5d-835191e98ce6> (accessed 24 December 2020).

3. «Zemelnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 25.10.2001 № 136-FZ [“Land Code of the Russian Federation” Dated 25 October 2001 No. 136-FL]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, Oct. 29 (no. 44), art. 4147.

4. Katsailidi A.V. *Spory ob arende zemelnykh uchastkov* [Disputes over the Lease of Land Plots]. URL: <https://katsaylidi.ru/article/sporyi-po-arende-zemelnyih-uchastkov> (accessed 24 December 2020).

5. Postanovleniye Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 16.07.2009 № 582 «Ob osnovnykh printsipakh opredeleniyaarendnoy platy pri arende zemelnykh uchastkov, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipalnoy sobstvennosti, i o pravilakh opredeleniya razmeraarendnoy platy, a takzhe poryadke, usloviyakh i srokakh vneseniyaarendnoy platy za zemelnyye uchastki, nakhodyashchiesya v sobstvennosti Rossiyskoy Federatsii» [Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.07.2009 No. 582 “On the Basic Principles of Determining Rent When Renting Land Plots that are in State or Municipal Ownership, and on the Rules for Determining the Amount of Rent, as Well as the Procedure, Conditions and Terms of Making

Rent for Land Owned by the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2009, July 27 (no. 30), art. 3821.

6. *Reforma zemelnykh otnosheniy v Rossii* [Land Relations Reform in Russia]. URL: <https://studfile.net/preview/2548710/page:3> (accessed 24 December 2020).

7. Federalnyi zakon ot 25.10.2001 № 137-FZ «O vvedenii v deystviye Zemel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law Dated 25 October 2001 No. 137-FL “On the Introduction of the Land Code of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, Oct. 29 (no. 44), art. 4148.

8. Chernyshova O.N., Sutyagin V.Yu., Cherkashnev R.Yu. *Osnovnyye aspekty otsenki prava na zaklyucheniye dogovorov arendy obyektov nedvizhimosti, nakhodyashchikhsya v gosudarstvennoy ili munitsipalnoy sobstvennosti* [The Main Aspects of the Assessment of the Right to Conclude Lease Agreements for Real Estate Objects that are in State or Municipal Ownership]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Bulletin of the North Caucasus Federal University], 2019, no. 6 (75), pp. 183-193.

Information About the Author

Ekaterina M. Vavilova, Postgraduate Student, Faculty of Law, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leningradskiy, 49, 125167 Moscow, Russian Federation, academy@fa.ru, Katyashh@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2838-5208>

Информация об авторе

Екатерина Михайловна Вавилова, аспирант Юридического факультета, Департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), просп. Ленинградский, 49, 125167 г. Москва, Российская Федерация, academy@fa.ru, Katyashh@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2838-5208>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.15>

UDC 341.22:339.7.012
LBC 67.911.221.3

Submitted: 08.01.2021
Accepted: 09.02.2021

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE LEGAL REGIME FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN BANKING ¹

Olesya P. Kazachenok

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: currently, the information technologies are at a very high level, so there may be the situations of data leakage, thereby increasing the risk of obtaining information by third parties, moreover, the electronic format of information threatens personal information security, so it seems necessary to adapt the domestic legislation to the current processes of “digitalization” and create a system of comprehensive protection of personal data in banking, necessary in the transition to Industry 4.0. The **purpose** of the work is to study the impact of digital technologies on the legal regime for the protection of personal data in banking, to develop proposals for improving the legislation in this area, to identify the risks of unauthorized access to personal data in the context of digitalization. **Methods:** the methodological framework for the study consists of: the methods of scientific analysis, logical analysis and the dialectical method. **Results:** the result of the research is the development of proposals for improving the regulatory framework in the field of personal data protection in banking in the context of the active development of digital technologies. **Conclusions:** the conclusion is made about the advantages and disadvantages of using blockchain in the banking sector, the need to develop a regulatory framework that regulates the activities of entities using such technologies. The author draws attention to the existing payment systems that have proven their efficiency in the banking sector. In addition, in order to prevent cases of leaking personal information of the bank customers, it seems appropriate to eliminate the existing legal uncertainty and unify the rules governing the legal regime for the protection of personal data in banking, in particular, the author supports the idea of concluding an agreement on electronic information interaction between the Central Bank and the Ministry of Internal Affairs of Russia, so that the law enforcement agencies can quickly respond to fraudulent actions and prevent them.

Key words: personal data, legal regime, blockchain technologies, digitalization, digital technologies, banking, banking secrecy.

Citation. Kazachenok O.P. The Impact of Digital Technologies on the Legal Regime for the Protection of Personal Data in Banking. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 99-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.15>

УДК 341.22:339.7.012
ББК 67.911.221.3

Дата поступления статьи: 08.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ¹

Олеся Павловна Казаченок

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в настоящее время информационные технологии находятся на очень высоком уровне, поэтому могут возникнуть ситуации утечки данных, тем самым повышается риск получения информации третьими лицами, более того, электронный формат информации ставит под угрозу личную информационную безопасность, поэтому представляется необходимым адаптировать отечественное законодательство к текущим процессам «цифровизации» и создать систему комплексной защиты персональных данных в банковской деятельности, необходимую в условиях перехода к Индустрии 4.0. **Целью** настоящей работы является, исследование влияния цифровых технологий на правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности, разработка предложений по усовершенствованию законодательства в указанной сфере, выявление рисков получения несанкционированного доступа к персональным данным в условиях цифровизации.

Методологическую основу работы составляют: метод научного анализа, диалектический метод, метод логического анализа. **Результатом** проведенного исследования является разработка предложений по усовершенствованию нормативно-правовой базы в сфере защиты персональных данных в банковской деятельности в условиях активного развития цифровых технологий. **Выводы:** делается вывод о преимуществах и недостатках использования блокчейн в банковской сфере, необходимости разработки нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность субъектов с применением таких технологий. Автор обращает внимание на существующие платежные системы, доказавшие свою эффективность в банковском секторе. Кроме того, в целях предотвращения случаев утечки сведений о персональных данных клиентов банков представляется целесообразным устранить существующую правовую неопределенность и унифицировать нормы, регулирующие правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности, в частности, автор поддерживает идею о заключении договора об электронном информационном взаимодействии между ЦБ и МВД России, благодаря чему правоохранительные органы смогут оперативно реагировать на мошеннические действия и пресекать их.

Ключевые слова: персональные данные, правовой режим, блокчейн-технологии, цифровизация, цифровые технологии, банковская деятельность, банковская тайна.

Цитирование. Казаченок О. П. Воздействие цифровых технологий на правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 99–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.15>

Введение

Банковская сфера – сегмент экономики, который подвергается активной трансформации под воздействием распространения новых технологий. В настоящее время, на этапе становления цифровой экономики, ведущим направлением развития России является цифровизация экономической и правовой систем [4, с. 184].

Становление цифровой экономики требует изменений отечественного законодательства в соответствии с новыми правоотношениями [1, с. 7]. Из вышесказанного следует, что исследование проблем правового регулирования защиты персональных данных в настоящее время является особенно актуальным.

Следовательно, целесообразно провести исследование правового режима защиты персональных данных в банковской деятельности в Российской Федерации и определить основные направления развития российского законодательства в указанной сфере с учетом активного воздействия цифровых технологий [6, с. 10].

Проблемы нормативно-правового характера обнаруживаются, в частности, при регулировании правового режима защиты банковской тайны, если информация, составляющая ее, была получена государственными должностными лицами (или наоборот). В этом случае каждый субъект будет иметь свой собственный правовой режим защиты информации.

Кроме того, при идентификации личности клиента остро стоят проблемы нормативно-правового характера и др.

Блокчейн-технологии и перспективы их использования в банковской сфере

В контексте цифровизации следует упомянуть блокчейн – распределенная база данных, в основе которой – децентрализованная пиринговая одноранговая сеть (P2P), использующая механизм достижения соглашений, криптографию и блоки обратной ссылки для совершения сделок [5, с. 147].

Данная технология основана на полной анонимности. В настоящее время блокчейн часто используется в противозаконных целях. Особенно популярным является даркнет, где применяются технологии блокчейн. В даркнете анонимно приобретают оружие, наркотики и другие запрещенные предметы. Необходимо отметить, что участников таких операций очень сложно выявить. Как видим, с помощью блокчейн-технологий происходит легализация преступных доходов, а также данную технологию могут использовать в террористических целях.

В целях обеспечения комплексной защиты персональных данных для банков использование блокчейн, безусловно, имеет отдельные преимущества, но вместе с тем вследствие указанных выше обстоятельств на прак-

тике могут возникнуть определенные проблемы – правовые риски при внедрении блокчейн в банковский сектор экономики. Для того чтобы наиболее эффективно применять технологии блокчейн, необходимо разработать технологию, которая не противоречила бы законодательству и позволяла бы оптимально использовать преимущества таких технологий.

Как считает исследователь В.М. Камалян, необходимо в процесс идентификации включить блокчейн-технологии. Иными словами, посредством разработки и утверждения на законодательном уровне новой системы идентификации личности на основе блокчейн-технологии персональные данные клиента являются абсолютно защищенными. Благодаря таким технологиям банк сможет оперативно и в полном объеме получать необходимую информацию, а также полностью обеспечить комплексную защиту персональных данных клиентов, исключив возможную утечку данных благодаря созданной зашифрованной системе [7, с. 35].

Не все исследователи солидарны с указанной точкой зрения. В отличие от приведенного выше мнения, Л.Г. Ефимова считает, что, несмотря на очевидные преимущества использования блокчейн-технологий в банковской сфере, среди которых наличие выгоды при переводе средств в результате значительного снижения издержек, следует учитывать и риски, возникающие на практике:

- 1) блокчейн может обеспечить не полную, а частичную анонимность пользователей, а значит, создает препятствия банкам в борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем и финансированием терроризма;
- 2) необратимость и неизменность операций в блокчейн. Иными словами, публичный блокчейн не является гарантией окончательности проведенных расчетов;
- 3) при использовании блокчейн-технологий банк теряет свою ведущую функцию финансового посредника [13, с. 179].

Л.Г. Ефимова указывает на наличие правовых рисков при использовании блокчейн и судебной защите в связи с отсутствием нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в данной сфере, так как на блокчейн традиционные механизмы исполнения судебных решений не распространяются.

Несмотря на указанные недостатки в использовании блокчейн банками, исследователь допускает такие технологии в целях осуществления отдельных расчетных операций (например, расчеты посредством аккредитива), организации кредитования, оформления и исполнения договора залога; выпуска и размещения ценных бумаг (облигаций и депозитных сертификатов) [13, с. 181].

Следует заметить, что в настоящее время в мире существуют и работают некоторые модели, использующие блокчейн-технологии.

Так, в качестве положительного примера в использовании блокчейн в банковской сфере можно обратить внимание на всемирно известную криптовалютную платформу Ripple, разработанную в 2012 г., – платежную систему перевода денежных средств с небольшой комиссией, которую используют крупные финансовые организации, в том числе и банки.

Модель Civic в 2017 г. удостоилась премии на специализированной конференции, доказав свою эффективность в проверке подлинности личности [14, р. 247]. В данной модели участниками могут выступать банки, иные финансовые организации. Преимущество указанной модели состоит в том, что компания не хранит информацию о пользователях, а для защиты сведений используются блокчейн-технологии. Данные, которыми обмениваются пользователи, не попадают в руки иных лиц. Такая система очень удобна в применении и позволяет защищать персональные данные клиентов сервиса [8].

Таким образом, использование технологий блокчейн в настоящее время является очень перспективным направлением в сфере защиты персональных данных. Для их активного применения банкам следует разработать отдельные законодательные акты либо внести поправки в существующее законодательство о банковской тайне, которые позволят оптимально использовать современные цифровые технологии и в то же время не допустить утечки персональных данных и сохранить банковскую тайну.

Следовательно, положительный эффект от использования цифровых технологий в банковской сфере должен быть обеспечен госу-

дарственной поддержкой в виде разработки концепции правового регулирования использования современных блокчейн-технологий.

Следует заметить, что на продукты, созданные на основе технологии блокчейн, в настоящее время распространяются нормы Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» о соблюдении конфиденциальности информации, доступ к которой ограничен федеральным законодательством.

Тем не менее отсутствует нормативно-правовая база, регулирующая деятельность субъектов с применением блокчейн-технологий.

Противодействие росту количества случаев утечки сведений о персональных данных, вызванное развитием цифровых технологий

Как указано выше, в настоящее время наблюдается рост количества случаев утечки сведений о счетах граждан и других персональных данных.

Доступ к информации, составляющей банковскую тайну, предоставляется только сотрудникам соответствующих направлений бизнеса, службам безопасности, а также членам совета директоров и владельцам бизнеса.

Помимо указанных в ст. 857 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] лиц, ряд органов власти Российской Федерации может иметь доступ к персональным данным, содержащим банковскую тайну. Информация, составляющая банковскую тайну, также может быть предоставлена клиентам или их представителям.

Сотрудники банков и иные лица за разглашение банковской тайны несут ответственность согласно ст. 183 УК РФ [11]. В соответствии с указанной нормой среди наказаний за данное преступление – крупные штрафы и лишение свободы.

Государственным органам и их должностным лицам может предоставляться такая информация только в случаях и в порядке, предусмотренных законом.

Согласно п. 1 ст. 86 НК РФ [9] налоговые органы вправе без запроса получать информацию от банков на основании прямого указания

закона. Часто на практике возникают споры, в которых инспекция просит привлечь к ответственности банк за несвоевременное направление информации в адрес налогового органа. Суд может привлечь банк к ответственности в случае наличия доказательств ненадлежащего исполнения банком своих обязанностей по направлению сведений [10].

В 2017 г. активно обсуждался вопрос предоставления доступа к персональным данным, содержащим банковскую тайну, правоохранительным органам.

Так, глава Центробанка Э. Набиуллина отметила, что на законодательном уровне должно быть закреплено предоставление подобной информации правоохранительным органам – шаг к эффективной борьбе с недобросовестными банкирами [3]. Данная мера, по мнению главы Центробанка, особенно актуальна в связи с частыми случаями мошенничества в банках, растраты активов. В настоящее время Центральный банк ограничен (с точки зрения формальных критериев) в случаях, в которых возможно вмешательство надзорных органов, что приводит к негативным последствиям: затруднению установления состава преступления и определению подготавливаемых.

Главой МВД России В. Колокольцевым было предложено заключить договор об информационном взаимодействии между ЦБ и МВД в связи с необходимостью ускорения процесса получения необходимой информации с целью оперативного предотвращения изъятия денег из банков. Указанная мера направлена на осуществление контроля в целях предотвращения преступности и борьбы с коррупцией.

Так, примером может служить ситуация с выводом денег из Промсвязьбанка и ФК «Открытие». В период с 2016 по 2017 г. были обнаружены нарушения: вывод денежных средств (104 млрд руб.), но уголовное дело было возбуждено спустя 2 года.

В 2020 г. данная проблема снова стала объектом дискуссий. В настоящее время ЦБ РФ не считает необходимым расширять права правоохранительных органов и получать доступ к банковской тайне [12].

Полагаем, сложившаяся ситуация создает проблемы, обусловленные неоднозначностью толкования некоторых положений законов.

Выводы

Таким образом, активное развитие цифровых технологий влияет на банковский сектор. Данные процессы происходят в условиях развития цифровой экономики в Российской Федерации, основой которой является информация. Соответственно, необходимо оперативно отслеживать данные проблемные процессы и нейтрализовать возникающие риски.

Стремительное развитие информационных технологий ведет к необходимости дополнения и уточнения списка органов, имеющих доступ к банковской тайне. С этой точки зрения заключение договора об электронном информационном взаимодействии между ЦБ и МВД России позволит правоохранительным органам оперативно реагировать на мошеннические действия и пресекать их.

По нашему мнению, в целях предотвращения случаев утечки сведений о персональных данных клиентов банков представляется целесообразным устранить существующую правовую неопределенность и унифицировать нормы, регулирующие правовой режим защиты персональных данных в банковской деятельности с учетом трансформации данных отношений под воздействием цифровой экономики.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00314).

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00314).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Городов, О. А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России / О. А. Городов, М. А. Егорова // *Право и цифровая экономика*. – 2018. – № 1 (01). – С. 6–12.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – 29 окт. (№ 5). – Ст. 410.

3. Информационное агентство ТАСС. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/4008416>. – Загл. с экрана.

4. Иншакова, А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства / А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 184–187. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26>.

5. Казаченок, О. П. Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования / О. П. Казаченок // *Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2018. – № 10 (50). – С. 147–155.

6. Казаченок, О. П. Криптовалюта как объект гражданских прав в правоприменительной деятельности / О. П. Казаченок // *Вестник арбитражной практики*. – 2019. – № 3. – С. 10–17.

7. Камалян, В. М. Правовые риски использования цифровых технологий в банковской деятельности / В. М. Камалян // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 6 (103). – С. 32–39.

8. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // *Право и практика*. – 2020. – № 2. – С. 136–140.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // *Российская газета*. – 1998. – № 148–149.

10. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 27 сентября 2013 г. № А75-9874/2012. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12. ЦБ РФ не считает нужным расширять доступ МВД к банковской тайне // *Российская газета*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/04/29/cb-rf-ne-schitaet-nuzhnyam-rasshirit-dostup-mvd-k-bankovskoj-tajne.html> (дата обращения: 22.12.2020). – Загл. с экрана.

13. Цифровое право в банковской деятельности: сравнительно-правовой аспект : монография / отв. ред. Л. Г. Ефимова. – М. : Проспект, 2021. – 416 с.

14. Khramtsova, N. Prospects for the Development of Legislation in the Field of Bank Secrecy as an Information Security Institution at the Stage of the Digital Economy / N. Khramtsova // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. – 2019. – Vol. 392. – P. 247–250.

REFERENCES

1. Gorodov, O.A. Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya v sfere

цифровой экономики в России [The Main Directions of Improving Legal Regulation in the Digital Economy in Russia]. *Pravo i cifrovaja jekonomika* [Law and the Digital Economy], 2018, no. 1 (01), pp. 6-12.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast vtoraja) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 27.12.2019, s izm. ot 28.04.2020) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) Dated 26.01.1996 No. 14-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoj Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, Jan 29 (no. 5), art. 410.

3. *Informacionnoe agentstvo TASS*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4008416>.

4. Inshakova A.O. Vekovoj poisk modeli hozjajstvennogo razvitija Rossii: jekonomiko-pravovoe razvitie konkurentosposobnogo gosudarstva [The Age-Old Search for a Model of Economic Development in Russia: Economic and Legal Development of a Competitive State]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 184-187.

5. Kazachenok O.P. Vzaimnoe (R2R) kreditovanie kak sovremennyy instrument alternativnogo finansirovaniya [Mutual (P2P) Lending as a Modern Instrument of Alternative Financing]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGJuA)* [University Bulletin O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)], 2018, no. 10 (50), pp. 147-155.

6. Kazachenok O.P. Kriptoaljuta kak obekt grazhdanskih prav v pravoprimenitelnoj dejatel'nosti [Cryptocurrency as an Object of Civil Rights in Law Enforcement]. *Vestnik arbitrazhnoj praktiki* [Arbitration Practice Bulletin], 2019, no. 3, pp. 10-17.

7. Kamaljan V.M. Pravovye riski ispolzovaniya cifrovyyh tehnologij v bankovskoj dejatel'nosti [Legal Risks of Using Digital Technologies in Banking]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 6 (103), pp. 32-39.

8. Matytsin D.E. Tsifrovye tekhnologii realizatsii grazhdansko-pravovykh pravovykh sdelok: dogovor repo na investitsionnye aktivy rynka tsennykh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Legal Transactions: Repo Agreement for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Politics], 2020, no. 2, pp. 136-140.

9. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast pervaja) ot 31.07.1998 g. № 146-FZ (red. ot 23.11.2020) [Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ]. *Rossiyskaja gazeta* [Russian newspaper], 1998, no. 148-149.

10. Postanovlenie FAS Zapadno-Sibirskogo okruga ot 27 sentjabrja 2013 g. № A75-9874/2012 [FAS Resolution of the West Siberian District of September 27, 2013 No. A75-9874 / 2012]. *Access from Reference Legal Sistem "KonsultantPlyus"*.

11. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 30.12.2020) [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoj Federatsii* [Collection of legislation of the Russian Federation], 1996, no. 25, art. 2954.

12. CB RF ne schitaet nuzhnym rasshirjat dostup MVD k bankovskoj tajne. *Rossiyskaja gazeta*. URL: <https://rg.ru/2020/04/29/cb-rf-ne-schitaet-nuzhnym-rasshiriat-dostup-mvd-k-bankovskoj-tajne.html> (accessed 22 December 2020).

13. *Cifrovoe pravo v bankovskoj dejatel'nosti: sravnitel'no-pravovoj aspekt: monografija* [Digital Law in Banking: Comparative Legal Aspect: Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 416 p.

14. Khramtsova, N. Prospects for the Development of Legislation in the Field of Bank Secrecy as an Information Security Institution at the Stage of the Digital Economy. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019, vol. 392, pp. 247-250.

Information About the Author

Olesya P. Kazachenok, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Private International Law (Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

Информация об авторе

Олеся Павловна Казаченок, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.16>

UDC 347.195.21
LBC 67.404.5

Submitted: 20.01.2021
Accepted: 10.02.2021

**THE DIVISION OF JOINTLY ACQUIRED PROPERTY OF DECEASED SPOUSES
IN THE EVENT OF THE DEATH OF ONE OF THEM:
THE LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Yanina Ya. Kail

Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Victoria A. Usanova

Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the study of the division of jointly acquired property of spouses and inheritance of property has always been given special attention by the scientists and practitioners. Quite a lot of works are devoted to this area of legal relations. However, it is not so variable and depends on the intricacies of life that there are constantly many issues that require special research and improvement of the legal regulation. The division of jointly acquired property by the spouses at the dissolution of the marriage is regulated by the norms of family law, as well as civil law in the event of the death of one of the former spouses, who do not fully correspond to each other. In this regard, today citizens often face the problems of protecting their property rights. The **purpose** of the research: to reveal some aspects of the legal regulation and law enforcement practice of protecting the rights of former spouses in the division of jointly acquired property in the event of the death of one of them, and to offer suggestions to help improve the relevant rules. **Methods:** the methods of scientific cognition are applied together, among which the main ones are the formal-legal, system methods, analysis and synthesis. **Results:** it is proved that the current system of the legal regulation of division of joint property of the former spouses in the event of the death of one of them requires the improvement of the legal regulation, as laid down in the legislation, the protection of property rights is quite long and expensive, which leads to the futility of efforts. **Conclusions:** the law enforcement practice of protecting the property rights of former spouses in the division of jointly acquired property should be recognized as generally conforming to the established norms of law. However, the lack of the clear legal regulation of the criteria and conditions for the division of jointly acquired property in the event of opening of an inheritance after the former spouse before the expiration of the three-year statute of limitations, leads to the situations where 2 spouses will claim the inheritance – the former and the present. This situation leads to costly conflicts that are resolved in court.

Key words: divorce, former spouses, joint property, inheritance, succession order, judicial procedure for determining shares.

Citation. Kail Ya. Ya., Usanova V.A. The Division of Jointly Acquired Property of Deceased Spouses in the Event of the Death of One of Them: The Legal Regulation and Law Enforcement Practice. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 105-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.16>

УДК 347.195.21
ББК 67.404.5

Дата поступления статьи: 20.01.2021
Дата принятия статьи: 10.02.2021

**РАЗДЕЛ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА БЫВШИХ СУПРУГОВ
В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ОДНОГО ИЗ НИХ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

Янина Яковлевна Кайль

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Виктория Александровна Усанова

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: исследованию раздела совместно нажитого имущества супругов и наследованию имущества всегда уделялось особое внимание ученых и практиков. Данной сфере правоотношений посвящено достаточно много работ. Однако она настолько вариативна и зависит от жизненных хитросплетений, что постоянно появляется множество вопросов, которые требуют специального исследования и совершенствования правового регулирования. Раздел совместно нажитого имущества супругами при расторжении брака регулируется нормами семейного, а также гражданского права в случае смерти одного из бывших супругов, которые не в полной мере соответствуют друг другу. В связи с этим на сегодняшний день граждане зачастую сталкиваются с проблемами защиты своих имущественных прав. **Цель** исследования: раскрыть некоторые аспекты правового регулирования и правоприменительной практики защиты имущественных прав бывших супругов при разделе совместно нажитого имущества в случае смерти одного из них, а также предложить вариант совершенствования соответствующих норм. **Методы:** применены в совокупности методы научного познания, среди которых основные – методы формально-юридический, системный, анализ и синтез. **Результаты:** обосновано, что действующая система правового регулирования раздела совместно нажитого имущества бывших супругов в случае смерти одного из них требует совершенствования правового регулирования, так как заложенная в действующем законодательстве схема защиты имущественных прав достаточно долгосрочная и затратная, что приводит к бессмысленности предпринимаемых усилий. **Выводы:** правоприменительную практику защиты имущественных прав бывших супругов при разделе совместно нажитого имущества следует признать в целом соответствующей установленным нормам права. Однако отсутствие четкого правового регулирования критериев и условий раздела совместно нажитого имущества в случае открытия наследства после бывшего супруга до истечения трехлетнего срока исковой давности, приводит к ситуациям когда на наследство будут претендовать 2 супруги(а) – бывшая(ий) и настоящая(ий). Такая ситуация приводит к затратным конфликтам, разрешаемым в судебном порядке.

Ключевые слова: расторжение брака, бывшие супруги, совместная собственность, наследование, очередность наследования, судебный порядок определения долей.

Цитирование. Кайль Я. Я., Усанова В. А. Раздел совместно нажитого имущества бывших супругов в случае смерти одного из них: правовое регулирование и правоприменительная практика // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 105–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.16>

Введение

В статьях 33, 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) закреплено, что имущественные права супругов, возникшие во время брака, являются совместными. Выдел или раздел долей в совместно нажитом имуществе супругов может быть произведен как во время брака, так и в течение трех лет после прекращения брака (ст. 38 СК РФ). Инициатором такого раздела может выступать любой из супругов. Разделить имущество можно любым способом: как судебным, так и внесудебным. Если стороны не пришли к обоюдному согласию относительно своей доли путем соглашения, то они обращаются в суд. Пресекательным сроком для раздела имущества после прекращения брака является срок в три года, однако если супруги живы, то и срок для раздела имущества может быть судом восстановлен.

Пока супруги в браке, они чаще всего, не задумываются на кого оформлять приобретаемое имущество, поскольку знают, что при его разделе каждому достанется его половина, поэтому все имущество может быть записано только на одного супруга. Пока жив этот супруг, то также не возникает проблем с разделом имущества даже в случае, если супруги стали бывшими. Проблема возникает в случае, если все или большая часть имущества оформлена только на одного супруга, а он умирает. Тогда, не успев выделить своей доли из этого имущества, переживший супруг остается наедине со своими проблемами по улаживанию имущественных отношений.

Как же быть, если брак расторгнут, но в пределах трехлетнего срока супруг, сохраняя свое право на раздел совместного имущества, не успел обратиться за ним, а один из супругов умирает и не оставляет или наоборот ос-

твляет завещание без учета раздела имущества с бывшим супругом(ой)?

Согласно п. 2 ст. 218 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в случае смерти гражданина право собственности на принадлежавшее ему имущество переходит по наследству к другим лицам в соответствии с завещанием или законом согласно ст. 1111 ГК РФ.

В главе 63 ГК РФ урегулирован порядок принятия и вступления в наследство. В статьях 1142–1145 и 1148 ГК РФ с первой по восьмую очередь определен круг наследников по закону и порядок их призвания к наследованию. В основе определения круга наследников и очередности их призвания к наследованию – наличие супружеских либо родственных отношений и степень родства, а также другие обстоятельства, указанные в ГК РФ.

В первую очередь к наследованию призываются супруг, дети, родители наследодателя (ст. 1142 ГК РФ). Могут приниматься во внимание и иные заслуживающие обстоятельства у лиц, претендующих на наследство. В данный перечень не включены бывшие супруги, не успевшие разделить совместно нажитое в период брака имущество.

Раздел имущества бывших супругов при наличии судебного решения о разводе, не вступившего в законную силу

Для призвания к наследованию в качестве супруга наследодателя необходим действующий статус жены или мужа. Причем, поскольку Россия является светским государством, то состояние брачных отношений может подтверждаться только свидетельством о заключении брака в органах ЗАГСа. Никакие религиозные и иные браки не дают возможности в соответствии с семейным и гражданским законодательством претендовать на принятие наследства, по крайней мере, 1-й очереди наследников. Как отмечает А.Я. Рыженков: «Государственная регистрация актов гражданского состояния устанавливается в целях охраны имущественных и личных неимущественных прав граждан, а также в интересах государства» [11, с. 96]. Таким образом, регистрация брака служит средством

защиты имущественного права супруга. Право на наследство супруга не связывается ни с совместным проживанием, ни с ведением общего хозяйства. С.П. Гришаев указывает, что «они могут проживать в разных квартирах, городах, а иногда и в разных странах. При этом судебная практика исходит из того, что пока брак не расторгнут, переживший супруг является наследником 1 очереди» [1]. Бывший супруг, согласно логике законодателя, не входит в указанную группу, ввиду прекращения между супругами брачных отношений к моменту открытия наследства.

Про окончание брака в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» указано, что при разрешении вопросов об определении круга наследников первой очереди по закону судам надлежит учитывать, что в случае расторжения брака в судебном порядке бывший супруг наследодателя лишается права наследовать в указанном качестве, если соответствующее решение суда вступило в законную силу до дня открытия наследства [7].

Может, конечно, возникнуть ситуация, когда разведенный супруг (наследодатель), не разделив имущество с бывшей супругой, успеет вступить в новые брачные отношения, и тогда будет нынешняя и бывшая супруга претендовать на имущество, и обе они могли бы считаться наследниками 1 очереди. Но при этом нужно иметь в виду, что чаще всего, бывшие супруги гораздо больше успевают нажить имущества, чем супруги в новом браке, если, конечно, предыдущий брак не был краткосрочным. И соответственно общий принцип законного режима раздела совместно нажитого имущества (пополам), да и собственно договорный режим раздела совместно нажитого имущества из наследственной массы может быть весьма несправедливым по отношению к бывшей супруге(у) по сравнению с новой(ым) супругой(ом).

В случае смерти супруга до вступления в законную силу решения суда о расторжении брака, брачные отношения считаются на дату открытия наследства существующими. Это утверждение подтверждается примерами судебной практики. Решение мирового судьи о расторжении брака между Ж.А.А. и Н.Ю. Жу-

равлевой вступило в законную силу после его смерти. При таких обстоятельствах Журавлева Н.Ю. вправе претендовать на наследство Ж.А.А. как супруга наследодателя. И как следствие суд признал Журавлеву Наталью Юрьевну как супругу наследодателя наследником по закону после смерти Ж.А.А. [9]. Эта ситуация также довольно странная. Воля супругов была выражена официально до смерти наследодателя и тот факт, что не успело пройти время – 1 месяц, суд признал ее наследницей первой очереди. А если бы успел пройти месяц, то она бы уже ей не стала. Так отчего же отталкивался законодатель при закреплении данного правила? Разница может быть всего в несколько дней: вступило или нет решение суда в законную силу?! Похожие отношения существуют в приватизации: если человек успел подать заявление – волю выразил на приватизацию, а потом умер – значит, приватизации быть. То есть можно было бы анализировать данные отношения с точки зрения аналогии закона [2, с. 330]. В рассматриваемых отношениях наследования супруг(а) волю выразил(а) на расторжение брака, но решение не вступило – то все же сохраняется право наследования 1 очереди фактически уже за бывшим супругом. И это представляется весьма странным и нелогичным.

Изучив судебную практику можно заметить, что зачастую, опрометчиво разведясь, один из супругов после открытия наследства от своего бывшего супруга пытается искусственно стать наследником первой очереди. Для этого идут в ход различные «махинации». Одной из таких уловок может быть подача необоснованных апелляционных, кассационных, надзорных и иных жалоб, после вступления (как правило) в силу судебного решения о расторжении брака.

Если суд удовлетворит жалобу, то ответчик, переживший истца в вышестоящем суде будет ссылаться на допущенные судом нижестоящей инстанции нарушения процессуального законодательства, способные стать основанием для отмены решения суда о расторжении брака, а истец, переживший ответчика, заявляет отказ от иска. При отмене решения суда по жалобе ответчика или принятии судом отказа истца от иска дело прекращается (в первой ситуации в связи со смертью сто-

роны). Брачные отношения между сторонами оказываются на день открытия наследства формально существующими, и в результате «переживший супруг» призывается к наследованию по закону, причем как наследник первой очереди. Такие действия пережившей стороны судом трактуются как злоупотребление процессуальными правами. Например, показательным в данном случае является решение Саровского городского суда Нижегородской области от 18 сентября 2019 г. по делу № 2-1048/2019 [10].

Тонких А.Т. обратилась в суд с иском к Бессонову И.П., Бессонову К.С. об аннулировании актовой записи о расторжении брака и признании наследником по закону в виде обязательной доли в наследстве, указав, что между истицей и Б.П. был заключен брак отделом ЗАГС Канавинского района г. Нижнего Новгорода. Совместная жизнь с Б.П. не сложилась, летом 2009 года Б.П. обратился в суд с исковым заявлением о расторжении заключенного с истицей брака. Решением суда брак между истицей и Б.П. был расторгнут. Указанное решение вступило в законную силу 13 октября 2009 года. Свидетельство о расторжении брака истица не получала, так как после прекращения совместного проживания с Б.П. уехала из г. Саров Нижегородской области и в начале октября 2009 г. уже была зарегистрирована по новому месту жительства в г. Нижний Новгород.

Б.П. умер, на момент его смерти решение мирового судьи о расторжении брака не вступило в законную силу. Но, как следует из материалов дела, с заявлением о принятии наследства в виде обязательной доли в наследстве к нотариусу в установленный шестимесячный срок А.Т. Тонких не обращалась, в суд с исковым заявлением о восстановлении пропущенного срока для юридического принятия наследства истица Тонких А.Т. также не обращалась.

Как следует из объяснений представителя истца Тонких А.Т., в права наследства фактическим принятием наследства Тонких А.Т. не вступала, так как узнала о смерти Б.П. только в 2019 году.

Таким образом, с учетом того, что истицей не представлено относимых и допустимых доказательств фактического принятия

наследства после смерти Б.П., суд пришел к выводу, что наследство в виде обязательной доли в наследстве Тонких А.Т. в установленный срок принято не было, вследствие чего истица не может быть признана наследником имущества Б.П., и ее исковые требования удовлетворению не подлежат. В удовлетворении исковых требований Тонких А.Т. к Бессонову И.П., Бессонову К.С., Бессонову С.П. было отказано.

Бывший супруг, по общему правилу, права на наследство не имеет, он утрачивает его с момента расторжения брака. Возможны ситуации, когда один из супругов вступает во второй брак, не расторгнув первого, и после его смерти обе супруги обращаются за получением свидетельства о праве наследство [5]. В таких случаях нотариус не должен решать, какой из двух браков является действительным, а должен предложить решить этот вопрос в суде [1]. Если в суде будет доказано, что имеет место добросовестность пережившего супруга (он не знал и не мог знать о наличии нерасторгнутого брака у своего супруга), то в судебном порядке может быть признано право на наследование доли имущества наследодателя – умершего супруга.

Проблемы разделения имущества супругов, приобретенного вне брака

Другая спорная ситуация может возникнуть в случае отсутствия наследников у бывшего супруга, при условии, что раздел совместно нажитого имущества не производился. Примером такого конфликта служит решение Кинель-Черкасского районного суда Самарская области от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-1019/2019 [8]. Истица Живолчинская Л.П. обратилась в суд о признании права собственности на вклад в Сбербанке. В обоснование предъявленного иска указала, что умер ее бывший супруг А.В. После его смерти остался денежный вклад, хранящийся в филиале ПАО Сбербанк. Поскольку наследников имущества умершего нет, истица просила признать право собственности на вклад за ней.

Согласно ст. 1128 ГК РФ права на денежные средства, внесенные гражданином во вклад или находящиеся на любом другом сче-

те гражданина в банке, могут быть им завещаны либо в порядке, предусмотренном статьями 1124–1127 ГК РФ, либо посредством совершения завещательного распоряжения в письменной форме в том филиале банка, в котором находится спорный счет. Согласно п. 1 ст. 1152 ГК РФ для приобретения наследства наследник должен его принять.

Как вышеупомянутые нормы Гражданского кодекса РФ, так и п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ [7] указывают о возможности оформления наследственных прав именно наследниками имущества умершего, а таковой истица после смерти А.В. не является. А.В. умер, при жизни он имел реальную возможность распорядиться принадлежащим ему вкладом по своему усмотрению, включая и возможность его завещания, однако этого не сделал.

Кроме того, счет был открыт после расторжения брака с истицей, поэтому средства, находящиеся на спорном счете, являются его личной собственностью, а не совместной и не подпадают под действие ст. 256 ГК РФ. В удовлетворении исковых требований Живолчинской к администрации сельского поселения Красная Горка муниципального района Кинель-Черкасский Самарской области, третьему лицу – ПАО Сбербанк о признании права собственности на денежный вклад в порядке наследования в полном объеме было отказано.

Однако фактическое прекращение на день открытия наследства семейных отношений между супругами (без расторжения брака в установленном СК РФ порядке) не отражается на наследственных правах супругов: переживший супруг призывается к наследованию после смерти супруга как его наследник по закону первой очереди.

Вступление пережившего супруга в новый брак после смерти (объявления умершим) наследодателя не влияет на его право наследовать имущество умершего в качестве наследника первой очереди [4]. Решить вопрос о выделении доли из общего имущества супругов после развода и смерти одного из них достаточно проблематично. Исковое заявление придется предъявлять ко всем наследникам (ответчикам), имущественная масса может включать как движимое, так и недвижи-

мое имущество. Сложности начнутся в ходе определения компетентного суда, круга лиц, установления спорных объектов и их оценки, а далее проблемы доказывания. И даже в случае вынесения решения в пользу бывшего супруга, в дальнейшем ситуация будет осложнена трудностями его исполнения. Таким образом, процесс будет длительным, дорогостоящим и, скорее всего, малоэффективным. Здесь как раз становится справедливым высказывание Эдгара Хау: «Если вы умираете, не уладив свои имущественные дела, вашими наследниками становятся адвокаты» [12].

Кроме того, как указано в определении Верховного Суда РФ от 01.09.2020 № 5-КГ20-69-К2 «супруги, в том числе бывшие, вправе изменять режим общей совместной собственности имущества, нажитого в браке, соглашением с любыми, не противоречащими закону условиями, поэтому бывшие супруги вправе разделить совместное имущество мировым соглашением между собой не в равных долях» [6]. Данная возможность в случае смерти одного из бывших супругов становится призрачной и маловероятной.

Таким образом, анализ правоприменительной практики показал, что при вынесении решения о разделе имущества бывших супругов в случае смерти одного из них важнейшую роль играют сроки. Такое значение суд им придает не всегда, в том числе и при разделе совместно нажитого имущества супругов [3, с. 40].

Выводы

Налицо коллизия двух отраслей права: согласно семейному законодательству у супруга в течение трех лет есть право предъявить иск о разделе совместно нажитого имущества, но если в этот период трехлетнего срока другой супруг умер, то наследником бывший супруг не является и из наследственного имущества не может получить супружескую долю в порядке наследования. У такого супруга есть единственная возможность обратиться к наследникам, получившим наследственное имущество и определять свою долю в этом имуществе в судебном порядке. При этом порядок реализации защиты имущественных прав пережившим бывшим супру-

гом достаточно длительный и дорогостоящий, что приводит фактически к нецелесообразности реализации защитных механизмов. Считаем такое положение вещей несправедливым и предлагаем включить в перечень наследников 1 очереди бывшего супруга, который в течение 3-х летнего срока развелся, но не успел разделить совместно нажитое имущество. Такие изменения позволят упростить рассмотрение одного и того же вопроса в рамках одной отрасли права – гражданского законодательства, главы 63 ГК РФ.

Авторское исследование считаем логичным закончить предложением о внесении изменений в главу 63 ГК РФ, уточнив п. 1 ст. 1142 ГК РФ, изложив его в редакции: «Наследниками первой очереди по закону являются дети, супруг, в том числе бывший супруг, если после расторжения брака в течение трех не произошел раздел совместно нажитого имущества супругов, и родители наследодателя».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришаев, С. П. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / С. П. Гришаев. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
2. Иншакова, А. О. Аналогия закона, аналогия права и акты судебного толкования, как вспомогательные источники гражданского права / А. О. Иншакова, Н. В. Кагальницкова, И. В. Балтутите // Современная научная мысль. – 2016. – № 3. – С. 228–238.
3. Кайль, Я. Я. Выделение доли в имуществе супругов как способ защиты имущественных прав: некоторые вопросы правоприменительной практики / Я. Я. Кайль, В. А. Усанова // Современные тенденции развития частного права, исполнительного производства и способов юридической защиты : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. – СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 38–48.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. – М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2014.
5. Определение Верховного Суда РФ № 23-кГ18-5 от 15.01.2019. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Феде-

рации от 01.09.2020 № 5-КГ20-69-К2. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – 6 июня (№ 127).

8. Решение Кинель-Черкасского районного суда Самарской области от 28 ноября 2019 г. по делу № 2-1019/2019. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения 11.11.2020).

9. Решение Кольского районного суда Мурманской области от 29 января 2020 г. по делу № 2-1710/2019. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Загл. с экрана.

10. Решение Саровского городского суда Нижегородской области от 18 сентября 2019 г. по делу № 2-1048/2019. – Электрон.текстовые дан. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2020). – Загл. с экрана.

11. Рыженков, А. Я. Принцип признания брака, заключенного в органах ЗАГС: проблемы теории и практики / А. Я. Рыженков // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 92–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.13>.

12. Цитаты и афоризмы про наследство. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://citaty.su/nasledstvo-citaty-i-aforizmy>. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Grishaev S.P. Postatejnyj kommentarij k chastitret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Article-by-Article Commentary to Part Three of the Civil Code of the Russian Federation]. *Access from "Garant" Informational and Legal Web Portal*.

2. Inshakova A.O., Kagal'nickova N.V., Baltutite I.V. Analogiya zakona, analogiya prava i akty sudebnogo tolkovaniya, kak vspomogatel'nye istochniki grazhdanskogo prava [Analogy of Law, Analogy of Law and Acts of Judicial Interpretation as Subsidiary Sources of Civil Law]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought], 2016, no. 3, pp. 228-238.

3. Kajt' Ya.Ya., Usanova V.A. Vydelenie doli v imushchestve suprugov kak sposob zashchity imushchestvennyh prav: nekotorye voprosy pravoprimeritel'noj praktiki [Allocation of a Share in the Property of Spouses as a Way to Protect Property Rights: Some Issues of Law Enforcement]. *Sovremennye tendencii razvitiya chastnogo prava, ispolnitel'nogo proizvodstva i sposobov yuridicheskoy zashchity. Materialy VI vserossijskoj nauchno-prakticheskoy*

konferencii [Current Trends in the Development of Private Law, Enforcement Proceedings and Legal Remedies. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYU (RPA Minyusta Rossii), 2020, pp. 38-48.

4. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti tret'ej (postatejnyj)* [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation Part Three (Article-by-Article)]. Ed. by N.I. Marysheva, K.B. Yaroshenko. Moscow, Yuridicheskaya firma «KONTRAKT», 2014.

5. Opredelenie Verhovnogo Suda RF № 23-kg18-5 ot 15.01.2019 g. [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23-kg18-5 of 15.01.2019]. *Access from "Garant" Informational and Legal Web Portal*.

6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 01.09.2020 N 5-KG20-69-K2 [Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.09.2020 No. 5-KG20-69-K2]. *Access from "Garant" Informational and Legal Web Portal*.

7. Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 maya 2012 g. № 9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii» [Decision No. 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2012 on Judicial Practice in Inheritance Cases]. *Rossijskaya gazeta*, 2012, June 6 (no. 127).

8. *Reshenie Kinel-Cherkasskogo rajonnogo suda Samarskoj oblasti ot 28 noyabrya 2019 g. po delu № 2-1019/2019* [Decision of the Kinel-Cherkassky District Court of the Samara Region of November 28, 2019 in Case No. 2-1019/2019]. URL: <https://sudact.ru> (accessed 11 November 2020).

9. *Reshenie Kol'skogo rajonnogo suda Murmanskoj oblasti ot 29 yanvarya 2020 g. po delu № 2-1710/2019* [Judgment of the Kola District Court of the Murmansk Region in case No. 2-1710/2019 Dated January 29, 2020]. URL: <https://sudact.ru> (accessed 11 November 2020).

10. *Reshenie Sarovskogo gorodskogo suda Nizhegorodskoj oblasti ot 18 sentyabrya 2019 g. po delu № 2-1048/2019* [Decision of the Sarov City Court of Nizhny Novgorod Region Dated 18 September 2019 in Case No. 2-1048/2019]. URL: <https://sudact.ru> (accessed 11 November 2020).

11. Ryzhenkov A.Ya. Princip priznaniya braka, zaklyuchennogo v organah ZAGS: problemy teorii i praktiki [The Principle of Recognition of Marriage Concluded in the Registry Office: The Problems of Theory and Practice]. *Legal Concept*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 92-101. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.13>.

12. *Tsitaty i aforizmy pro nasledstvo* [Quotes and Aphorisms About Inheritance]. URL: <https://citaty.su/nasledstvo-citaty-i-aforizmy>.

Information About the Authors

Yanina Ya. Kail, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, grajd@vags.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Victoria A. Usanova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Financial and Business Law, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, fip@vlgr.ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

Информация об авторах

Янина Яковлевна Кайль, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, grajd@vags.ru, yanika@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5116-7666>

Виктория Александровна Усанова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового и предпринимательского права, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, fip@vlgr.ranepa.ru, vau_77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4071-3350>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.17>

UDC 347.441
LBC 67.404.2

Submitted: 15.01.2021
Accepted: 09.02.2021

SMART CONTRACTS AND THE PRINCIPLES OF THE LAW OF OBLIGATIONS

Alexey Yu. Churilov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction: the digitalization of public relations and the emergence of smart contracts have created the need to study what a smart contract is and whether it is subject to the general principles of the law of obligations. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of historicism, consistency, and analysis. **Results:** the possibility of extending the principles of the law of obligations to the relations of the parties when they conclude a smart contract is analyzed. **Conclusions:** the conclusion is made about the extension of the principles of the law of obligations to smart contracts with the features due to the nature of smart contracts.

Key words: smart contract, contract, obligation, principle, performance of the obligation.

Citation. Churilov A. Yu. Smart Contracts and the Principles of the Law of Obligations. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 113-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.17>

УДК 347.441
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 15.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

СМАРТ-КОНТРАКТЫ И ПРИНЦИПЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА

Алексей Юрьевич Чурилов

Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Введение: цифровизация общественных отношений, появление смарт-контрактов породили необходимость исследования того, что представляет собой смарт-контракт и распространяются ли на него общие принципы обязательственного права. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых методы историзма, системности, анализа. **Результаты:** проанализирована возможность распространения принципов обязательственного права на отношения сторон при заключении ими смарт-контракта. **Выводы:** сделан вывод о распространении принципов обязательственного права на смарт-контракты с особенностями, обусловленными природой смарт-контрактов.

Ключевые слова: смарт-контракт, договор, обязательство, принцип, исполнение обязательства.

Цитирование. Чурилов А. Ю. Смарт-контракты и принципы обязательственного права // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 113–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.17>

Введение

Первое упоминание технологии блокчейн (Blockchain) можно обнаружить в работе, написанной человеком или группой людей под псевдонимом Сатоши Накамото (Satoshi Nakamoto), «Биткоин: пиринговая электронная денежная система». Задуманная в первую очередь для оперирования криптовалютой (Битко-

ином), эта технология, благодаря ее особенностям, вышла за те рамки, которые изначально были задуманы создателем: коллегиальное принятие решений, хранение информации являются далеко не единственными примерами применения блокчейн-систем. В настоящее время блокчейн-технология получила свое применение практически во всех сферах экономики и до сих пор является предметом оживленных

дискуссий в научном сообществе. Одним из самых обсуждаемых направлений использования блокчейна в настоящее время являются смарт-контракты. Несмотря на многочисленное количество работ, посвященных исследованию смарт-контрактов, до сих пор не выработано единого доктринального определения этого явления, а также не определена его правовая природа [10, с. 136].

На самом базовом уровне смарт-контрактом называется компьютерная программа (или компьютерный код), которая может быть заключена только с использованием технологии блокчейн [7, с. 23] или иной распределенной базы данных, функционирующей по тем же принципам, что и блокчейн.

Природа смарт-контракта

Относительно правовой природы смарт-контракта до настоящего времени не сложилось единого мнения. Существует несколько основных позиций:

- отнесение смарт-контрактов к договорам [12, с. 33];
- смарт-контракт является не договором, но способом его исполнения [9];
- смарт-контракт это лишь форма договора [2, с. 117];
- смарт-контракт является формой самозащиты права [16, с. 313].

Представляется, что смарт-контракт – это не самостоятельный договор, но договорная конструкция, конституирующими признаками которой являются: заключение и существование его в исключительно электронной форме в системе блокчейн или иной распределенной базе данных; автоматическое исполнение возникающего встречного договорного обязательства без необходимости отдельного волеизъявления сторон договора; невозможность его изменения после того, как он был размещен в сети блокчейн, даже по соглашению сторон [15, с. 26].

Смарт-контракты и принципы обязательственного права

Поскольку смарт-контракт является сложной с технологической точки зрения моделью, необходимо определить, насколько использование ее сторонами будет соответство-

вать общим принципам обязательственного права. Под принципами обязательственного права понимают основополагающие, фундаментальные положения, идеи, содержащиеся в нормах права, а также выработанные судебной практикой, являющиеся обязательными для всей подотрасли обязательственного права, в которых находят свое отражение признаки обязательственного правоотношения [4, с. 163]. Не вдаваясь в дискуссию относительно системы принципов обязательственного права, отметим, что традиционно к ним относят: принципы исполнения обязательства (надлежащее, реальное исполнение, экономичность исполнения, содействие сторон), принцип добросовестности, недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, а также, принцип свободы договора [3, с. 70]. Рассмотрим, как эти принципы реализуются при использовании сторонами конструкции смарт-контракта.

Принципы *исполнения обязательства* реализуются при исполнении обязательства, возникшего при заключении смарт-контракта, в полном объеме. Интересным является то, что существование смарт-контрактов и их автоматизированное исполнение в какой-то степени подрывают ставшую традиционной концепцию исполнения обязательства как сделки (или иного юридического действия, но в любом случае волевого [1, с. 59]). Исполнение обязательства, возникшего из смарт-контракта, не требует отдельного волеизъявления стороны – все происходит автоматически, без необходимости дополнительных волевых действий сторон. Такая ситуация, помимо сугубо догматического характера, ранее могла вызвать проблемы при правоприменении, поскольку мог возникнуть вопрос – являются ли действия компьютерной программы исполнением обязательства, так как волевая природа исполнения требует наличия воли и волеизъявления. Эта проблема как минимум для целей правоприменения была решена внесением изменений в ст. 309 ГК РФ, в соответствии с которой условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления путем применения информационных

технологий. Однако правовая природа автоматизированного исполнения смарт-контракта подлежит дальнейшему подробному анализу.

Под принципом *реального исполнения* традиционно понимают необходимость исполнения обязательства в натуре, то есть совершения именно того действия, которое составляет предмет обязательства. Очевидно, что автоматизация исполнения смарт-контракта, позволяет обеспечить совершение именно тех действий, которые содержатся в коде программы. Более того, поскольку условия смарт-контракта невозможно изменить после его попадания в сеть блокчейн, гарантирует исполнение обязательства в строгом соответствии с условиями договора, так как компьютер не может отступить от заданных инструкций (при условии, что код смарт-контракта был сконструирован без ошибок).

Принцип *надлежащего исполнения* обязательства через следующие требования: исполнение обязательства надлежащим предметом, надлежащим способом, надлежащему лицу, надлежащим лицом, в надлежащий срок, в надлежащем месте. Природа технологии блокчейн и смарт-контракта подразумевает, что обязательство будет исполнено надлежаще в строгом соответствии с условиями – инструкциями, которые закреплены в смарт-контракте. Однако заблуждением будет полагать, что исполнение обязательства непременно является надлежащим, например, в случае поставки товара ненадлежащего качества, которая может иметь место при передаче объектов материального мира (вещей).

Экономичность исполнения обязательства достигается за счет той программной логики, которая заложена в самих компьютерных алгоритмах. Поскольку исполнение осуществляется посредством действия компьютерных алгоритмов, строгое алгоритмичное, последовательное, выполнение заранее определенных сторонами действий по исполнению должно предполагаться экономичным, пока не доказано иное.

Принцип *содействия сторон* в договорных обязательствах характеризуется совершением сторонами в интересах друг друга дополнительных действий, не предусмотренных договором, а предписываемых сложив-

шейся конкретной ситуацией [8, с. 145]. Соблюдение этого принципа, как минимум на современном этапе развития технологий, затруднительно по той причине, что автоматизированная программа не способна совершить действия, не предусмотренные в инструкции. Однако стороны вправе самостоятельно, не вмешиваясь в действия программы, оказывать содействие друг другу для достижения цели обязательства.

Принцип *добросовестности* как необходимость учитывать сторонами законные интересы и права друг друга [11, с. 103] может найти свое проявление и при реализации сторонами смарт-контрактов. Проблема применения этого принципа к отношениям сторон смарт-контракта уже поднималась в отечественной литературе [5, с. 26]. Представляется, что этот принцип может быть реализован на стадии заключения смарт-контракта и согласования его условий. В частности, применение этого принципа должно быть направлено на исключение согласования сторонами несправедливых условий, которыми признаются условия, вызывающие значительное несоответствие в правах и обязанностях сторон, вытекающих из договора, в ущерб стороне договора, в нарушение требований добросовестности [13, с. 132]. После заключения смарт-контракта, представляется, проявление недобросовестности сторон может заключаться лишь в препятствовании автоматического исполнения обязательства.

Принцип *недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства и изменения его условий* находит полное отражение при использовании сторонами конструкции смарт-контракта. Техническая невозможность его отмены, безусловно, может породить ряд проблем для сторон, однако она гарантирует исполнение обязательства на тех неизменяемых условиях, которые были закреплены в нем сторонами. Неизменность содержания смарт-контракта как технического явления вызывает вопросы о возможности изменения содержания смарт-контракта как правового явления – договора. Как отмечают некоторые исследователи, невозможность отмены его технического исполнения лишь повлечет последующие взаиморасчеты [14, с. 32]. О каких «взаиморасчетах» идет речь

в данном случае и как это связано с возможностью или невозможностью изменения условий смарт-контракта, не вполне понятно. Представляется, что невозможность изменения условий смарт-контракта на техническом уровне обуславливает невозможность изменения его условий как договорной конструкции. Вместе с тем сказанное не влияет на возможность суда признать такой смарт-контракт недействительным и применить последствия недействительности такой сделки с последующим исполнением сторонами реституционного обязательства. Трудно согласиться с исследователями, отрицающими возможность оспаривания смарт-контракта [2]. Смарт-контракт – не только технологическое явление, но и явление правовое – договор, который может быть признан судом недействительным. Невозможность изменения условий смарт-контракта может нивелироваться включением в него кода, позволяющего «уничтожить» такой контракт [6, с. 65] с последующим заключением смарт-контракта на иных условиях.

Принцип *свободы договора* как один из важнейших принципов обязательственного права распространяется и на отношения сторон по заключению смарт-контракта – стороны в праве выбирать: заключать смарт-контракт или же нет; выбирать его условия и контрагента; а также с учетом того, что смарт-контракт является договорной конструкцией, выбирать тот вид договора, который они заключают с использованием этой конструкции.

Вывод

Подводя итог, можно сделать вывод, что, несмотря на особую технико-правовую природу смарт-контрактов, на них в полной мере распространяются принципы обязательственного права на всех стадиях договорного отношения: начиная от заключения договора и заканчивая его исполнением и прекращением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюшеева, И. З. Обусловленное исполнение обязательства в гражданском праве Российской Федерации / И. З. Аюшева // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7. – С. 59–66.
2. Богданова, Е. Е. Проблемы применения смарт-контрактов в сделках с виртуальным имуществом / Е. Е. Богданова // Lex russica. – 2019. – № 7. – С. 108–118.
3. Вавилин, Е. В. Системность принципов и их действие в гражданском праве России и Китая / Е. В. Вавилин, А. А. Волос // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 1. – С. 53–73.
4. Волос, А. А. Понятие принципов обязательственного права / А. А. Волос // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 162–166.
5. Волос, А. А. Реализация принципа добросовестности применительно к отношениям сторон смарт-контракта / А. А. Волос // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 2. – С. 26–31.
6. Ефимова, Л. Г. Применение технологии распределенного реестра для расчетов аккредитивами / Л. Г. Ефимова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 64–72.
7. Ефимова, Л. Г. Правовая природа смарт-контракта / Л. Г. Ефимова, О. Б. Сизимова // Банковское право. – 2019. – № 1. – С. 23–30.
8. Захаркина, А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву : монография / А. В. Захаркина. – М. : Статут, 2017. – 176 с.
9. Камалян, В. М. Понятие и правовые особенности смарт-контрактов / В. М. Камалян // Юрист. – 2019. – № 4. – С. 20–27.
10. Матыцин, Д. Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг / Д. Е. Матыцин // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 136–140.
11. Нам, К. В. Принцип добросовестности как правовой принцип / К. В. Нам // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88–103.
12. Савельев, А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32–60.
13. Тордия, И. В. Принципы обязательственного права (международный и национальный аспекты) / И. В. Тордия, С. А. Савченко // Lex russica. – 2016. – № 10. – С. 131–141.
14. Федоров, Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д. В. Федоров // Вестник гражданского права. – 2018. – № 2. – С. 30–74.
15. Чурилов, А. Ю. К проблеме понятия и правовой природы смарт-контракта / А. Ю. Чурилов // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 25–30.
16. Werbach, K. Contracts Ex Machina / K. Werbach, N. Cornell // Duke Law Journal. – 2017. – Vol. 67. – P. 313–382.

REFERENCES

1. Ayusheeva I.Z. Obuslovlennoe ispolnenie obyazatel'stva v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [Conditional Fulfillment of an Obligation in the Civil Law of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no. 7, pp. 59-66.
2. Bogdanova E.E. Problemy primeneniya smart-kontraktov v sdelkah s virtual'nym imushchestvom [Problems of Using Smart Contracts in Transactions with Virtual Property]. *Lex russica*, 2019, no. 7, pp. 108-118.
3. Vavilin E.V., Volos A.A. Sistemnost' principov i ih dejstvie v grazhdanskom prave Rossii i Kitaya [The Systematics of Principles and Their Action in the Civil Law of Russia and China]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Herald of the Perm University. Legal sciences], 2018, no. 1, pp. 53-73.
4. Volos A.A. Ponyatie principov obyazatel'stvennogo prava [The Concept of Principles of Law of Obligations]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* [Herald of the Saratov State Law Academy], 2014, no. 3 (98), pp. 162-166.
5. Volos A.A. Realizaciya principa dobrosovestnosti primenitel'no k otnosheniyam storon smart-kontrakta [Implementation of the Principle of Good Faith in Relation to the Relations of the Parties to a Smart Contract]. *Pravo i cifrovaya ekonomika* [Law and Digital Economy], 2020, no. 2, pp. 26-31.
6. Efimova L.G. Primenenie tekhnologii raspredelennogo reestra dlya raschetov akkreditivami [Application of Distributed Ledger Technology for Settlements by Letters of Credit]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 6, pp. 64-72.
7. Efimova L.G., Sizemova O.B. Pravovaya priroda smart-kontrakta [The Legal Nature of a Smart Contract]. *Bankovskoe parvo* [Banking Law], 2019, no. 1, pp. 23-30.
8. Zaharkina A.V. *Fakul'tativnye obyazatel'stva po rossijskomu grazhdanskomu pravu: monografiya* [Optional Obligations in Russian Civil Law: Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2017. 176 p.
9. Kamalyan V.M. Ponyatie i pravovye osobennosti smart-kontraktov [Concept and Legal Features of Smart Contracts]. *Yurist* [Lawyer], 2019, no. 4, pp. 20-27.
10. Matycin D.E. Cifrovye tekhnologii realizacii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag [Digital Technologies for the Implementation of Civil Law Transactions: a Contract for Investment Assets of the Securities Market]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2020, no. 2, pp. 136-140.
11. Nam K.V. Princip dobrosovestnosti kak pravovoj princip [The Principle of Good Faith as a Legal Principle]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* [Herald of Economic Justice of the Russian Federation], 2020, no. 2, pp. 88-103.
12. Savel'ev A.I. Dogovornoe pravo 2.0: «umnye» kontrakty kak nachalo konca klassicheskogo dogovornogo prava [Contract Law 2.0: “Smart” Contracts as the Beginning of the End of Classic Contract Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Herald of Civil Law], 2016, no. 3, pp. 32-60.
13. Tordiya I.V., Savchenko S.A. Principy obyazatel'stvennogo prava (mezhdunarodnyj i nacional'nyj aspekty) [Principles of Law of Obligations (International and National Aspects)]. *Lex russica*, 2016, no. 10, pp. 131-141.
14. Fedorov D.V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennyh zakonoproektah s pozicii inostrannogo opyta [Tokens, Cryptocurrencies, and Smart Contracts in Domestic Bills from the Perspective of Foreign Experience]. *Vestnik grazhdanskogo prava* [Herald of Civil Law], 2018, no. 2, pp. 30-74.
15. Churilov A.Yu. K probleme ponyatiya i pravovoj prirody smart-kontrakta [To the Issue of the Concept and Legal Nature of a Smart Contract]. *Yurist* [Lawyer], 2020, no. 7, pp. 25-30.
16. Werbach K., Cornell N. Contracts Ex Machina. *Duke Law Journal*, 2017, vol. 67, pp. 313-382.

Information About the Author

Alexey Yu. Churilov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Analyst, Scientific and Educational Center “Intellectual Property and Intellectual Rights”, Law Institute, Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russian Federation, Lefikantor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9435-1626>

Информация об авторе

Алексей Юрьевич Чурилов, кандидат юридических наук, аналитик научно-образовательного центра «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Юридического института, Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Российская Федерация, Lefikantor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9435-1626>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.18>

UDC 347.93
LBC 67.4

Submitted: 28.12.2020
Accepted: 25.01.2021

THE PROBLEMS OF MEDIATION PROCEDURE IN CIVIL PROCEEDINGS

Olga A. Derbisheva

Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic,
Donetsk, Donetsk People's Republic

Introduction: the paper discusses the actual problems of the legislation of the mediation procedure, as well as the existing obstacles to the development of civil practice in the application and improvement of the alternative dispute resolution procedure. The **purpose** of the paper is to study the problems of the institution of the mediation procedure, to understand the concept of conciliation procedures for further improving and forming recommendations for the efficiency of justice. In the process of consideration, the doctrinal problems, the formal-legal approach and the formal-legal, systematic **methods** were used. **Results:** the study of the legislation allows us to identify the provisions that need to be improved and changed for a more active and complete implementation of the mediation procedure in public relations. **Conclusions:** the author identifies the ways to resolve such difficulties at the pre-trial stage to optimize the judicial burden. The dispute resolution procedure with the participation of a mediator is considered from the position of an effective alternative to judicial proceedings. It has a legislative consolidation, but there are a number of regulatory gaps that require solving a large number of tasks to improve them. It is necessary to carry out the extensive work in order to integrate this procedure into the civil and arbitration process: to develop a strategy for the systematic development of the mediation institute, to inform the public, the business community and practicing lawyers in order to introduce the procedure and develop the practice of application, and also, to solve the problem with the professional training of mediators and to encourage them to engage in this type of activity on a professional basis.

Key words: mediation, mediator, dispute resolution, dispute, legislation.

Citation. Derbisheva O.A. The Problems of Mediation Procedure in Civil Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 118-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.18>

УДК 347.93
ББК 67.4

Дата поступления статьи: 28.12.2020
Дата принятия статьи: 25.01.2021

ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Александровна Дербишева

Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики,
г. Донецк, Донецкая Народная Республика

Введение: в статье рассматриваются актуальные проблемы законодательства процедуры медиации, а также существующие препятствия к развитию цивилистической практики применения и совершенствования

альтернативной процедуры урегулирования споров. **Целью** настоящей статьи является исследование проблем института процедуры медиации, понимание концепции примирительных процедур для дальнейшего повышения и формирования рекомендаций оперативности правосудия. В процессе рассмотрения используется доктринальная проблематика, формально-юридический подход и **метод** формально-юридический, системный. **Результаты:** исследование законодательства позволяет выявить положения, которые требуют доработки и изменения для более активного и полного внедрения процедуры медиации в общественные отношения. **Выводы:** выявляются способы разрешения такого рода трудностей на досудебном этапе по оптимизации судебной нагрузки. Процедура решения споров с участием посредника рассматривается с позиции эффективной альтернативы судебному разбирательству. Имеет законодательное закрепление, однако существует ряд пробелов нормативного регулирования, которые требуют решения большого количества задач по их совершенствованию. Необходимо провести объемную работу для того, чтобы интегрировать данную процедуру в гражданский и арбитражный процесс. Разработать стратегию планомерного развития института медиации, проводить информирование населения, бизнес сообщества и практикующих юристов с целью внедрения процедуры и наработки практики применения. Также решить задачу с профессиональной подготовкой медиаторов и стимулирования занятия данным видом деятельности именно на профессиональной основе.

Ключевые слова: медиация, посредник, разрешение споров, спор, законодательство.

Цитирование. Дербишева О. А. Проблемы процедуры медиации в гражданском судопроизводстве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 118–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.18>

Введение

Исследование процедуры досудебного урегулирования спора обусловлено принятием в 2011 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника», а также внесением изменений в ряд других нормативных правовых актов, что позволяет по прошествии достаточно долгого времени выделить основные проблемы, препятствующие развитию института медиации в доктрине и практике.

Исследованием проблемы процедуры медиации занимались такие ученые, как И.В. Решетникова, О.В. Аллаhverдова, Е.Н. Иванова, О.В. Исаенкова, А.Д. Карпенко и другие.

Становление института медиации

Решение споров с участием посредников существовало с древних времен, однако как правовой институт медиация зародилась в США. Появление такого способа решения проблем в американской системе было обусловлено неспособностью судов обеспечить полное, качественное и быстрое разрешение споров в связи с большим количеством обращений. Решением явилось предложение использовать одно из министерств в качестве нейтрального посредника [1]. Когда стало ясно, что подобный формат решения споров имеет успех, был принят специальный феде-

ральный закон, который закреплял возможность разрешения спора во внесудебном порядке.

Если в США и Европе процедура медиации начала развиваться в прошлом столетии и на данный момент уже принята обществом, то в России медиация появилась только в 2011 году. В связи с этим существует большое количество проблем в применении посредничества при решении споров и существенное количество пробелов в законодательстве. Медиация в Российской Федерации (далее – РФ) осуществляется на основании Федерального Закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» (далее – Закон о медиации).

Современное состояние процедуры медиации

Несмотря на такие преимущества медиации, как конфиденциальность, неформальность и скорость проведения, отсутствие состязательности и максимальное создание условий для совместного поиска решения сложившихся разногласий, до сих пор остается ряд неустраненных проблем и пробелов в законодательстве.

В Законе «О медиации», а именно в ч. 2 ст. 1 указано, что процедура медиации мо-

жет быть применена к спорам, возникшим из гражданских, административных, трудовых и семейных, а также отношений, связанных с осуществлением предпринимательской и экономической деятельности. При такой формулировке исключаются земельные и жилищные правоотношения. Также возникает вопрос по поводу применения медиации при решении споров между предпринимателями, поскольку ч. 5 ст. 1 Закона «О медиации» указывает, что данная процедура не может применяться в случае, если такие споры могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, публичные интересы [10]. Это означает, что в последствии медиативное соглашение может быть признано недействительным при несоблюдении условий, указанных в статье, однако в Законе «О медиации» не говорится о том, как именно стоит определять данных лиц. Исходя из того, что соглашение, принятое с помощью медиации в последующем может быть оспорено лицом, которое не было привлечено к разрешению спора, данная процедура становится менее привлекательной для использования предпринимателями.

Вышеназванный Федеральный закон определяет, что деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной основе, так и на непрофессиональной. Такое разделение другими авторами воспринимается оправданно. Больше количество вопросов возникает относительно того, что Закон совершенно не определяет, каким образованием должен владеть медиатор, который осуществляет данный вид деятельности не профессионально и должен ли он иметь образование вовсе. В то же время ст. 16 Закона «О медиации» определяется, что профессиональный медиатор должен иметь высшее образование и получить дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Усовершенствование примирительного урегулирования споров

На наш взгляд, данный пробел стоит устранить путем внесения изменений в закон, а именно положения ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 16 Закона «О медиации» дополнить обязательным

обладанием у лица высшего юридического образования. Наличие у посредника юридического образования позволит более профессионально оценивать сложившуюся между сторонами ситуацию и помогать гражданам и предпринимателям находить правильное направление в решении их проблем так, чтобы права одной и другой стороны не были нарушены. В связи с разделением медиаторов на профессиональных и непрофессиональных стоит законодательно закрепить, какие споры должны находиться в исключительном ведении профессиональных медиаторов, а какие могут быть рассмотрены непрофессиональными. Закрепление «подведомственности» медиаторов важно тем, что непрофессиональный посредник в некоторых случаях может навредить мирному урегулированию спора между сторонами.

Также стоит добавить, что не в полной мере прописана ответственность медиаторов. В соответствии с Законом, медиатор может нести ответственность в порядке, установленном гражданским законодательством. В то же время статья 5 и 6 Закона о медиации гласит, что вся информация, относящаяся к процедуре медиации, сохраняется конфиденциальной, если это не установлено Законом или стороны договорились об ином, также п. 1.1 ч. 3 ст. 51 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ) [5], п. 1 ч. 3 ст. 69 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [2] устанавливает невозможность допроса медиатора в качестве свидетеля при разрешении дела.

Из вышесказанного следует, что при нарушении принципа конфиденциальности стороны могут обратиться в суд для восстановления своих прав, однако для медиатора в его непосредственной деятельности никаких последствий не будет. В связи с этим, на наш взгляд, следует дополнить законодательство об административных правонарушениях специальной нормой, предусматривающей ответственность за нарушение конфиденциальности в виде штрафа, а в случаях неоднократного нарушения – запрета на осуществление деятельности посредника.

Экономический барьер к использованию процедуры медиации обусловлен высокой стоимостью услуг профессиональных медиато-

ров. В качестве примера, услуги одной из организаций обеспечивающих проведение медиации при условии, что конфликт носит частный характер и сумма претензий не превышает 50 тыс. руб. регистрационный взнос при подаче заявления составит 3 200 руб., сама процедура медиации, а точнее один час процедуры – 3 200 руб., стоимость подготовки медиативного соглашения – 4 500 рублей. Таким образом, получается, стоимость процедуры медиации равна 10 900 руб., а, если материальных претензий в конфликте нет, стоимость процедуры медиации обойдется в 9 800 рублей [6]. Это с учетом того, что к процедуре не привлекались специалисты или эксперты, услуги которых оплачиваются дополнительно. При обращении к профессиональным медиаторам до судебного разбирательства стоимость выглядит не так устрашающе, но в случае обращения к медиации в процессе судебного разбирательства, то есть после уплаты государственной пошлины, данная процедура может оказаться очень затратной. В данном случае стимулированием решения спора во внесудебном порядке будет введение в законодательство возможности возврата процента от суммы государственной пошлины за подачу искового заявления в зависимости от стадии, на которой стороны изъявили желание урегулировать спор с помощью медиации или покрытия затрат на проведение медиации в размере 30–50 % из суммы уплаченной стороной при подаче иска.

Еще одна проблема исходит непосредственно от граждан и заключается в недоверии к альтернативным процедурам урегулирования споров, поскольку такие организации являются частными, а следовательно неблагонадежными. Такая позиция достаточно четко заметна при ознакомлении со справкой «О практике применения судами Федерального закона» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) за 2015 год» [8]. Так, за 2015 г. было рассмотрено 15 819 942 дел, из которых в 1 115 случаях спор был решен путем проведения медиации (0,007 % от всех рассмотренных дел). Стоит отметить, что годом ранее количество дел, урегулированных с помощью медиации составило 1 329 (0,01 % от рассмот-

ренных). Глядя на такую статистику, можно сделать вывод, что институт медиации не только не развивается, но и теряет свою востребованность. Однако необходимо подчеркнуть, что решение этой проблемы может быть только в том случае, если граждане будут больше осведомлены о самой процедуре, совершенствование правовой культуры, правосознания граждан с помощью активной просветительской работы самих медиаторов, органов местного самоуправления, средств массовой информации и государственных органов поможет настроить людей на активное использование медиации как досудебного урегулирования конфликта или спора.

Отсутствие централизации системы альтернативной процедуры разрешения споров в научной литературе также относят к одной из причин низкой популярности медиации среди населения [3]. Возможно, создание городских, областных, окружных и федеральных союзов медиаторов. Использование психологических методов и приемов, которые позволят сделать процедуру медиации максимально эффективной [7]. Предоставление полномочий суду направлять участников правового спора к профессиональному медиатору [4].

Такой подход позволил бы эффективнее реагировать на регулярные изменения в общественных отношениях и совершенствовать профессиональный уровень предоставления услуг посредничества. А также государство выигрывало бы в том, что позволило бы разгрузить финансируемые им суды и сосредоточить усилия судей на сложных спорных делах [9].

Выводы

В завершение следует учитывать, что процедура медиации в Российской Федерации существует довольно длительное время, она нашла свое отражение в законодательстве, которое, как было выяснено ранее, несовершенно и содержит некоторое количество недоработок. Также существуют иные проблемы для повсеместного применения посредничества как альтернативы судебному порядку разрешения споров, и чтобы их преодолеть, вероятнее всего, должна произойти активизация сообщества профессиональных медиато-

ров по популяризации своей деятельности. Несмотря на все существующие затруднения и барьеры в применении альтернативной процедуры решения споров, данная область остается интересной для исследования научными деятелями и в настоящий момент уже существует большое количество научных работ, однако законодатель едва заметно предпринимает активные действия по устранению спорных вопросов и совершенствованию законодательства, связанные с данным институтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллахвердова, О. В. История развития медиации / О. В. Аллахвердова, Е. Н. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. – 2007. – Ч. 2, вып. 2. – С. 74.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570 (дата доступа 13.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Исаенкова, О. В. Цивилистический процесс в России – основные тенденции / О. В. Исаенкова // Вестник ТГУ. – 2016. – № 1. – С. 5–10.
4. Калашникова, С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С. И. Калашникова. – М. : Инфороник – Медиа, 2011. – С. 304.
5. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СПС КонсультантПлюс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147 (дата обращения: 13.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Ресурсный центр медиации: Стоимость процедуры медиации в АНО «Уральский центр медиации» // Ресурсный центр медиации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://mediators.ru/rus/regional_mediation/ural/docs2/text2 (дата обращения: 16.11.2016). – Загл. с экрана.
7. Романова, Н. М. Проблемы теории и практики медиации: психологический анализ / Н. М. Романова // Перспективы становления и развития медиации в регионах : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (4 декабря 2015 г.). – Саратов : Издательский центр «Наука», 2016. – С. 97–103.
8. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год, утвержденная Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 года // СПС КонсультантПлюс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160. – Загл. с экрана.

9. Судоргина, Е. В. Медиация в гражданском и арбитражном процессе / Е. В. Судоргина // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8, № 10А. – С. 40–46.

10. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038 (дата обращения: 13.12.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Allahverdova O.V., Ivanova E.N. Istoriia razvitiia mediatsii [History of the Development of Mediation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Series 6*, 2007, pt. 2, no. 2, pp.73-77.
2. Grazhdanskiy processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 g. № 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FL]. *SPS "Konsul'tantPljus"*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570.
3. Isaenkova O.V. Civilisticheskij process v Rossii – osnovnye tendencii [Civilistic Process in Russia – Main Trends]. *Tambov University Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 5-10.
4. Kalashnikova S.I. *Mediacija v sfere grazhdanskoj jurisdikcii* [Mediation in the Field of Civil Jurisdiction]. Moscow, Inforonik – Media, 2011, pp. 304.
5. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 g. № 21-FZ [Code of Administrative Procedure of the Russian Federation of March 08, 2015 No. 21-FL]. *SPS "Konsul'tantPljus"*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147.
6. Resursnyj centr mediicii: Stoimost' procedury mediicii v ANO «Ural'skij centr mediicii» [The Cost of the Mediation Procedure in the ANO “Ural Mediation Center”]. *Resursnyj centr mediicii* [Resursnyj centr mediicii]. URL: http://mediators.ru/rus/regional_mediation/ural/docs2/text2.
7. Romanova N.M. Problemy teorii i praktiki mediicii: psihologicheskij analiz [Problems of the Theory and Practice of Mediation: Psychological Analysis]. *Perspektivy stanovlenija i razvitiija mediicii v regionah: Sb. materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym*

uchastiem (4 dekabnja 2015 g.) [Prospects for the Formation and Development of Mediation in the Regions: Sat. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (December 4, 2015)]. Saratov, Publishing Center "Science", 2016, pp. 97-103.

8. Spravka o praktike primenenija sudami Federal'nogo zakona ot 27 ijulja 2010 g. № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» za 2015 god, utverzhdannaja Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 22 ijunja 2016 goda [Certificate on the Practice of Application by Courts of the Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ "On an Alternative Procedure for Resolving Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" for 2015, Approved

by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 22, 2016]. *SPS "Konsul'tantPljus"*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200160.

9. Sudorgina E.V. Mediacija v grazhdanskom i arbitraznom processe [Mediation in Civil and Arbitration Proceedings]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2018, vol. 8, no. 10A, pp. 40-46.

10. Federalnyi zakon «Ob alternativnoi protsedure uregulirovanija sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediacii)» ot 27.07.2010 g. № 193-FZ [Federal Law "On an Alternative Procedure for Resolving Disputes with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" of July 27, 2010 No. 193-FL]. *SPS "Konsul'tantPljus"*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038.

Information About the Author

Olga A. Derbisheva, Senior Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic, Prosp. Bogdana Khmel'nitskogo, 84, 83000 Donetsk, Donetsk People's Republic, olga.aleksandrovna.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8483-2263>

Информация об авторе

Ольга Александровна Дербисшева, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса, Донецкая академия внутренних дел Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики, просп. Богдана Хмельницкого, 84, 83000 г. Донецк, Донецкая Народная Республика, olga.aleksandrovna.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8483-2263>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.19>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 08.01.2021
Accepted: 09.02.2021

OBVIOUS AND NOT OBVIOUS IN WITNESS IMMUNITY (THE EXPERIENCE OF THE COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Alexander A. Tarasov

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Introduction: witness immunity – that is, the right of certain categories of persons to give testimony about some of the known circumstances, is a penal institution, objectively associated with the whole complex of problems of the criminal justice system – its participants, the proof in criminal cases, the right to protection and qualified legal assistance, etc. The historical and comparative legal analysis of the legislative consolidation of witness immunity opens up new opportunities for the study of this whole complex of theoretical and practical problems. The **aim** is to determine the best ways to improve its legal definition and implementation practice based on the analysis of different legislative formulations on witness immunity. The main research **methods** are the methods of comparative law, historicism and system-structural analysis. **Results:** the trends in the development of the legal definition of witness immunity in the domestic legislation, the similarities and differences in the solution of similar issues in the legislation of the Federal Republic of Germany, the relationship of both with the socio-economic and political processes in both states are revealed. **Conclusions:** 1) witness immunity as a social and legal institution is a reflection of the global processes of development of society, the state and the national legal system; 2) the comparative legal analysis of the legislative definition of witness immunity in different states allows us to identify the best ways to solve many criminal procedural and other legal problems.

Key words: witness immunity, criminal procedure, witness testimony, interrogation, witness, legal comparative studies, personal and family secrets, private life secrets, professional secrets.

Citation. Tarasov A.A. Obvious and not Obvious in Witness Immunity (The Experience of the Comparative Legal Analysis). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 124-129. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.19>

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 08.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ОЧЕВИДНОЕ И НЕ ОЧЕВИДНОЕ В СВИДЕТЕЛЬСКОМ ИММУНИТЕТЕ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА)

Александр Алексеевич Тарасов

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Введение: свидетельский иммунитет – то есть право отдельных категорий лиц не давать свидетельских показаний о каких-то известных им обстоятельствах – это уголовно-процессуальный институт, объективно связанный с целым комплексом проблем системы уголовного судопроизводства – участниками его, доказыванием по уголовным делам, правом на защиту и квалифицированную юридическую помощь и т. д. Исторический и сравнительно-правовой анализ законодательного закрепления свидетельского иммунитета открывает новые возможности для исследования всего этого комплекса теоретических и практических проблем. **Цель** – на основе анализа разных законодательных формулировок о свидетельском иммунитете определить оптимальные пути совершенствования его нормативно-правового определения и практики реализации. Основными **методами** исследования избраны метод сравнительного правоведения, метод историзма и метод системно-структурного анализа. **Результат:** выявлены тенденции развития нормативно-правового определения свидетельского иммунитета в отечественном законодательстве, сходства и различия с решением аналогичных вопросов в законодательстве Федеративной Республики Германии, связь того и другого с социально-

экономическими и политическими процессами в обоих государствах. **Выводы:** 1) свидетельский иммунитет как социально-правовой институт является отражением глобальных процессов развития общества, государства и национальной правовой системы; 2) сравнительно-правовой анализ законодательного определения свидетельского иммунитета в разных государствах позволяет выявить оптимальные пути решения многих уголовно-процессуальных и иных правовых проблем.

Ключевые слова: свидетельский иммунитет, уголовный процесс, свидетельские показания, допрос, свидетель, правовая компаративистика, личная и семейная тайна, тайна частной жизни, профессиональная тайна.

Цитирование. Тарасов А. А. Очевидное и не очевидное в свидетельском иммунитете (опыт сравнительно-правового анализа) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 124–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.19>

Свидетельский иммунитет как показатель уровня развития национальной системы уголовного процесса

Свидетельский иммунитет – то есть право не давать свидетельских показаний в отношении конкретных лиц или об обстоятельствах, ставших данному человеку известными при осуществлении каких-то видов деятельности, – это один из уголовно-процессуальных иммунитетов, известных всем или почти всем современным национальным системам уголовного процесса. В праве человека отказаться давать показания, могущие навредить либо кому-то из его близких, либо другим лицам, доверившим потенциальному свидетелю личную или семейную или какую-то другую охраняемую нормами права тайну, сосредоточены одновременно многие социальные ценности, в защите которых общество и государство заинтересованы не менее, чем в раскрытии преступлений и в доказывании виновности в их совершении конкретных лиц. Тем менее понятно, что в нашей относительно недавней истории – в период действия последнего советского УПК РСФСР 1960 г. свидетельский иммунитет в связи с отношениями супружества или близкого родства не был закреплен вовсе. Это неизменно критически оценивалось в уголовно-процессуальной науке тех лет с апелляциями к общепринятым, а потому очевидным, нравственным категориям [4, с. 111].

В УПК РСФСР 1960 г., применявшимся вплоть до 1 июля 2002 г., положения о свидетельском иммунитете, обусловленном отношениями супружества и близкого родства, так и не были внесены. В едином закрытом перечне в качестве лиц, которые не могут быть

допрошены в качестве свидетелей, в ст. 72 УПК РСФСР были названы адвокаты-защитники, адвокаты-представители и представители профсоюзных и общественных организаций, выполняющих аналогичные функции, а также лица, не способные в силу физических или психических недостатков давать свидетельские показания.

Полагаем, что и ограниченность норм о свидетельском иммунитете, и явная бессистемность их изложения в законе указывают на отсутствие концептуальной ориентации советского законодателя тех времен на охрану очевидно необходимого цивилизованному обществу права отказаться от дачи показаний в тех случаях, когда эти показания могут навредить значимым социальным интересам и ценностям.

Свидетельский иммунитет в действующем уголовно-процессуальном законе России

Согласно действующей ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежат допросу в качестве свидетелей лица, которым какие-то сведения, не подлежащие разглашению, стали известны в связи с осуществлением профессиональной или общественной деятельности. Перечень этих лиц по мере накопления отечественного опыта реализации норм о свидетельском иммунитете дополнялся. В первоначальную редакцию УПК РФ 2001 г. в этот перечень были включены судьи и присяжные заседатели; адвокаты – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с оказанием любой юридической помощи; священнослужители – об обстоятельствах, ставших им известными из исповеди; член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без их согласия – об

обстоятельствах, которые стали им известны в связи с осуществлением ими своих полномочий. Позднее (в 2015 г.) этот перечень был дополнен указанием на должностное лицо налогового органа – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с предоставленными сведениями, содержащимися в специальной декларации, и на арбитра (третьего судью) – об обстоятельствах, ставших ему известными в ходе арбитража (третьего разбирательства). В 2020 г. – также и на Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и в ее регионах.

Кроме того, в п. 1 ч. 4 этой же статьи указано: «Свидетель вправе: отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 настоящего кодекса».

Право не свидетельствовать против себя самого получило в науке особое наименование «привилегии против самообвинения (или самоизобличения)», и оно, как правило, образует предмет самостоятельного научного исследования, отличаемый от свидетельского иммунитета [2]. Позволим себе оставить за кадром настоящего изложения привилегию против самообвинения, а также абстрагироваться на время и от другой выделяемой в отечественной литературе частности – разграничения недопустимости допроса в качестве свидетеля и права лица, уже приобретшего этот статус, либо потенциально могущего его приобрести, отказаться от дачи показаний [5, с. 144].

Запрет на допрос судей и присяжных заседателей об обстоятельствах их участия в судебном разбирательстве представляется понятным и обусловленным охраняемой самим же уголовно-процессуальным законом «тайной совещательной комнаты». Законодатель подчеркнул, что обязанность хранить эту тайну должна соблюдаться профессиональными и непрофессиональными судьями и вне судебного разбирательства по конкретному судебному делу, что она не ограничена временем и что государство берет на себя обязательство оградить эту тайну от попыток ее раскрыть во имя реализации любого интереса. Здесь законодатель не допустил никаких оговорок и исключений.

Нельзя не приветствовать практически безграничное расширение круга обстоятельств, о которых не может быть допрошен адвокат, оказывавший когда-либо какую-либо квалифицированную юридическую помощь любому лицу. Адвокатская тайна – очевидная социальная ценность, объективно связанная с конституционным правом каждого на квалифицированную юридическую помощь, а также на охрану частной жизни, личной и семейной тайны. Обращаясь к адвокату, человек должен быть уверен в возможности быть с адвокатом откровенным, не опасаться, что сказанное им адвокату может когда-нибудь навредить ему, его близким, да и вообще кому бы то ни было.

Необходимость защиты охраняемых прав частных и публичных интересов обеспечением свидетельского иммунитета судей и адвокатов представляется очевидной. Остается только гадать, почему этот вопрос не был решен российским законодателем раньше. Столь же очевидной является и необходимость предоставления свидетельского иммунитета близким родственникам обвиняемого. Однако здесь в российском законе не обошлось без явной редакционной нелепости, на которую уже обращалось внимание в прежних наших публикациях [6, с. 90]. В п. 4 ст. 5 УПК РФ к числу «близких родственников» российским законом отнесены супруг, супруга, притом, что супруги по определению близкими родственниками не являются и быть не могут по закону.

Свидетельский иммунитет в уголовно-процессуальном законе Германии

Свидетельскому иммунитету в уголовно-процессуальном законе Федеративной Республики Германия – *Strafprozessordnung der Bundes Republic Deutschland* (далее также и *StPOdBRD*) посвящено два основных параграфа – 52 и 53 – с весьма характерными названиями, которые говорят сами за себя.

§ 52 *StPOdBRD* называется *Zeugnisverweigerungsrecht der Angehörige des Beschuldigten*, что буквально должно переводиться так: «Право на отказ от свидетельствования близких обвиняемого». Слово

Angehörige является производным от глагола angehören («принадлежать», «состоять членом» какой-то малой социальной группы, не обязательно семьи). То есть речь идет о том, что в российском законе названо «близкими лицами» (п. 3 ст. 5 УПК РФ), только в тексте российского УПК этот термин к свидетельскому иммунитету отношения не имеет.

В перечне § 52 StPOdBRD указаны: помолвленные (Verlobte) обвиняемого; его супруг или супруга (Ehegatte), «также если брак более не существует» (auch wenn die Ehe nicht mehr besteht), лица, состоящие с обвиняемым в отношениях родства или свойства (verwandten oder verschwägert) с указанием максимально допустимой степени того и другого (третьей и второй соответственно), причем как в настоящем, так и в прошлом (ist oder war).

Даже если ограничиваться сравнительным анализом только перечня близких лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, можно понять, насколько значимой для германского правопорядка признается проблема укрепления семейных уз и сохранения добрых отношений между близкими людьми даже после прекращения их формальной юридической связи друг с другом.

Перечень § 52 StPOdBRD пополняется в соответствии с меняющейся реальностью. Свидетельский иммунитет предоставлен в специальном п. 2а еще одному весьма непривычному для российских юристов субъектов – так называемому der Lebenspartner des Beschuldigten, то есть, буквально, «партнер по жизни». В российской переводной литературе, как нами уже отмечалось [6, с. 90], этот обладатель свидетельского иммунитета был назван либо «лицом, с которым заключен однополый брак» [3, с. 108], либо просто «сожителем» [1, с. 33]. Последний вариант, оказавшись он правдой, мог бы решить проблему свидетельского иммунитета «фактических супругов», актуальную для России и многих других стран. Но первый вариант, увы, скорее всего, более соответствует оригиналу.

§ 53 StPOdBRD называется Zeugnisverweigerungsrecht der Berufsgeheimnisträger – буквально: «право на отказ свидетельствовать носителей профессиональной тайны» (der Beruf – «про-

фессия», das Geheimnis – «тайна», der Träger – существительное от tragen – «нести, носить»). В российском законе даже без выделения специальной статьи для носителей профессиональной тайны, ясно, что речь идет именно о них.

Перечень носителей профессиональной тайны § 53 StPOdBRD представляет не меньший интерес в контексте настоящего изложения. Правом отказаться от дачи свидетельских показаний по мотиву профессиональной тайны обладают не только собственно врачи (Ärzte), но отдельно еще и Zahnärzte, то есть «зубные врачи» – стоматологи, а также психотерапевты (Psychotherapeuten), причем отдельно – еще и детские и юношеские (Kinder- und Jugend-) психотерапевты и даже аптекари (Apotheker). Свидетельским иммунитетом обладают помимо адвокатов (Rechtsanwälte) еще и аудиторы (Wirtschaftsprüfer), патентные поверенные (Patentanwälte), нотариусы (Notare) и т. д. Очевидным представляется то, что названные профессионалы являются носителями множества личных и семейных тайн, в том числе и охраняемой российскими федеральными законами врачебной и иной медицинской тайны, а также – тайны банковских вкладов, коммерческой тайны и т. д. Именно поэтому причины, препятствующие закреплению свидетельского иммунитета за представителями перечисленных профессий в российском законе, являются загадкой.

Вероятные причины различий в нормативно-правовом определении свидетельского иммунитета

Такие уголовно-процессуальные институты, как свидетельский иммунитет, формируются под воздействием множества факторов, система которых индивидуальна для разных государств. Германский законодатель, как видим, отказался от привычной для российского уголовного процесса формулировки «не могут быть допрошены в качестве свидетелей» в пользу «права на отказ свидетельствовать». И касается это по закону и близких обвиняемого, и носителей профессиональной тайны. Полагаем, что в российской формулировке есть важный оградительный потенциал: лиц, обладающих свидетельским иммунитетом в силу их обязанности хранить чужие

тайны, бессмысленно склонять к даче показаний, шантажировать неприятностями в случае отказа дать показания, взывать к совести и каким-то иным образом домогаться их показаний. Их просто нельзя даже вызвать на допрос.

Обширность и разнообразие перечня «носителей профессиональной тайны» в германском законе объясняется, как полагаем, существенно большим опытом Германии в развитии рыночных отношений и сопутствующем ему развитию правовой системы.

Согласно п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ не подлежит допросу в качестве свидетеля «священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди». Приведем аналогичную формулировку первого пункта § 53 StPOdBRD: *Geistliche über das, was ihnen in ihrer Eigenschaft als Seelsorger anvertraut worden oder bekanntworden ist*. Буквально это переводится так: «Священники о том, что им в их качестве духовного наставника (*die Seele – “душа”, der Sorger – “заботящийся, хлопочущий”* – от глагола *sorgen – “заботиться, хлопотать”*. – *A. T.*), было доверено или стало известно». Германия – так же, как и Россия – многоконфессиональная страна. Полагаем, что германский вариант вполне заслуживает заимствования и российским законодателем, просто потому, что он более точен: любое общение верующего со священником, называть ли его исповедью в самом широком понимании этого слова или нет, должно быть защищено от разглашения полученных при этом сведений.

Сравнительно-правовой анализ свидетельского иммунитета как одного из частных вопросов уголовного процесса позволяет лишний раз убедиться в том, сколько резервов для совершенствования национальных правовых систем в целом открывает сравнительное правоведение, позволяя оптимизировать не только многие конкретные законодательные формулировки, но и общие ориентиры развития национальных правовых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бугов, В. Н. Процессуальное положение свидетеля по УПК ФРГ (в новой редакции) / В. Н. Бугов

// Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 33–35.

2. Вилкова, Т. Ю. Привилегия против самоизобличения (*nemo tenetur se ibsem accusare*) в системе принципов уголовного судопроизводства / Т. Ю. Вилкова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 4. – С. 15–20.

3. Головенков, П. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – *Strafprozessordnung (StPO)* : Научно-практический комментарий и перевод текста закона ; со вступительной статьей профессора Уве Хелльманна «Введение в уголовный процессуальное право ФРГ» / П. Головенков, Н. Спица. – Потсдам, 2012.

4. Карнеева, Л. М. Следственный иммунитет и его значение / Л. М. Карнеева // Основания и порядок реализации уголовной ответственности. – Куйбышев, 1989. – С. 111–115.

5. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М., 2014. – 851 с.

6. Тарасов, А. А. Уголовно-процессуальная компаративистика и проблема точности перевода юридических терминов / А. А. Тарасов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 12. – С. 87–91.

REFERENCES

1. Butov V.N. Protsessualnoe polozhenie svidetelya po UPK FRG (v novoj redakcii) [Procedural Position of a Witness Under the Code of Criminal Procedure of the Federal Republic of Germany (new edition)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2009, no. 3, pp. 33-35.

2. Vilkova T.Yu. Privilegiya protiv samoizobliceniya (*nemo tenetur se ibsem accusare*) v sisteme printsipov ugovolnogo sudoproizvodstva [Privilege Against Self-Incrimination (*nemo tenetur se ibsem accusare*) in the System of Criminal Justice Principles]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2016, no. 4, pp. 15-20.

3. Golovenkov P., Spitsa N. Ugolovno-protsessualnyj kodeks Federativnoj Respubliki Germaniya – *Strafprozessordnung (StPO)*: Nauchno-prakticheskij kommentarij i perevod teksta zakona so vstupitelnoj statyoy professora Uve Hellmanna «Vvedenie v ugovolnyj protsessualnoe pravo FRG» [The Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany - *Strafprozessordnung (StPO)*. Scientific and Practical Commentary and Translation of the Text of the Law with an Introductory Article by Professor Uwe Hellmann “Introduction to Criminal

Procedure Law of the Federal Republic of Germany”]. Potsdam, 2012.

4. Karneeva L.M. Sledstvennyj иммунитет i ego znachenie [Investigative Immunity and its Significance]. *Osnovaniya i poryadok realizatsyi ugovnoy otvetstvennosti*. Kuibyshev, 1989, pp. 111-115.

5. Lebedev V.M., ed. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Ugolovno-processualnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii [Scientific and Practical

Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, 2014. 851 p.

6. Tarasov A.A. Ugolovno-processualnaya komparativistika i problema tochnosti perevoda yuridicheskikh terminov [Criminal Procedural Comparative studies and the Problem of the Accuracy of Translation of Legal Terms]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2016, no. 12, pp. 87-91.

Information About the Author

Alexander A. Tarasov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Bashkir State University, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, aatar@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

Информация об авторе

Александр Алексеевич Тарасов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, aatar@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6743-5517>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.20>

UDC 343.1
LBC 67.410.2

Submitted: 22.01.2021
Accepted: 12.02.2021

THE STANDARDS OF PROOF AS THE BASIS FOR DIFFERENCES IN THE REGULATION OF SIMILAR INSTITUTIONS OF CRIMINAL, CIVIL, ARBITRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Aliya R. Sharipova

Bashkir State University, Ufa, Russian Federation

Introduction: the division of all procedural institutions into universal, similar and unique ones requires the identification of the factors that determine the branch uniqueness. The **purpose** of the work is to determine the validity of inter-branch differences in the regulation of the institutions of criminal, civil, arbitration and administrative processes, depending on their own standards of proof. The determinant method of the research was the method of comparative law. A comparison was made of typical situations of proving related offenses under consideration of the criminal and civil or arbitration or administrative procedure. The research also uses the **methods** of historicism, system-structural analysis and synthesis. **Results:** the correlation of “standards of proving” and “standards of proof” is determined on the basis of the scientific literature and judicial practice. Through the example of the criminal and civil (arbitration, administrative) cases with similar subjects of proving (the cases of tax crimes and offenses, transport crimes and offenses, fraud and non-repayment of loans, smuggling and non-compliance with the ban on the import and export of goods), different industry requirements are established for the level of verification of the conclusions about the presence or absence of any facts. The cases of the legislative definition of standards of proof for certain legal situations are revealed. **Conclusions:** serious differences in the levels of proof required by law and judicial practice in different types of legal proceedings dictate the uniqueness of the regulation of a number of procedural institutions in their branch implementation. The sphere of influence of the standards of proof on the branch statutory regulation is not limited by law of evidence.

Key words: standards of proof, judicial law, similar institutions, criminal procedure, arbitration process, civil process, administrative process.

Citation. Sharipova A.R. The Standards of Proof as the Basis for Differences in the Regulation of Similar Institutions of Criminal, Civil, Arbitration and Administrative Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 130-136. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.20>

УДК 343.1
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 22.01.2021
Дата принятия статьи: 12.02.2021

СТАНДАРТЫ ДОКАЗАННОСТИ КАК ОСНОВАНИЯ РАЗЛИЧИЙ В РЕГУЛИРОВАНИИ СХОДНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО, ГРАЖДАНСКОГО, АРБИТРАЖНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Алия Рашитовна Шарипова

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

Введение: подразделение всех процессуальных институтов на универсальные, аналогичные и уникальные требует выявления факторов, от которых зависит отраслевое своеобразие. **Цель** работы состоит в определении обоснованности межотраслевых различий регламентации институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов в зависимости от их собственных стандартов доказанности. Определяющим **методом** исследования выступил метод сравнительного правоведения. Сопоставлению подверглись типичные ситуации доказывания по смежным правонарушениям, рассматриваемым в рамках уголовного и гражданского или арбитражного или административного судопроизводства. Также в исследовании использованы методы историзма, системно-структурного анализа и синтеза. **Результат:** определено

соотношение «стандартов доказывания» и «стандартов доказанности» на основании научной литературы и судебной практики. На примере уголовных и гражданских (арбитражных, административных) дел со схожими предметами доказывания (дела о налоговых преступлениях и правонарушениях, о транспортных преступлениях и правонарушениях, о мошенничестве и невозвращении займа, о контрабанде и несоблюдении запрета на ввоз и вывоз товара) установлены разные отраслевые требования к уровню верификации выводов о наличии или отсутствии каких-либо фактов. Выявлены случаи законодательного определения стандартов доказанности для отдельных правовых ситуаций. **Выводы:** серьезные различия в требуемых законом и судебной практикой в разных видах судопроизводства уровнях доказанности диктуют своеобразие регламентации целого ряда процессуальных институтов в их отраслевом воплощении. Сфера влияния стандартов доказанности на отраслевое нормативное регулирование не ограничена доказательственным правом.

Ключевые слова: стандарты доказанности, судебное право, аналогичные институты, уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс.

Цитирование. Шарипова А. Р. Стандарты доказанности как основания различий в регулировании сходных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 130–136. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.20>

Введение

Подавляющее большинство судебных институтов уголовного, гражданского, арбитражного и административного процессов универсальны, то есть настолько схожи по своей природе, обусловленной единой сущностью правосудия, что нуждаются в одинаковой регламентации. Иначе дело обстоит с «аналогичными» процессуальными институтами, межотраслевое родство которых допускает существенное своеобразие в регулировании. Это своеобразие не является произвольно возникшим, оно всегда связано с какими-то существенными внутривидовыми особенностями, характерными для каждого вида судопроизводства в отдельности. Полагаем возможным попытаться аргументировать обоснованность различий в ряде схожих институтов указанных отраслей собственными стандартами доказанности.

Соотношение стандартов доказывания и стандартов доказанности

В литературе достаточно много в последнее время освещают вопросы, посвященные стандартам *доказывания*, объединяя под этим названием, по англо-саксонскому примеру, «совокупность критериев оценки доказательств, подлежащих применению судами при рассмотрении дел определенной категории и позволяющих, в частности, определить достаточность доказательств необходимой степени достоверности (для того или

иного правового вывода)» [12, с. 135]. Вошел новый термин и в лексикон Верховного Суда РФ, дополняясь характеристиками «пониженный», «повышенный», «строгий» и др., на что обращают внимание исследователи этого явления [1]. Как правило, помимо вопросов достаточности доказательств, отношение к которой в разных видах процессов нас сейчас интересуют, в «стандарт доказывания» включают и критерии допустимости и достоверности. Не желая углубляться в эти дискуссии, ограничимся только стандартами *доказанности*, составляющими реальное межотраслевое различие.

Близким к нашему пониманию стандартов доказанности является определение «позитивного стандарта доказывания», данное А.Г. Карапетовым, А.С. Косаревым: это степень убедительности комплекса доказательств, предъявленных стороной, несущей бремя доказывания, воспринимаемая судами как достаточная и используемая на практике [8]. Они же отмечают, что поиски истины на определенном этапе прекращаются вследствие ограниченных времени ресурсов суда [8], а также ссылаются на «Экономический анализ права» Ричарда Познера: «на каком-то этапе предельные социальные издержки на поиск, представление, исследование и оценку доказательств начинают превышать социальные выгоды от приращения убедительности позиции сторон по фактам спора и снижения вероятности ошибочного установления фактов» [13, р. 819–820] (цит. по: [8]).

Помимо того, что эти утверждения справедливы, эта справедливость своеобразна по отношению к каждому из видов судебных процессов. Вполне обоснованно для обвинения в совершении террористического акта собрать и исследовать данные биллинга и сотен камер наблюдения в отношении множества людей (а затем оценивать их в суде), но довольно странно делать то же самое, чтобы подтвердить участие в несанкционированном митинге (ст. 20.2 КоАП), хотя «технически» выявление людей, находившихся в определенном месте в определенное время, по этим деяниям очень схоже.

С другой стороны, в арбитражном процессе существует такой уникальный инструмент доказывания как соглашение по фактическим обстоятельствам, позволяющий сторонам экономить процессуальные усилия и не тратить их на установление того, о чем между ними спора нет. Это очень удобно с точки зрения доказывания, но практически невыполнимо по уголовным делам, поскольку предполагает принципиально иной стандарт доказанности.

Различия стандартов доказанности в процессуальных отраслях

В уголовных делах об экономических преступлениях предмет доказывания имеет значительное сходство со смежными гражданскими, арбитражными, налоговыми, административными и иными спорами. Такими «смежными» делами являются, например, уголовные дела о мошенничестве и гражданские или арбитражные дела о неисполнении обязательств по договору, уголовные дела о налоговых преступлениях и арбитражные дела о налоговых правонарушениях, и многие другие подобные «пары».

Разные стандарты доказанности одних и тех же обстоятельств в этих парах легко можно продемонстрировать следующими примерами. Для установления факта принятия наличных денег во исполнение заключенного договора в гражданском или арбитражном споре, как правило, достаточно собственноручной расписки их получателя. По делу об обвинении в мошенничестве (состоявшегося при «камуфляже» точно такого же договора, только с изначальным намерением не испол-

нить его) прием денег от потерпевшего устанавливается, помимо расписки, свидетельскими показаниями, заключением эксперта о принадлежности текста и подписи на расписке рукой обвиняемого. И эти дополнительные доказательства присутствуют даже в уголовных делах с признанием вины обвиняемым и даже явкой с повинной [4]! Более того, даже внутри гражданских дел действуют разные стандарты: по делам о взыскании займа расписки достаточно [3], а в делах о банкротстве – нет. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве судам следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. Признавая расписку недостаточным доказательством, не соответствующим «повышенному стандарту доказывания», арбитражный суд, в частности, указывает следующее: при оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, подтверждаемого только его распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду надлежит учитывать, позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства, имеются ли в деле удовлетворительные сведения о том, как полученные средства были истрачены должником, отражалось ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности [11].

Обычной практикой доказывания по уголовным делам о налоговых преступлениях является проведение судебно-экономической экспертизы. Ее заключением устанавливаются все элементы налогообложения со ссылкой и исходя из первичных документов налогоплательщика, а также данных, полученных в результате встречных проверок его контрагентов и банков. Таким способом принято подтверждать совершение объективной стороны налоговых преступлений. Несмотря на то, что мы относимся к этому резко негативно и считаем подобную практику наносящей урон состязательности в суде, вероятно она призвана как раз поддержать традиционно повышенный стандарт доказанности по уголовным делам. По мысли правоприменителя, поддер-

живающего ее, заключение экспертизы – практически самое «надежное» доказательство, поэтому и назначают ее не только ради специальных познаний, но и для придания весомости собранной доказательственной базы.

Пример транспортных правонарушений так же показывает разность стандартов доказанности. Так, при одинаковых обстоятельствах совершения нарушения правил дорожного движения, не пресеченного сразу же сотрудниками правоохранительных органов, факт управления транспортным средством конкретным лицом устанавливается по-разному. Так, ст. 2.6.1. КоАП установлено, что административной ответственности подлежат собственники транспортных средств в случае фиксации административных правонарушений техническими средствами в автоматическом режиме. Если в ходе обжалования постановления о привлечении к ответственности собственник докажет, что транспортное средство было не под его управлением, то он освобождается от ответственности. Не будем сейчас критиковать законоположение, «освобождающее» лицо от ответственности, которой оно не должно было подлежать, но заметим, что введено оно ради придания законной силы очевидно низкому стандарту доказанности по этой группе дел (жалобы по которым могут рассматриваться и в суде). По уголовным делам о преступлениях, связанных с управлением транспортным средством, установления права собственности на него, разумеется, недостаточно для обвинения собственника. Недостаточно для этого и отсутствия от него заявления об угоне: обычно используются свидетельские показания лиц, видевших, кто управлял транспортом в момент совершения преступления, непосредственно до и после него, заключение по результатам проведения видеотехнической экспертизы записей автомобильных видеорегистраторов, исследование принадлежности отпечатков пальцев на руле и следов крови на подушках безопасности автомобиля и др. [2].

Законодательством предусмотрено множество смежных административных правонарушений и преступлений. Еще одна подобная пара – несоблюдение запретов и ограничений на ввоз и вывоз товаров с таможенной территории и контрабанда наркотических средств и подобных им веществ, прекурсо-

ров и растений, соответствующие ст. 16.3 КоАП и ст. 229.1 УК. Административное правонарушение устанавливается на основании письменных документов, исходящих, большей частью, от самого нарушителя «запретов и ограничений»: противозаконное деяние подразумевает, нарушение в процедуре оформления разрешительных бумаг, необходимых для перемещений товаров, в том числе связанных с наркотиками. Действительное физическое существование этих химических веществ путем отбора проб и их исследования не устанавливается [10]. Разумеется, при доказывании совершения уголовно-правового «аналога» этого деяния все иначе: проводится судебно-химическая экспертиза [6].

Несмотря на то, что презумпция невиновности предусмотрена не только в УПК, но и в КоАП, для уголовного процесса она задает максимальные стандарты доказанности, в том числе через обязанность обвинения опровергать доводы защиты, не предусмотренную более нигде. Другие асимметричные случаи распределения бремени доказывания освобождают защищающуюся сторону от необходимости доказывать свою невиновность, но оставляют другой стороне на усмотрение, как именно доказывать вину, без уточнения об опровержении доводов защиты (ст. 1.5 КоАП, ч. 1 ст. 65 АПК, ч. 2 ст. 62 КАС).

Есть примеры и законодательного снижения стандарта доказанности для уголовных дел. Так, примечанием 2 к статье 264 УК установлено, что в целях применения ст. 263, 264, 264.1 под лицом, находящимся в состоянии опьянения, признается тот, чье опьянение установлено лабораторно, а также «лицо, управляющее транспортным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Никакой уголовно-правовой логике не подвластна юридическая фикция признания лицом в состоянии опьянения того, кто отказался от освидетельствования. И никакой уголовно-правовой логики здесь и нет: она, скорее, уголовно-процессуальная. Это способ облегчения доказывания для органов предварительного расследования. Сле-

ды алкоголя и других опьяняющих веществ в организме человека недолговечны, и если подозреваемый откажется сдать биологические образцы для исследования, то спустя то время, пока их удастся получить помимо его воли, доказательственные возможности будут упущены. Эта проблема не только отечественного правового порядка: по утверждению К.С. Баканова, в Республике Беларусь и Германии существуют правовые возможности освидетельствования и медицинского освидетельствования человека против его воли [7]. Устанавливать же опьянение через косвенные доказательства (свидетельства употребления каких-то веществ, например) хлопотно и ненадежно, поэтому законодатель просто признал тех, кто отказывается от освидетельствования, «пьяными». Как ни странно, в отдельных случаях эта «льгота» правоприменителю оборачивается против него. Всякий случай законодательного установления возможности доказывания какого-либо обстоятельства только определенным доказательством должен быть тщательно выверен. Так, в статье Т.И. Наумовой, В.И. Сивцева описана проблема, существующая в самом большом регионе России – Республике Саха (Якутия): в связи с удаленностью населенных пунктов друг от друга зачастую нет возможности провести медицинское освидетельствование водителей, которые не отказываются от него. Но ни простым освидетельствованием, проводимым ГИБДД, ни свидетельскими показаниями, ни собственными показаниями обвиняемого о нахождении его в состоянии опьянения подтверждать последнее нельзя [9].

Случаи законодательного снижения требований к достаточной совокупности доказательств, которой принято устанавливать какие-то факты, как правило, болезненно воспринимаются общественностью. Это подтверждает и пример с признанием отказавшихся от освидетельствования водителей находящихся в состоянии опьянения¹, и пример привлечения к административной ответственности собственников автомобилей, когда правонарушения установлены в автоматическом режиме средствами фото и видеофиксации.

Позитивно принимаются обычно примеры повышения стандартов доказанности. Так, до появления возможности широкого проведе-

ния исследований ДНК установление отцовства проводилось по косвенным доказательствам, подтверждающим отношения между матерью ребенка и каким-то мужчиной (совместное проживание, переписка, ведение общего хозяйства), и отношения его к ребенку (участие в воспитании, в расходах на его содержание) и др. Теперь все чаще суды прибегают к назначению генно-молекулярной экспертизы для определения биологического отцовства [5]. Разумеется, это дает более высокую гарантию установления истины по делу, но и предполагает несение сторонами (и в каких-то случаях государством) дополнительных расходов.

Любое повышение стандарта доказанности приводит к удорожанию судебного процесса, поэтому назвать тенденцию постоянного повышения желательной можно лишь при условии готовности общества вкладывать все больше средств в судопроизводство. В этом заключается главная причина невозможности распространения высочайшего стандарта доказанности, принятого в уголовном процессе, на другие отрасли. Разница в стандартах доказанности обуславливает своеобразие не только и не столько в отдельных институтах доказательственного права. Именно собственные стандарты доказанности каждой из процессуальных отраслей делают аналогичными такие институты, кажущиеся универсальными, как принципы судопроизводства, участники судопроизводства, обвинение (иск), защита от обвинения (иска).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Логика оправдания этого законоположения через недопустимость установления более выгодного положения для лиц, уклоняющихся от выполнения законного требования сотрудника правоохранительного органа, по сравнению с лицами, выполняющими требования (и соответственно, проходящими медицинское освидетельствование), нам известна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов, В. В. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству / В. В. Аргунов, М. О. Долова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 76–104.

2. Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 2 октября 2019 г. по делу № 22-1604/2019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

3. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 25 июня 2018 г. по делу № 33-2134/20182019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 7 октября 2019 г. по делу № 10-13537/20192019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 февраля 2013 г. по делу № 11-44212019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

6. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 7 августа 2020 г. по делу № 55-1281/20202019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

7. Баканов, К. С. Отказ водителя транспортного средства от медицинского освидетельствования и его взаимосвязь с потреблением наркотических средств / К. С. Баканов // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2018. – № 11. – С. 81–86.

8. Карапетов, А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу.* – 2019. – № 5. Специальный выпуск. – С. 3–96.

9. Наумова, Т. И. Проблемы квалификации деяний, предусмотренных ст.ст. 264 и 264.1 УК / Т. И. Наумова, Н. И. Сивцев // *Законность.* – 2019. – № 7. – С. 50–52.

10. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 апреля 2020 г. № Ф05-3501/2020 по делу № А41-62541/20192019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

11. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2020 г. № 01АП-5380/2020 по делу № А11-14941/20192019. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.01.2021).

12. Смола, А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А. А. Смола // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2018. – № 8. – С. 129–165.

13. Posner, R. A. *Economic Analysis of Law* / R. A. Posner. – 8th ed. – N. Y., 2011.

REFERENCES

1. Argunov V.V., Dolova M.O. O tak nazyvaemykh standartakh dokazyvaniya primenitelno

k otechestvennomu sudoproizvodstvu [On the So-called Standards of Proof in Relation to Domestic Legal Proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa* [Bulletin of civil procedure], 2019, no. 2, pp. 76-104.

2. Apellyacionnoe postanovlenie Ivanovskogo oblastnogo suda ot 2 oktyabrya 2019 g. po delu № 22-1604/2019 [The Appeal Decision of the Ivanovo Regional Court Dated October 2, 2019 in case No. 22-1604/2019]. *Access from the reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 21 January 2021).

3. Apellyacionnoe opredelenie Lipeckogo oblastnogo suda ot 25 iyunya 2018 g. po delu № 33-2134/20182019 [The Appeal Ruling of the Lipetsk Regional Court Dated June 25, 2018 in case No. 33-2134 / 20182019]. *Access from the reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 21 January 2021).

4. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 7 oktyabrya 2019 g. po delu № 10-13537/20192019 [The Appeal Ruling of the Moscow City Court of October 7, 2019 in Case No. 10-13537 / 20192019]. *Access from reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 1 December 2021).

5. Apellyacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 fevralya 2013 g. po delu № 11-44212019 [Appellate Ruling of the Moscow City Court Dated February 28, 2013 in Case No. 11-44212019]. *Access from the reference legal system «Consultant Plus»* (accessed 21 January 2021).

6. Apellyacionnoe opredelenie Pervogo apellyacionnogo suda obshchej yurisdiksii ot 7 avgusta 2020 g. po delu № 55-1281/20202019 [Appellate Ruling of the First Court of Appeal of General Jurisdiction of August 7, 2020 in Case No. 55-1281/20202019]. *Access from the reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 21 January 2021).

7. Bakanov K.S. Otkaz voditelya transportnogo sredstva ot meditsinskogo osvidetelstvovaniya i ego vzaimosvyaz s potrebleniem narkoticheskikh sredstv [Refusal of a Vehicle Driver From a Medical Examination and its Relationship with Drug Use]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 11, pp. 81-86.

8. Karapetov A.G., Kosarev A.S. Standarty dokazyvaniya: analiticheskoe i empiricheskoe issledovanie [Evidence Standards: Analytical and Empirical Research]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii. Prilozhenie k Ezhemesiachnomu zhurnalu* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. Appendix to the Monthly Magazine], 2019, no. 5. Special issue, pp. 3-96.

9. Naumova T.I., Sivtsev N.I. Problemy kvalifikatsii deyanij, predusmotrennykh st.st. 264 i 264.1 UK [Problems of Qualification of the Acts Under Art. Art. 264 and 264.1 of the Criminal Code]. *Zakonnost* [Legality], 2019, no. 7, pp. 50-52.

10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 10 aprelya 2020 g. № F05-3501/2020 po delu № A41-62541/20192019 [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District of April 10, 2020 No. F05-3501 / 2020 in Case No. A41-62541 / 20192019]. *Access from the reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 21 January 2021).

11. Postanovlenie Pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 1 oktyabrya 2020 g. № 01AP-5380/2020 po delu № A11-14941/20192019 [Ruling of the First Arbitration Court of Appeal of

October 1, 2020 No. 01AP-5380/2020 in Case No. A11-14941 / 20192019]. *Access from the reference legal system «ConsultantPlus»* (accessed 21 January 2021).

12. Smola A.A. Standarty, dokazyvanie i Verhovnyj Sud [Standards, Proof and the Supreme Court]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoi Federatsii* [Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation], 2018, no. 8, pp. 129-165.

13. Posner R.A. *Economic Analysis of Law*. 8th ed. N.Y., 2011.

Information About the Author

Aliya R. Sharipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Bashkir State University, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, nord-wind23@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

Информация об авторе

Алия Рашитовна Шарипова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, nord-wind23@mail.ru, rector@bsunet.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-5577>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.21>

UDC 341.1/8
LBC 67.9

Submitted: 12.01.2021
Accepted: 31.01.2021

INTERNATIONAL INTEGRATION ORGANIZATIONS AND THE SOVEREIGNTY OF MEMBER STATES

Dmitry V. Galushko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the characteristics which are typical for the international integration organizations, generalized both at the doctrinal and normative levels, touches on the phenomenon of supranationality as a modern legal reality of international integration, and considers the basis for the transfer of sovereign powers by states, as the only bearers of sovereignty, to the international integration organizations. The **purpose** of the research is to study and analyze some aspects of the interaction between the international integration organizations and member states in the context of the supranational characteristics of such organizations. **Methods:** as part of the study, both the general scientific methods of cognition and the private legal methods (formal-legal, comparative-legal) were used. **Results:** the paper proves that the international integration organizations are a new reality of the modern system of international relations and international law. The author has established that such organizations have a number of characteristic features that distinguish them from the classical international intergovernmental organizations. As one of these main features, the author analyzes the phenomenon of supranationality, which is largely due to the voluntary transfer of their sovereign powers by the member states in favor of the integration associations. **Conclusions:** in contrast to the participation of states in the international organizations, the membership in the integration associations leads to the restriction of their sovereign rights by states, some of which are transferred to such an association. At the same time, such a transfer cannot be interpreted as their loss or the loss of their sovereign identity, because it's the state who is the bearer of sovereignty. We are talking about the voluntary transfer of certain sovereign powers that can be revoked at any time, which can be seen in the example of the process of Britain's exit from the European Union – Brexit.

Key words: integration, international organizations, membership in international organizations, European Union, sovereignty, delegation, Brexit.

Citation. Galushko D.V. International Integration Organizations and the Sovereignty of Member States. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 137-143. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.21>

УДК 341.1/8
ББК 67.9

Дата поступления статьи: 12.01.2021
Дата принятия статьи: 31.01.2021

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ

Дмитрий Вячеславович Галушко

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва,
Российская Федерация

Введение: в статье анализируются типичные для международных интеграционных организаций признаки, обобщенные как на доктринальном, так и нормативном уровнях, затрагивается феномен наднациональности как современной правовой реальности международной интеграции, рассматриваются основы передачи суверенных полномочий государствами, как единственными носителями суверенитета, международным интеграционным организациям. **Цель** исследования заключается в исследовании и анализе некоторых аспектов взаимодействия международных интеграционных организаций и государств-членов в контексте наднациональных признаков таких организаций. **Методы:** в ходе исследования использовались как общенаучные методы познания, так и частнопроводные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). **Результаты:** в статье обосновано, что международные интеграционные организации являются новой реальностью современной системы международных отношений и международного права. Автором установлено, что такие организации имеют ряд характерных черт, которые отличают их от классических международных межправительственных организаций. В качестве одной из таких главных черт анализируется феномен наднациональности, который во многом обусловлен добровольной передачей государствами-членами своих суверенных полномочий в пользу интеграционных объединений. **Выводы:** в отличие от участия государств в международных организациях, членство в интеграционных объединениях приводит к ограничению государствами своих суверенных прав, часть из которых передаются такому объединению. При этом подобная передача не может трактоваться как их потеря или потеря своей суверенной идентификации, ведь только государство является носителем суверенитета. Речь идет о добровольной передаче определенных суверенных полномочий, которые могут быть в любой момент отозваны, что можно наблюдать на примере процесса выхода Великобритании из Европейского Союза – Брекзита.

Ключевые слова: интеграция, международные организации, членство в международных организациях, Европейский Союз, суверенитет, делегирование, Брекзит.

Цитирование. Галушко Д. В. Международные интеграционные организации и суверенитет государств-членов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 137–143. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.21>

Введение

Новые условия обуславливают необходимость большего соответствия международно-правового регулирования потребностям международного сообщества. Отставание международного права и его системы от развития международных отношений связано также с дроблением международного права на отрасли и возникновение автономных (специальных) режимов [4]. Тем не менее в международном праве уже произошли некоторые изменения, которые во многом являются отражением изменений в международных отношениях, связанных прежде всего с такими проявлениями, как интеграционные тенденции, а следовательно, наднациональность [11], передача суверенных полномочий и формирование интеграционных правопорядков [6]. Причем эти изменения касаются и такой очень консервативной и фундаментальной категории международного права, как его субъектный состав: под воздействием интеграции и появившейся в связи с этим концепции наднациональности [7] возникают новые международные институциональные формы – международные интеграционные

организации, такие, прежде всего, как Европейский Союз, которые все более утверждают себя как особый участник международных экономических отношений, и это требует от исследователей дополнительных усилий по изучению правовых механизмов их функционирования [3], а некоторые ученые уже относят их в отдельную категорию субъектов международного права [1].

Юридические признаки международных интеграционных организаций

До сих пор не выделяется четких критериев для различия «традиционных» (или, иначе, «межправительственных») и «интеграционных» международных организаций. Во-первых, существует проблема определения «традиционной» международной организации. Это становится еще более сложным, потому что они имеют много общих черт, таких как учреждение на основе согласия, правосубъектность, отличная от государств-членов, независимых органов, собственных ресурсов и т. д. [22]. Межправительственные организа-

ции характеризовались как организации, членами которых являются в основном, но не исключительно, национальные государства. Наднациональные организации также основаны преимущественно на членстве национальных государств, но такие организации имеют возможность принимать решения, которые автоматически становятся обязательными для их членов [20, p. 199].

Конструктивно можно выделить следующие отличия. «Наиболее фундаментальными характеристиками “традиционных” межправительственных организаций являются, во-первых, фактическая принадлежность полномочий по принятию решений представителям правительств государств-членов, а во-вторых, по важным вопросам на правительства не могут быть наложены обязательства против их воли» [8]. Межправительственные организации стремятся к сотрудничеству между правительствами и никоим образом не превосходят их [13, p. 55]. В свою очередь, наднациональная организация характеризуется следующими чертами: организация должна иметь полномочия принимать решения, обязательные для исполнения государствами-членами; институты, принимающие решения, не должны полностью зависеть от сотрудничества всех государств-членов; организация должна иметь право устанавливать правила, которые напрямую обязывают граждан государств-членов; организация должна иметь право исполнять свои решения; организация должна иметь некоторую финансовую автономию; односторонний выход из организации невозможен [13, p. 56–57].

Некоторые ученые указывают, что классический «межправительственный» подход характеризуется сохранением и осуществлением государствами-членами своей автономной суверенной власти в соответствии с правом, установлением совместной политики или принятием совместных решений при добровольном сотрудничестве в продвижении общих целей. Когда суверенные государства добровольно сотрудничают для достижения рыночной интеграции и других общих целей, то это часто называют «либеральным межправительственным подходом», основываясь на анализе, представленном в 1993 году известным ученым Андре Моравчиком [21].

В то же время термин «наднациональный» используется для характеристики централизованных и централизирующихся черт институциональной системы, прежде всего, ЕС. Как отмечается, Европейский Союз наверняка никогда не станет национальным государством и входящие в его состав государства-члены обязательно сохранят большинство своих суверенных характеристик, при этом вполне обоснованно можно называть ЕС наднациональной правовой структурой *sui generis* [16, p. 82]. Этому же мнению придерживается бывший судья Суда ЕС Коэн Ленертс, который также заключает, что термин «наднациональный» наиболее точно характеризует ЕС благодаря нескольким важным признакам: наличие институтов, независимых по составу и работе; использование процедур принятия решений большинством голосов, которые, тем не менее, являются обязательными для всех государств-членов; выполнение принятых решений учреждениями ЕС или под их контролем; создание в соответствии с договорами и подзаконными актами прав и обязанностей, обеспеченных возможностью применения принудительных мер [18].

Некоторые исследователи считают, что различие между двумя видами международных организаций следует проводить в соответствии с функциональным основанием. Утверждается, что «организации, чьей функцией является сотрудничество, соответственно, оставляют нетронутой базовую структуру современного международного сообщества, состоящего из суверенных государств», в то время как «организации, чьей функцией является интеграция, несут ответственность за сближение своих государств-членов, беря на себя некоторые из их функций, вплоть до слияния их в единое целое в секторе, в котором они осуществляют свою деятельность, то есть в сфере их компетенции» [5]. Одновременно с этим определенные важные функции государств (например, законодательная) будут выполняться органами такой организации от имени органов государств и от их имени [12, p. 55].

По мнению профессора Т.Н. Нешатаевой, характерной чертой наднациональных организаций является передача им государствами-членами суверенных функций: а) по

управлению не только экономическими отношениями государств-членов, но и межхозяйственными связями физических и юридических лиц, имеющих гражданство этих государств-членов или действующих на их территории; б) по осуществлению международного взаимодействия с другими участниками международных экономических отношений, имея в виду, что суверенитет – верховенство власти внутри страны и ее независимость на внешней арене. Делается вывод, что наднационализм в широком смысле – это добровольное ограничение суверенной компетенции государственной власти. В основе такого ограничения – экономически обоснованный прагматизм, направленный на объединение хозяйственных ресурсов ради прогресса и развития [9].

Еще в 1982 году Джозеф Вейлер выделил две грани наднациональности: нормативную и в отношении принятия решений (цит. по: [10]). Состав обоих этих терминов может включать факторы, которые могут быть сформулированы на достаточном уровне обобщения, чтобы служить критериями для оценки прогресса или регресса двух конкретных аспектов наднациональности [24, p. 51].

На примере Европейского Союза профессор Кембаев выделяет следующие четыре критерия наднациональности. Во-первых, передача суверенных полномочий и, следовательно, возможность принимать решения, обязательные для государств-членов. Во-вторых, принятие таких решений не полностью зависит от сотрудничества государств-членов. Таким образом, решения принимаются взвешенным большинством голосов и независимыми лицами в учреждениях. В-третьих, верховенство и прямое действие права ЕС и способность обеспечивать его соблюдение. В-четвертых, финансовая автономия [17, p. 15–16].

Передача суверенных полномочий государств международным интеграционным организациям

Суверенитет все еще остается в современном международно-правовом регулировании важнейшим элементом правовой реальности и фактически юридическим символом

государства, а современное международное право не содержит норм, запрещающих государствам ограничивать свой суверенитет на добровольных началах, тем не менее, объем и характер такого ограничения является весьма дискуссионным [2]. Как отмечается в современной доктрине, ключевыми вопросами в современном международно-правом дискурсе являются способ надления международной организации полномочиями, а также объем и вид тех полномочий, которыми государства наделяют такую международную организацию [15].

Д. Саароши отмечает, что в современной доктрине и в практике международных организаций:

во-первых, используется разная терминология для раскрытия содержания правовых отношений, возникающих между государствами как основными субъектами современного международного права и международными организациями в момент создания, например, цессия полномочий (*ceding of powers*), отчуждение полномочий (*alienation of powers*), трансфер полномочий (*transfer of powers*), делегирование полномочий (*delegation of powers*), передача суверенитета (*conferral of sovereignty*) и т. д.;

во-вторых, хотя эти термины употребляются взаимозаменяемо, они фактически определяют разный уровень надления международной организации компетенцией и в значительной степени зависят от объема и содержания тех полномочий, которые государства-члены предоставляют международной организации;

в-третьих, разнообразие отношений по надлению международной организации полномочиями колеблется от отношений представительства или поручения (*agency relationship*) через институт делегирования полномочий от государств к международной организации и до передачи полномочий международной организации, причем вид и объем полномочий, которыми наделяется международная организация, могут быть весьма различными;

в-четвертых, наиболее общим термином, который охватывает все правовые отношения, возникающие между международной организацией и государствами, которые ее создают, является «передача полномочий» (*conferral of powers*) [23].

Под делегированием в публичном праве понимают правовой акт, в результате которого носитель полномочий государства, следовательно, само государство или один из его органов переносят собственную компетенцию полностью или определенную ее часть на другие субъекты [14]. В частности, в деле *Meroni* четко сформулировано положение о запрете презумпции делегирования полномочий: «Делегирование полномочий нельзя презюмировать. Даже если уполномоченный делегировать должен принять решение о делегировании полномочий» [19].

Юридическим признаком передачи полномочий является предоставление суверенных прав международной организации, при этом они автоматически не изымаются из предметной области регулирования государства-члена, более того, адресатом переданных полномочий выступает международная организация.

Выводы

В заключение следует отметить, что членство государства в международных интеграционных организациях неразрывно связано с вопросом реализации государством своего суверенитета на международной арене. Передача суверенных полномочий государства было и остается необходимым условием его участия в формировании международных интеграционных организаций. В контексте участия государств в международных интеграционных процессах реализация государственного суверенитета как во внешнеполитическом, так и внутренне-правовом измерениях обусловлена необходимостью достижения их общих интеграционных целей, что, в свою очередь, обуславливает зависимость объема компетенции международных интеграционных организаций от воли государств, которая, с другой стороны, на современном этапе развития международных отношений выходит за рамки национальных границ и интересов. Тем самым, членство в международной интеграционной организации может уменьшить объем суверенных полномочий государства на основе механизма их делегирования, однако, их отзыв, как, впрочем, и решение перестать быть частью такого интеграционно-

го объединения, по-прежнему находится в суверенной власти соответствующего государства, что, между прочим, можно проследить на примере процесса выхода Великобритании из Европейского Союза – Брекзита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бекашев, К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? / К. А. Бекашев // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 11. – С. 14–16.
2. Бирюков, М. М. Европейское право до и после Лиссабонского договора / М. М. Бирюков. – М.: Научная книга, 2010.
3. Волова, Л. И. Правовой статус региональных интеграционных объединений / Л. И. Волова // Российский ежегодник международного права 2012. – СПб., 2013. – С. 96–107.
4. Кислицына, Н. Ф. Развитие системы международного права на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кислицына Наталия Феликсовна. – М., 2010.
5. Михалева, Т. Н. Правовые основания создания и функционирования межгосударственных интеграционных объединений / Т. Н. Михалева // Право и государство. – 2018. – № 3-4. – С. 90–101.
6. Моисеев, А. А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве : в контексте глобализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Моисеев Алексей Александрович. – М., 2007.
7. Моисеев, А. А. Надгосударственность в международном праве / А. А. Моисеев // Государство и право. – 2007. – № 8. – С. 67–73.
8. Мысливский, П. П. Признаки и определение понятия «Наднациональная международная организация» / П. П. Мысливский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6-1. – С. 364–367.
9. Нешатаева, Т. Н. Интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // Российское правосудие. – 2014. – № 9. – С. 243–248.
10. Стрежнева, М. В. Наднациональность и принцип субсидиарности в ЕС и за его пределами / М. В. Стрежнева // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 6. – С. 5–14.
11. Шпакович, О. Н. Наднациональность в праве международных организаций / О. Н. Шпакович // Вестник международных организаций. – 2012. – № 2. – С. 133–143.
12. *Abi-Saab, G. The Concept of International Organization / G. Abi-Saab. – Paris : UNESCO, 1981.*

13. Blokker, N. M. *International Institutional Law: Unity Within Diversity*, Fifth Revised Edition / N. M. Blokker, H. G. Schermers. – Leiden : BRILL, 2011.

14. Bradley, C. A. *The Concept of International Delegation* / C. A. Bradley, J. G. Kelley // *Law and Contemporary Problems*. – 2008. – № 71. – P. 1–36.

15. Erne, J. *Conferral of Powers by States as a Basis of Obligation of International Organisations* / J. Erne // *Nordic Journal of International Law*. – 2009. – Vol. 78, Iss. 2. – P. 177–199. – DOI: <https://doi.org/10.1163/157181009X431749>.

16. Goebel, R. J. *Supranational? Federal? Intergovernmental? The Governmental Structure of the European Union After the Treaty of Lisbon* / R. J. Goebel // *Columbia Journal of European Law*. – 2013. – № 20. – P. 77–142.

17. Kembayev Z. *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area* / Z. Kembayev. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2010.

18. Lenaerts, K. *Constitutional Law of the European Union* / K. Lenaerts, P. Van Nuffel, R. Bray. – London : Sweet & Maxwell, 2010.

19. Merone & Co., *Industrie Metallurgische, SpA v High Authority of the European Coal and Steel Community: Judgment of the Court of 13 June 1958 – Case 9-56*. – English special edition, 1957-1958, 00133.

20. Miles, E. *Organizations and Integration in International Systems* / E. Miles // *International Studies Quarterly*. – 1968. – Vol. 12, № 2, – P. 196–224.

21. Moravcsik, A. *Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach* / A. Moravcsik // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. – 1993. – № 31. – P. 473–524. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x>.

22. Rosenberg, A. *International Interaction: A Preliminary Proposed Taxonomy of International Organizations* / A. Rosenberg // *International Associations*. – 1967. – № 11. – P. 721–730.

23. Sarooshi, D. *Some Preliminary Remarks on the Conferral by States of Powers on International Organizations* / D. Sarooshi. – New York : New York University School of Law, 2003.

24. Weiler, Joseph H. H. *Supranational Law and the Supranational System : Legal Structure and Political Process in the European Community* / Joseph H. H. Weiler. – Florence : European University Institute, 1982.

REFERENCES

1. Bekjashev K.A. EAJeS: mezhdunarodnaya (mezghosudarstvennaya) organizatsiya ili mezhdunarodnoe (mezghosudarstvennoe) integracionnoe obedinenie? [EAEU: International (Interstate) Organization or International (Interstate) Integration Entity]. *Evrazijskij*

yuridicheskij zhurnal [Eurasian Law Journal], 2014, no. 11, pp. 14-16.

2. Birjukov M.M. *Evropejskoe pravo do i posle Lissabonskogo dogovora* [European Law Before and After the Lisbon Treaty]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ., 2010.

3. Volova L.I. *Pravovoj status regionalnykh integratsionnykh obedinenij. Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava 2012* [Russian Yearbook of International Law], Saint Petersburg, 2013, pp. 96-107.

4. Kislicyna N.F. *Razvitie sistemy mezhdunarodnogo prava na sovremennom etape: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Development of the System of International Law at the Present Stage. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2010.

5. Mihaleva T.N. *Pravovye osnovaniya sozdaniya i funktsyonirovaniya mezghosudarstvennykh integratsionnykh obedinenij* [Legal Grounds for the Creation and Functioning of Interstate Integration Associations]. *Pravo i gosudarstvo* [Law and State], 2018, no. 3-4, pp. 90-101.

6. Moiseev A.A. *Sootnoshenie suvereniteta i nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave: v kontekste globalizatsyi: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [The Ratio of Sovereignty and Supranationality in Modern International Law: in the Context of Globalization: Doc. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007.

7. Moiseev A.A. *Nadgosudarstvennost v mezhdunarodnom prave* [Supranationality in International Law]. *Gosudarstvo i pravo* [Law and State], 2007, no. 8, pp. 67-73.

8. Myslivskij P.P. *Priznaki i opredelenie ponyatiya «Nadnatsyonalnaya mezhdunarodnaya organizatsiya»* [Signs and Definition of the Concept of “Supranational International Organization”]. *Gumanitarnye, sotsyalno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, Socio-economic, and Social Sciences], 2015, no. 6-1, pp. 364-367.

9. Neshataeva T.N. *Integratsiya i nadnatsyonalizm* [Integration and Supranationality]. *Rossijskoe pravosudie* [Russian Justice], 2014, no. 9, pp. 243-248.

10. Strezhneva M.V. *Nadnatsyonalnost i printsyp subsidiarnosti v ES i za ego predelami* [Supranationality and the Principle of Subsidiarity in the EU and Beyond]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 6, pp. 5-14.

11. Shpakovich O. N. *Nadnatsyonalnost v prave mezhdunarodnykh organizatsij* [Supranationality in the Law of International Organizations]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij* [Herald of International Organizations], 2012, no. 2, pp. 133-143.

12. Abi-Saab G. *The Concept of International Organization*. Paris, UNESCO, 1981.

13. Blokker N.M., Schermers H.G. *International Institutional Law: Unity Within Diversity, Fifth Revised Edition*. Leiden, BRILL, 2011.

14. Bradley C.A., Kelley J.G. The Concept of International Delegation. *Law and Contemporary Problems*, 2008, no. 71, pp. 1-36.

15. Erne J. Conferral of Powers by States as a Basis of Obligation of International Organisations. *Nordic Journal of International Law*, 2009, vol. 78, iss. 2, pp. 177-199. DOI: <https://doi.org/10.1163/157181009X431749>.

16. Goebel R.J. Supranational? Federal? Intergovernmental? The Governmental Structure of the European Union After the Treaty of Lisbon. *Columbia Journal of European Law*, 2013, no. 20, pp. 77-142.

17. Kembayev Z. *Legal Aspects of the Regional Integration Processes in the Post-Soviet Area*. Berlin; Heidelberg, Springer, 2010.

18. Lenaerts K., Nuffel P. Van, Bray R. *Constitutional Law of the European Union*. London, Sweet & Maxwell, 2010.

19. Merone & Co., *Industrie Metallurgische, SpA v High Authority of the European Coal and*

Steel Community: Judgment of the Court of 13 June 1958 – Case 9-56. English special edition, 1957-1958, 00133.

20. Miles E. Organizations and Integration in International Systems. *International Studies Quarterly*, 1968, vol. 12, no. 2, pp. 196-224.

21. Moravcsik A. Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 1993, no. 31, pp. 473-524. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x>.

22. Rosenberg A. International Interaction: A Preliminary Proposed Taxonomy of International Organizations. *International Associations*, 1967, no. 11, pp. 721-730.

23. Sarooshi D. *Some Preliminary Remarks on the Conferral by States of Powers on International Organizations*. New York, New York University School of Law, 2003.

24. Weiler Joseph H.H. *Supranational Law and the Supranational System: Legal Structure and Political Process in the European Community*. Florence, European University Institute, 1982.

Information About the Author

Dmitry V. Galushko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Operations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Leningradskiy Prosp., 49, 125993 Moscow, Russian Federation, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

Информация об авторе

Дмитрий Вячеславович Галушко, кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), Ленинградский просп., 49, 125993 г. Москва, Российская Федерация, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.22>

UDC 347.918.2
LBC 67.410.14

Submitted: 13.01.2021
Accepted: 04.02.2021

THE EXTENSION OF THE ARBITRATION CLAUSE TO NON-SIGNATORIES: LESSONS FROM COMPARATIVE LAW ¹

Ekaterina P. Rusakova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Edgar J. Young Dominguez

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: is it possible for a legal entity or individual who has not signed a contract containing the arbitration clause to take precedence of initiating arbitration against the signatory legal entity or individual, or vice versa, to be involved in the legal proceedings by other persons? The paper discusses this issue and examines it from the point of view of several theories, within the framework of comparative law, accepted for the extension of the arbitration clause to non-signatories. The **purpose** of the research is achieved by solving a number of tasks: to identify recurrent cases when an arbitration agreement was extended to a party that did not formally sign any arbitration agreement; to analyze the scenarios where such extension was accepted in different jurisdictions, as well as the facts and legal basis for this. **Methodology:** the paper uses a comparative method of analyzing the legal framework and court decisions, and the arbitral awards from different jurisdictions allow us to understand the degree of acceptability of the theories related to the extension of the arbitration clause to non-signatories. The **results** of the research can be used to determine the key circumstances of arbitration – whether the non-signatory party can be included in the arbitration either being initiated or already commenced. **Conclusions:** although there are various legal theories that have created a number of possibilities for extending the arbitration clause, such theories have a greater or lesser degree of acceptance depending on the arbitration law adopted by each country, the agreement of the parties, the arbitration rules chosen by the parties, the applicable law to the contract and, in some cases, the arbitration law at the legal venue. In addition, it will be necessary to analyze whether the non-signatory party is actually a party to the arbitration agreement, the relationship on the merits of the dispute, the interest and participation in the performance of the contract, and the application of the principle of good faith.

Key words: agency agreement, arbitration clause, incorporation by reference, guarantees, mandate agreement, alter-ego doctrine, group of companies doctrine, the doctrine of piercing the corporate veil, international arbitration, acquiescence, non-signatories, representation, acceptance, extension, consent, third-party beneficiary, estoppel.

Citation. Rusakova E.P., Young Dominguez E.J. The Extension of the Arbitration Clause to Non-Signatories: Lessons from Comparative Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 144-154. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.22>

УДК 347.918.2
ББК 67.410.14

Дата поступления статьи: 13.01.2021
Дата принятия статьи: 04.02.2021

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АРБИТРАЖНОЙ ОГОВОРКИ НА НЕ ПОДПИСАВШИЕ ЕЕ СТОРОНЫ: УРОКИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА ¹

Екатерина Петровна Русакова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Эдгар Хосуэ Йонг Домингес

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация

Введение: возможно ли, чтобы юридическое или физическое лицо, не подписавшее договор, содержащий арбитражную оговорку, имело преимущественное право на инициирование арбитража против подписавшего его юридического или физического лица, или наоборот было привлечено к судебному разбирательству другими лицами? Настоящая статья посвящена данному вопросу и рассматривает его с точки зрения нескольких теорий, в рамках сравнительного права, принятых для распространения арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны. **Цель** настоящего исследования достигается путем решения ряда задач: выявить повторяющиеся случаи, когда арбитражное соглашение было распространено на сторону, которая с формальной точки зрения не подписала никакого арбитражного соглашения; проанализировать сценарии, когда такое распространение было принято в различных юрисдикциях, а также факты и правовую базу для этого. **Методология:** в настоящей статье применяется сравнительный метод анализа нормативно-правовой базы и судебных решений, а арбитражные решения различных юрисдикций позволяют понять степень приемлемости теорий, связанных с распространением действия арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны. **Результаты** исследования могут быть использованы для определения ключевых обстоятельств арбитражного разбирательства – может ли не подписавшая ее сторона быть включена в инициируемый или уже начавшийся арбитраж. **Выводы:** несмотря на то, что существуют различные правовые теории, создавшие целый ряд возможностей для расширения арбитражной оговорки, такие теории имеют большую или меньшую степень признания в зависимости от законодательства об арбитраже, принятого каждой страной, соглашения сторон, выбранного сторонами арбитражного регламента, применимого права к договору и, в некоторых случаях, законодательства об арбитраже в месте рассмотрения спора. Кроме того, потребуется провести анализ того, действительно ли сторона, не подписавшая арбитражное соглашение, является стороной арбитражного соглашения, о связи по существу спора, об интересе и участии в исполнении договора и о применении принципа добросовестности.

Ключевые слова: агентский договор, арбитражная оговорка, включение путем ссылки, гарантии, договор поручения, доктрина «альтер-эго», доктрина «группы компаний», доктрина «снятия корпоративной вуали», международный арбитраж, молчаливое согласие, не подписавшие стороны, представительство, принятие, распространение, согласие, сторонний бенефициар, эстоппель.

Цитирование. Русакова Е. П., Йонг Домингес Э. Х. Распространение арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны: уроки сравнительного права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 144–154. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2021.1.22>

Введение

Большинство коммерческих операций и сделок представляют собой сложную сеть из нескольких сторон и контрактов. В настоящее время сложность контрактов возросла в результате сложных коммерческих сделок, во многих случаях связанных с множественностью сторон, контрактов, субподрядов, уступок, что приводит к столь же сложным арбитражным разбирательствам. Часто стороны варьируются при ведении переговоров, подписании контракта или выполнении проекта. Сторона, участвующая в переговорах по контракту, не обязательно должна участвовать в его исполнении. Возможно, что сторона, участвующая в исполнении договора или его части, не является формальной (подписавшей) стороной договора, и по данной причине требования о правах и обязательствах должны быть предъявлены через них. Это могут быть случаи, когда сторона, уча-

ствующая в договоре, не обязательно является стороной, подписавшей договор, содержащий арбитражную оговорку, на которой основан арбитраж.

Согласие на арбитраж рассматривается в качестве неперемного или *sine qua non* условия как в национальном, так и международном арбитраже. Поэтому привлечение сторон, не подписавших соглашение, к арбитражной процедуре по-прежнему является спорной, но интересной темой для анализа и обсуждения, имеющей значительную практическую ценность. Распространение действия арбитражной оговорки на сторону, не подписавшую соглашение или договор, влечет за собой логическое следствие – передачу спора в третейский суд, когда это прямо не предусмотрено, ставя под сомнение в некоторой степени основные принципы, на которых основывается арбитражное законодательство, такие как: принцип относительности договора и принцип автономии сторон.

На практике объединение сторон, подписавших и не подписавших соглашение, в рамках одного арбитражного процесса обеспечивает более высокую скорость, меньшую стоимость и позволяет избежать принятия противоречивых и несправедливых решений. Такое объединение или консолидация корпорации или физического лица в арбитражном процессе не меняет правовой природы процедуры, оно просто укрупняет истца или ответчика, что может быть полезно с точки зрения стратегии. В качестве наступательной стратегии истец может пожелать привлечь достаточные средства для обеспечения исполнения арбитражного решения путем добавления к процедуре материнской компании ответчика. В качестве защитной стратегии ответчик может захотеть воспользоваться арбитражной оговоркой, чтобы избежать судебного разбирательства в суде присяжных.

1. Молчаливое согласие или принятие

При анализе молчаливого согласия арбитры должны постоянно наблюдать за действиями сторон: в ходе переговоров, заключения, исполнения и расторжения договора. Это может дать некоторое представление о сфере охвата, актуальности и участии не подписавшего арбитражное соглашение лица, а также о том, может ли оно рассматриваться в качестве стороны арбитражного соглашения. Молчаливое согласие может вытекать из участия не подписавших сторон в основной правовой деятельности и осведомленности о существовании арбитражного соглашения.

В отличие от других правовых систем, французские суды положительно относятся к распространению арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны, как это видно в следующих случаях: *Amkor*, *Suba France* и *Kosa France*.

В деле *Alcatel Business System (ABS) v. Amkor* [3] Французский кассационный суд постановил, что арбитражное соглашение может быть распространено на одну из дочерних компаний, основываясь на ее поведении и участии, для включения в арбитражное разбирательство, и что *Amkor* не может оспаривать компетенцию арбитражного суда, ссылаясь на

неосведомленность о существовании арбитражного соглашения.

В деле *Suba France v. Pujol* [32] Апелляционный суд Парижа постановил, что решение арбитров распространить действие арбитражного соглашения на компанию *Suba & Unico* было действительным до тех пор, пока она принимала непосредственное участие в исполнении контракта, содержащегося в соглашении; он также определил, что арбитражная оговорка, содержащаяся в международном договоре, обладая собственной действенностью и эффективностью, должна быть распространена на стороны, непосредственно вовлеченные в исполнение договора, и соответственно должна быть связана с дальнейшим результатом арбитражного решения.

В деле *Kosa France* [27, р. 580] Апелляционный суд Парижа подтвердил данные прецеденты в том смысле, что признание арбитражной оговорки наряду с активной ролью в исполнении договора равносильно молчаливому согласию или принятию от не подписавшей его стороны.

В деле *Mécaniques de Normandie* [30, р. 1098] Кассационный суд Франции постановил, что «действия международной арбитражной оговорки распространяется на подрядчика, который был осведомлен о ее существовании, когда заключил собственный контракт и непосредственно участвовал в исполнении основного контракта», и «международная арбитражная оговорка между заказчиком и подрядчиком распространяется и на субподрядчика, знавшего о ее существовании, при заключении собственного контракта без необходимости ее особого принятия с его стороны».

Тем не менее подход европейских судов к определению достаточной степени участия компаний в рамках молчаливого согласия не подписавших сторон может быть различным. Это прекрасно иллюстрируют диаметрально противоположные решения по делу *Dallah Real Estate and Tourism* в английских [10] и французских судах [14].

В Соединенных Штатах Америки суды и научные круги чаще используют термин «принятие» для обозначения «молчаливого согласия» в том смысле, что именно не подписавшая сторона принимает на себя обязательства подписавшей арбитражную оговорку стороны.

Принятие как форма правового основания отражено в деле *Thomson-CSF* [36], где заявлялось, что в отсутствие подписи сторона может быть связана арбитражной оговоркой, если ее последующее поведение указывает на то, что она берет на себя обязательство об арбитраже. В этом смысле американские суды также принимают во внимание поведение стороны, просто в более широком или общем плане, если сравнивать с подходом Международной торговой палаты (МТП).

2. Доктрина «группы компаний»

Доктрина «группы компаний» была принята лишь некоторыми европейскими юрисдикциями для подтверждения согласия не подписавшей третьей стороны на арбитражную оговорку и установления ответственности, когда коммерческие операции не подписавшей третьей стороны и подписавшей стороны тесно взаимосвязаны. Это означает, что два юридических лица, даже если они формально разделены, могут рассматриваться как единое целое, поскольку они ведут коммерческие операции таким тесным образом, что одно из них осуществляет контроль над другим.

Доктрина «группы компаний» зародилась во Франции в 1987 г. благодаря делу *Dow Chemical v. Isover Saint Gobain*, ставшему одним из первых знаковых и спорных случаев распространения арбитражной оговорки в международном коммерческом арбитраже.

В данном случае *Dow Chemical Co.* осуществляла прямой контроль над своими дочерними компаниями, с тем чтобы материнская компания была эффективно вовлечена в переговоры, исполнение и расторжение контракта. Сторона продавцов не придавала существенного значения тому, с какой компанией из группы *Dow Chemical* они имеют дело, так как все компании попеременно участвовали в качестве группы для распределения продуктов во Франции. Суд определил, что компании *Dow Chemical* были частью одной экономической реальности и действовали при заключении и исполнении контракта как группа, поэтому их следует рассматривать как сторону арбитражного соглашения.

Арбитражным судом в данном случае установлено, что, хотя каждая компания в

группе обладает своей правосубъектностью, «арбитражная оговорка, прямо принятая некоторыми компаниями группы компаний, должна считаться обязательной для других компаний с учетом их роли в заключении, исполнении или расторжении контрактов, содержащих такие оговорки, и в соответствии с общим намерением сторон участвовать в арбитражном процессе, являясь действительными сторонами или главным образом связанными с контрактами и спорами, вытекающими из них» [17, р. 464].

Во Франции доктрина «группы компаний» с тех пор настолько широко распространилась, что Апелляционный суд определил ее как «признанный закон» в деле *Société Sponsor A.B. v. Ferdinand Louis Lestrade* [29, 153].

Верховный суд Испании использовал данную доктрину в деле *ITSA v. Satcan & BBVA* [19]. Наконец, Федеральный суд Швейцарии недавно «значительно смягчил свою судебную практику» по этому вопросу [15, р. 351].

Ряд решений МТП впоследствии поддержал данную позицию, например, решения МТП № 5103, 5721, 7604, 7610, 8385, 9517, 9719 и 11209.

Тем не менее данная доктрина не была полностью признана некоторыми правовыми системами, такими как Швейцария, Нидерланды и Германия, из-за их традиционного конституционного и процессуального законодательства. Гражданские суды признали критические замечания, но сочли себя не вправе принимать данную доктрину из-за конституционных и процессуальных препятствий [16, р. 11]. Швейцария, в частности, не приняла доктрину «группы компаний», однако швейцарские суды разрешили распространение оговорки на не подписавших ее лиц на основании фактического анализа дела и активного участия компании в исполнении контракта.

В США доктрина «группы компаний» имеет ограничительный подход. В деле *Sarhank Group v. Oracle Corporation* [38] третейский суд применил доктрину «группы компаний», заявив, что «хотя дочерние компании одной группы компаний представляют собой отдельные юридические лица, они считаются участниками арбитражной оговорки, включенной в любую сделку, либо являются

ее сторонами по условиям договора, поскольку договорные отношения не могут иметь место без согласия материнской компании, владеющей товарным знаком и осуществляющей сделки». Окружной суд счел обязательным для себя данное постановление, однако апелляционный суд отменил данное решение на основании соображений публичного порядка и не допустил потенциального распространения данной доктрины.

Несмотря на интересные юридические дебаты в течение последних десятилетий, английские суды также имеют в целом ограничительный подход, когда речь заходит о принятии доктрины «группы компаний». В деле *Peterson Farms Inc v. C & M Farming* [23] Высокий суд отклонил доктрину «группы компаний», заявив, что выявление сторон соглашения является вопросом материального, а не процессуального права и что «доктрина «группы компаний» не является частью английского права», предполагая ограничительный подход в этом вопросе. Внимательный анализ этого дела может свидетельствовать о том, что его аргументация в большей степени основывается на цели «отрицания косвенного ущерба», чем на доктрине «группы компаний» [22, p. 581].

В деле *Roussel-Uclaf v. Searle* [26, 225] английские суды приняли эту доктрину на основе «здравого смысла». В данном случае истец подал иск не только против материнской компании, подписавшей лицензионное соглашение с компанией Searle, имеющее арбитражную оговорку, но и против дочерней компании. Высокий Суд Англии постановил, что дочерняя компания, претендующая на получение выгоды от арбитражного соглашения, стороной которого она не является, имеет право на приостановление судебного разбирательства в пользу арбитража. Однако в 2008 г. по делу *City of London v. Sancheti* [8] английский Апелляционный суд отменил решение *Roussel-Uclaf v. Searle*, вновь подтвердив свой ограничительный подход.

3. Представительство, агентский договор или договор поручения

Представительство, агентский договор или договор поручения в качестве теории для

распространения арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны значительно укрепились в Европе. В основе данной теории лежит договор поручения, согласно которому одна его сторона берет на себя обязательство перед другой стороной подписать от имени последней договор, содержащий арбитражную оговорку. Третьей суды сочли, что агент не является связанной стороной в рамках договора, поскольку юридическую ответственность несет не подписавшая сторона. Основополагающий момент здесь заключается в отношении поручения между подписавшей и не подписавшей сторонами, которые могут возникнуть с помощью или без представительства, но из чего следует, что в связи с участием подписанта не подписавшая соглашение сторона становится истинной заинтересованной стороной в рамках правовых и экономических отношений и, следовательно, в конечном результате арбитражного решения.

В Соединенных Штатах в деле *Thomson-CSF* [36] Второй окружной суд отметил, что в соответствии с Федеральным законом об арбитраже он неизменно заявлял, что не подписавшая сторона может быть связана арбитражным соглашением в соответствии с общими принципами договорного права и что «общие принципы агентского права могут связать не подписавшую сторону арбитражным соглашением».

Ведутся споры о том, необходимо ли прямое разрешение со стороны принципала, где бы указывалось, что агент имеет право принять арбитражную оговорку. Такие споры не получили широкой поддержки, поскольку право, применимое к арбитражному соглашению, варьируется в зависимости от места его проведения, а также разнятся положения, касающиеся полномочий в рамках договора поручения и вытекающих из него. Например, швейцарское законодательство требует, чтобы принципал прямо устанавливал полномочия агента на подписание арбитражного соглашения от его имени; австрийское законодательство также требует, чтобы указанное разрешение было выдано в письменной форме. В то время как во Франции, Италии и Германии письменное разрешение не является обязательным по закону.

4. Доктрина «альтер-эго» или «снятия корпоративной вуали»

Третейский суд вправе пренебречь отдельной и независимой правосубъектностью организации и распространить арбитражное соглашение на скрытых третьих лиц для предупреждения и/или предотвращения мошенничества, злоупотребления правом, независимо от того являются ли лица членами одной группы или нет, если одна организация осуществляет контроль над другой и использует ее как марионетку или подставную компанию [12, р. 160]. Именно такое злоупотребление позволяет сделать исключение из принципов разделения активов и того, что никто не несет обязательств без собственного согласия. Мошеннические организации могут рассматриваться как единое целое для защиты другой стороны от недобросовестности.

Французские и американские суды в нескольких случаях «сняли» или «прокололи корпоративную вуаль», наметив тенденцию принимать данную теорию. Несмотря на это, обе юрисдикции подчеркивали необходимость применения данной доктрины только в исключительных случаях, когда основополагающее единство интересов и права собственности является настолько очевидным, что подчиняет себе разделение юридических лиц в целях предотвращения мошенничества или несправедливости.

В Соединенных Штатах доктрина «альтер-эго» или «снятия корпоративной вуали» была признана в таких делах, как *Thomson-CSF* [36] и *Rolls Royce* [25, 879], показав, что в некоторых случаях корпоративные отношения между материнской и дочерней компаниями достаточно тесные, чтобы оправдать «прокалывание корпоративной вуали» и привлечение одной корпорации к юридической ответственности за действия другой. Данная позиция подтвердилась в деле *Oriental Commercial* [21], когда американский суд заявил, что «для применения доктрины «альтер-эго», чтобы оправдать игнорирование корпоративного образования, суд должен определить, что существует такое единство интересов и собственности, что отдельные лица корпораций больше не существуют и что несоблюдение корпоративной формы приведет к мошенничеству или несправедливости».

Английские суды, с другой стороны, имели тенденцию избегать «снятия» или «прокалывания корпоративной вуали», если только корпоративная вуаль и самостоятельная правосубъектность не являются лишь обманом или фасадом, как было продемонстрировано в делах *Woolfson* [39], *Adams v. Cape Industries* [2] и *Acatos* [1]. В Швейцарии и Германии суды подходят к данному вопросу с осторожностью, поскольку он предполагает противоречие принципу самостоятельной правосубъектности, и пришли к выводу о необходимости применения данной доктрины лишь в исключительных обстоятельствах.

5. Включение путем ссылки

Ссылка в договоре на любой документ, содержащий арбитражную оговорку, представляет собой арбитражное соглашение в письменной форме, при условии, что ссылка такова, что делает эту оговорку частью договора [37]. Включение путем ссылки признается арбитражными судами в той мере, в какой она подразумевает, что две стороны заключили договор, ссылаясь на другой договор, содержащий арбитражную оговорку. Таким образом, если договор или документ, включенный посредством ссылки, содержит арбитражную оговорку, то он будет являться частью прав и обязанностей сторон. Согласно данной теории не подписавшей стороне разрешается обращаться в арбитраж против подписавшей соглашение стороны при условии, что обе стороны заключили договор, где упоминается и включается арбитражное соглашение. Как правило, для арбитров этого достаточно, когда ссылка на арбитражное соглашение является прямой, проблема же возникает, когда ссылка на документ не является прямой. Включение путем ссылки, как правило, применяется в строительных договорах и контрактах, чтобы облегчить осуществление сделок или в тех случаях, когда имеется несколько договоров, но в конечном счете ссылка делается на договор, содержащий арбитражную оговорку, поэтому ссылка на такой договор охватывает арбитражную оговорку.

В прецедентном праве Соединенных Штатов это толковалось как случай, когда сторона, не подписавшая арбитражное соглаше-

ние, заключила иной договор с одной из сторон, в соответствии с которым она «приняла на себя все обязательства и привилегии, вытекающие из арбитражного соглашения», или когда арбитражная оговорка прямо включена в коносамент, и в этом случае не подписавшие стороны, которые имеют отношение к последнему документу на основании общих принципов, могут быть юридически связаны с последним. В деле *Thomson-CSF* [36] было указано, что «не подписавший может потребовать провести арбитражное разбирательство против стороны арбитража, когда эта сторона вступила в отдельные договорные отношения с не подписавшим, которые включают существующую арбитражную оговорку».

Французская сторона придерживается весьма ограничительного подхода, требуя прямой ссылки, как видно из дела *Vomar Oil N.V. – ETAP* [13], где указано, что Нью-Йоркская конвенция не исключает принятия арбитражной оговорки путем ссылки на отдельный документ. Однако, согласно французскому законодательству, наличие такой оговорки должно быть указано в договоре, если только стороны не поддерживают регулярные отношения, которые приводят к тому, что стороны полностью осведомлены обо всех условиях, регулирующих их предпринимательскую деятельность. В деле *Psichikon* [24] Кассационный суд Франции постановил, что простая ссылка в коносаменте на договор фрахтования, стороной которого не являлся судовладелец, не может служить основанием для установления того, что арбитражная оговорка была принята получателем. В деле *Crouzier* [7] было решено, что сам факт того, что арбитражная оговорка не упоминается в договоре, но есть простая ссылка на стандартные условия, не является достаточным для установления существования действительной арбитражной оговорки, и что прежде чем определять недостаточность необходимо понять, знала ли сторона, оспаривающая ссылку, о стандартных условиях, и если да, то признала ли она их своим молчанием.

Английские суды также, как правило, имеют ограничительный подход. Высокий суд Англии в деле *Mc Alpine* [4] постановил, что для достижения согласия по арбитражной оговорке, включенной в отдельный договор, эта

оговорка должна быть прямо упомянута в документе, который ее включает. В деле *Ben Barret* [5] тот же суд постановил, что арбитражное соглашение не было включено в условия договора, что если необходимо включить отдельный договор, то он должен быть прямо упомянут в документе, который рассматривается в качестве указывающего на включение текста. Включение невозможно посредством простой ссылки на условия договора, где арбитражная оговорка представляет собой отдельный договор.

С другой стороны, позиция Швейцарии является более либеральной в признании действительности общей ссылки, как, например, в деле *Tradax v. Amoco case* [34]. Кроме того, в деле *Mediterranean Shipping* [9] Федеральный суд Швейцарии счел, что в особых обстоятельствах данное поведение может, согласно принципам добросовестности, компенсировать отсутствие письменной формы.

6. Эстоппель

Суды США использовали термин «справедливый эстоппель» для охвата двух различных версий доктрины: первого и второго вариантов. Однако американские окружные суды не применяют данную теорию в единообразном порядке.

Первый вариант был применен в деле *Int'l Paper Co.* [18, 411], где указывалось, что «сторона может быть лишена права утверждать, что отсутствие ее подписи в договоре препятствует приведению в исполнение арбитражной оговорки по этому договору, когда она последовательно указывала, что другие положения того же договора должны быть соблюдены в ее пользу». В деле *Bouriez v. Carnegie Mellon* [6, 418] был сделан вывод о том, что «не подписавшие стороны могут быть справедливо отстранены от оспаривания соглашения, включающего арбитражную оговорку, когда они принимают соглашение и извлекают из него непосредственную выгоду».

Второй вариант справедливого эстоппеля используется для того, чтобы помешать подписавшим сторонам, которые пытаются обратиться в суд, отрицать существование арбитражной оговорки. Не подписавшая сторона не может быть лишена права отрицать

существование такой оговорки. В деле *MS Dealer v. Franklin* [20, 942] Суд одиннадцатого округа пояснил две ситуации, когда не подписавшая сторона может обязать подписавшую сторону обратиться в арбитраж. Во-первых, справедливый эстоппель применяется, когда сторона, подписавшая содержащее арбитражную оговорку письменное соглашение, должна полагаться на условия письменного соглашения в отстаивании своих претензий в отношении не подписавшей стороны. Во-вторых, применение справедливого эстоппеля оправдано, когда подписавший выдвигает обвинения относительно существенно взаимозависимых и согласованных неправомερных действий как со стороны, не подписавшей соглашение, так и с одной или более сторон, подписавших договор. Данное обоснование приводится в делах *Sunkist* [33, 753] и *Smith/Enron* [28].

7. Сторонний бенефициар

Арбитражное соглашение может распространяться на сторонних бенефициаров. В прецедентах США и Великобритании указывается, что если третья сторона соглашается стать бенефициаром договора между другими сторонами, и этот договор содержит арбитражную оговорку, то эта третья сторона должна передать споры на такой арбитраж. Данная позиция была подтверждена в деле *Tareau* [35, 611].

Американские суды признали распространение арбитражной оговорки на сторонних бенефициаров, не подписавших договор. В деле *Dement* [11, 797] окружной суд США постановил, что «лицо может подать в суд в целях обеспечения выполнения договора, стороной которого оно не является, если оно докажет, что договаривающиеся стороны намеревались в первую очередь и непосредственно принести выгоду ему или категории лиц, к которой он относится». В деле *Chartered Mutual* [31, 635] американские суды постановили, что сторонний бенефициар связан положениями и условиями договора, на которые он пытается сослаться, и что бенефициар не может извлекать преимущества и избегать обязанностей или ограничений по договору.

Английские суды распространили арбитражную оговорку, содержащуюся в договоре,

на сторонних бенефициаров по существенным положениям договора, с тем чтобы третья сторона могла обеспечить соблюдение положений в отношении давшего обещание лица через арбитраж. Лицо, давшее обещание, может взаимно сослаться на арбитражное соглашение для приостановления разбирательства, возбужденного против него в судах. С другой стороны, французские суды отказали в распространении арбитражной оговорки на стороннего бенефициара на том основании, что арбитражная оговорка может создавать только права, а не обязательства.

Вывод

Молчаливое согласие однозначно признано французскими судами с особым соблюдением степени участия той или иной стороны в ходе переговоров, заключения, исполнения и расторжения договора. Данный анализ помогает избежать несправедливого решения, основываясь на фактических аспектах и добросовестности между сторонами. Американские суды и ученые, с другой стороны, предпочитают термин «принятие» для обозначения «молчаливого согласия» в том смысле, что именно не подписавшая сторона принимает на себя обязательства подписавшей арбитражную оговорку стороны. Однако в Соединенном Королевстве используется диаметрально противоположный подход, поскольку английские суды не приняли данную теорию.

Доктрина «группы компаний» возникает на двойственной юридико-экономической основе с условием, что компания из группы компаний или холдинга отделена с юридической точки зрения от остальных компаний, но с экономической точки зрения они являются группой и действуют как группа, что предполагает контроль, руководство и управление со стороны материнской компании над ее дочерними компаниями, и в результате возникают отношения зависимости. Данная доктрина была принята лишь некоторыми европейскими юрисдикциями, как, например, Франция и Испания. Ряд решений МТП поддержал данную позицию, однако, данная доктрина не была полностью признана некоторыми правовыми системами, такими как Швейцария, Нидерланды и Германия, из-за их традиционного кон-

ституционного и процессуального законодательства. Американские и английские суды имеют в целом ограничительный подход, когда речь заходит о принятии доктрины «группы компаний», о чем свидетельствуют их судебные решения.

Представительство, агентский договор или договор поручения в качестве теории для распространения арбитражной оговорки на не подписавшие ее стороны значительно укрепились в Европе. В основе данной теории лежит договор поручения, согласно которому одна его сторона берет на себя обязательство перед другой стороной подписать от имени последней договор, содержащий арбитражную оговорку. Ведутся споры о том, необходимо ли прямое разрешение со стороны принципала, где бы указывалось, что агент имеет право принять арбитражную оговорку. Результаты разнятся в зависимости применимого к арбитражному соглашению права. Швейцарское законодательство требует, чтобы принципал прямо устанавливал полномочия агента на подписание арбитражного соглашения от его имени; австрийское законодательство также требует, чтобы указанное разрешение было выдано в письменной форме. В то время как во Франции, Италии и Германии письменное разрешение не является обязательным по закону. Данная теория была также принята американскими судами.

Доктрина «альтер-эго» или «снятия корпоративной вуали» была признана в международном арбитраже в целях предотвращения мошенничества или злоупотребления правом. Это исключительный механизм для избежания злоупотреблений со стороны компании, которая использует разделение юридического лица для совершения мошенничества или избежания ответственности, скрываясь за контролируемым юридическим лицом. Французские и американские суды в нескольких случаях «сняли» или «прокололи корпоративную вуаль», наметив тенденцию принимать данную теорию. Несмотря на это, обе юрисдикции подчеркивали необходимость применения данной доктрины только в исключительных случаях. Английские суды, с другой стороны, имели тенденцию избегать «снятия» или «прокалывания корпоративной вуали», если только корпоративная вуаль и самостоятель-

ная правосубъектность не являются лишь обманом или фасадом. В Швейцарии и Германии суды подходят к данному вопросу с осторожностью и применяют данную доктрину лишь в исключительных обстоятельствах.

Включение путем ссылки признается арбитражными судами в той мере, в какой она подразумевает, что две стороны заключили договор, ссылаясь на другой договор, содержащий арбитражную оговорку. Как правило, для арбитров этого достаточно, когда ссылка на арбитражное соглашение является прямой, проблема же возникает, когда ссылка на документ не является прямой. Включение путем ссылки, как правило, применяется в строительных договорах и коносаментных. В прецедентном праве Соединенных Штатов это толковалось как случай, когда сторона, не подписавшая арбитражное соглашение, заключила иной договор с одной из сторон, в соответствии с которым она «приняла на себя все обязательства и привилегии, вытекающие из арбитражного соглашения», или когда арбитражная оговорка прямо включена в коносамент. Французская сторона придерживается весьма ограничительного подхода, требуя прямой ссылки. Английские суды также, как правило, имеют ограничительный подход [40, 529]. С другой стороны, позиция Швейцарии является более либеральной в плане признания действительности общей ссылки.

Термин «справедливый эстоппель» включает в себя два различных варианта доктрины. Первый вариант предусматривает, что сторона может быть лишена права утверждать, что отсутствие ее подписи в договоре препятствует приведению в исполнение арбитражной оговорки по этому договору, когда она последовательно указывала, что другие положения того же договора должны быть соблюдены в его пользу. Второй вариант справедливого эстоппеля используется для того, чтобы помешать подписавшим сторонам, которые пытаются обратиться в суд, отрицать существование арбитражной оговорки. Не подписавшая сторона не может быть лишена права отрицать существование такой оговорки.

Арбитражное соглашение может распространяться на стороннего бенефициара, что означает, что сторонний бенефициар может ссылаться на арбитражную оговорку, и она

может быть использована против него. В прецедентах США и Великобритании указывается, что если третья сторона соглашается стать бенефициаром договора между другими сторонами, и этот договор содержит арбитражную оговорку, то эта третья сторона должна передать споры на такой арбитраж.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-2668-2020.6 «Национально-культурные и цифровые тренды социально-экономического и политико-правового развития Российской Федерации в XXI веке».

This work was financially supported by the Grant of the President of the Russian Federation No. НШ-2668-2020.6 “National-Cultural and Digital Trends in the Socio-Economic, Political and Legal Development of the Russian Federation in the 21st Century”.

REFERENCES

1. Acatos and Hutcheson Plc v Watson [1995] 1. *Butterworth's Company Law Cases*, 218.
2. *Adams v Cape Industries plc* [1990]. Ch 433.
3. *Alcatel Business System v. Amkor Technologies et autres. Cour De Cassation, First Civil Chamber*, 27 March 2007 (Petition No. 04-20.842).
4. Alfred McAlpine Construction Ltd. V. RMG Electrical (1994), Reported by R. Knowles. *Development in Law Related to Arbitration. Arbitration*, 1996, 188.
5. *Ben Barret & Son (Brickworth) Ltd. V. Henry Boot Management Ltd.*, 1995.
6. *Bouriez v. Carnegie Mellon Univ*, 359 F.3d, 292, 295 (3d Cir. 2004); accord *Int'l Paper*, 206 F.3d at 418.
7. *Cass. le civ.*, June 26, 1990, Dreistern Werk v. Crouzier, 1991 REV. ARB. 291.
8. *City of London v Sancheti* [2008] EWCA Civ 1283 (21 November 2008).
9. *Compagnie de Navigation et Transports SA v. MSC Mediterranean Shipping Co.*, Swiss Federal Court, January 16, 1995. *ASA Bulletin*, 503.
10. *Dallah Real Estate & Tourism Holding Co. v. Ministry of Religious Affairs, Government of Pakistan*, *United Kingdom Supreme Court*, 3 November 2010, [2010] 3 W.L.R. 1472.
11. *De Ment v. Nationwide Mutual Ins. Co.* (S E 2d 239 Ct. App. 2001 797).
12. *Ferrari, Franco & Kröll, Stefan: Conflicts of Laws in International Arbitration*. Sellier European Law Publishers, 2011, p. 160.
13. *France, Cour de cassation, Société BomarOil N.V. v. Entreprise tunisienne d'activités pétrolières (ETAP) / 87-15.094*, 11 October 1989.
14. *Gouvernement du Pakistan – Ministère des Affaires Religieuses v. Dallah Real Estate and Tourism Holding Company*, *Casos No. 09/28533, 09/28535 y 09/28541, Appeal Court, Paris*, 17 February 2011.
15. Hanotiau, Bernard: “Non-Signatories in International Arbitration: Lessons from Thirty Years of Case Law”. Albert Jan van den Berg, ed., *International Arbitration 2006: Back to Basics? (Alphen aan den Rijn (The Netherlands): Kluwer Law International, 2007)*, p. 351.
16. Inshakova A.O., Frolova E.E., Galkina M.V., Rusakova E.P. Development of Social Market Economy Under the Influence of Noneconomic Factors: Modeling and Regulation. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 2020, pp. 1-11.
17. ICC Case No. 4131, Award 23 September 1982. *Recueil de sentences arbitrales de la CCI 1974-1985, Kluwer*, 1998, pp. 464 ff.
18. *Int'l Paper Co. v. Schwabedissen Maschinen & Anlagen GMBH*, 206 F. 3d 411, 418 (4th Cir. 2000).
19. *ITSA v. Satcan & BBVA. Spanish Supreme Court*, 26 May 2005.
20. *MS Dealer Serv. Corp. v. Franklin*, 177 F.3d 942, 947 (11th Cir. 1999).
21. *Oriental Com. & Shipping Co. 609, F Supp. 28 in Born: International Commercial Arbitration in the United States*, 1994, 1157.
22. Park, William. “Non-Signatories and International Arbitration” *International Forum Selection*. The Hague, Kluwer Law International, 1995, p. 581.
23. *Peterson Farms Inc v C & M Farming Ltd [2004] EWHC 121 (Comm)* (04 February 2004).
24. *Psichikon Compania Naviera Panama v. Sté Sier et al.*, Court of Cassation (France) January 7, 1992. *Rev. arb.*, 1992, 553.
25. *Regent Seven Seas Cruise Inc v. Rolls Royce PLC et al.* US District Court, Southern District of Florida, February 21, 2007. *Yearbook Commercial Arbitration*, 2008, 879.
26. *Roussel-Uclaf V. G. D. Searle & Co. Ltd. And G.D. Searle & Co. [1978] 1 Lloyd's Rep. 225*.
27. *SARL Kosa France Holding et al. v. Rhodia Opérations et al.*, Court of Appeal, Paris, May 5, 2011. *Rev. arb.*, 2011, p. 580.
28. *Smith/Enron Cogeneration Ltd. V. Smith Cogeneration Int'l*, 198 F.3d 88 (2d Cir. 1999).
29. *Société Sponsor A.B. v. Ferdinand Louis Lestrade. C.A.Pau*, 26 Nov. 1986, 1998. *Rev. Arb.*, 153.
30. *Sté Constructions Mécaniques de Normandie v. Sté Fagerdala Marine Systems et al.*, Court of Cassation, 26 October 2011. *Rev. Arb.*, 2011, p. 1098.
31. *Stephen Federico v. Chartered Mutual Assurance Association*. District Court, Eastern District

of Pennsylvania, June 13, 2001. *Yearbook Commercial Arbitration*, 2002, 635.

32. *Suba France y otro v Pujol*. Paris, 7 May 2009, N° 08/02025.

33. *Sunkist Soft Drinks, Inc. v. Sunkist Growers, Inc.*, 10 F.3d 753 (11th Cir. 1993).

34. *Switzerland, Tribunal Fédéral (Federal Tribunal) / Tradax Export SA v. Amoco Iran Oil Company*, 7 February 1984.

35. *Tareau v. Martin*, Court of Cassation (France), July 16, (1992). *Rev. arb.*, 1993, 611. Cited by Rubino-Sammartano, Mauro: Op Cit. p. 359.

36. *Thomson-CSF S.A. v. American Arbitration Association*, 64 F.3d 773 (2nd Cir. 1995).

37. *UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration*, Art. 7 (6). (United Nations documents A/40/17, annex I and A/61/17, annex I).

38. *United States / 14 April 2005 / U.S. Court of Appeals, Second Circuit / Sarhank Group v. Oracle Corporation / 02-9383*.

39. *Wolfson v. Strathclyde Regional Council* [1978] 2 EGLR 19 (HL), UKHL 5, 1978 SLT 159, 38 P&CR 521.

40. Zavyalova N.A., Frolova E.E., Bezbakh V.V., Rusakova E.P., Dudin M.N. BRICS Message from South Africa. *Amazonia Investiga*, 2020, vol. 9, no. 26, pp. 529-544.

Information About the Authors

Ekaterina P. Rusakova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, rusakova-ep@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>

Edgar J. Young Dominguez, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russian Federation, edgaryoung90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4527-2096>

Информация об авторах

Екатерина Петровна Русакова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, rusakova-ep@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6488-0754>

Эдгар Хосуэ Йонг Домингес, аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Российская Федерация, edgaryoung90@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4527-2096>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.23>

UDC 34.343.01
LBC 67.408

Submitted: 17.01.2021
Accepted: 09.02.2021

THE SYSTEM OF GROUNDS FOR EXEMPTING A PERSON FROM THE LEGAL CONSEQUENCES OF A CRIME

Elena V. Shchelkonogova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the grounds for exemption from criminal responsibility, punishment, and the recognition the act that has caused harm to the object of criminal law protection as non-criminal, are essential for a fair legal assessment of a person's behaviour. In this connection, the author of the paper **aims** to study the grounds for not applying the legal consequences of a crime (act) to a person. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of historicism, consistency, analysis and comparative law. **Results:** the author's position grounded in the work is based on the legislation and the opinions of the competent scientific community on the question of why certain grounds are combined by the legislator into separate chapters and are endowed with common features, and other grounds belong to different grounds for the release of a person. With the help of the legal analysis of the provisions of the theory of law, the differentiation of the characteristic features of the grounds for not bringing a person to criminal responsibility is carried out. The questions of the legal regulation of not only various types of grounds for the release of a person, but also the legal consequences of committing a crime are raised. The concept of circumstances precluding criminal liability in connection with the voluntary refusal to commit a crime is formulated. **Conclusions:** the study establishes that a person may be exempted from criminal liability, in connection with the absence of the constituent elements of offence (insanity, infliction by innocence) in his act, and the grounds that are not associated with crime, such as regulated by Chapter 11 of the Criminal Code. However, the circumstances that preclude the criminality of the act, voluntary refusal, as well as the insignificance of the act are not directly enshrined in the Code as the grounds for exempting from criminal liability due to the absence of corpus delicti, however, the text of the articles of the Code states that the act is not a crime.

Key words: circumstances precluding criminality of the act; circumstances precluding criminal liability; insignificance of the act; infliction by innocence; insanity, grounds for exemption from criminal liability, grounds for exemption from punishment.

Citation. Shchelkonogova E.V. The System of Grounds for Exempting a Person From the Legal Consequences of a Crime. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 155-160. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.23>

**СИСТЕМА ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЦА
ОТ ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ****Елена Владимировна Щелконогова**

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: основания освобождения лица от уголовной ответственности, от наказания, а также признания неправомерным деяния, причинившего вред объекту уголовно-правовой охраны, имеют крайне важное значение для справедливой правовой оценки поведения лица. В связи с чем автором в статье поставлена **цель** исследования оснований неприменения к лицу правовых последствий совершения преступления (деяния). **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы историзма, системности, анализа и сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на законодательство и мнения компетентной научной среды по вопросу о том, почему те или иные основания объединены законодателем в отдельные главы и наделены общими признаками, а другие основания принадлежат к иным основаниям освобождения лица. При помощи правового анализа положений теории права проводится дифференциация характерных признаков оснований непривлечения лица к уголовной ответственности. Поднимаются вопросы правовой регламентации не только различных видов оснований освобождения лица, но и правовых последствий совершения преступления. Формулируется понятие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, в связи с добровольным отказом от совершения преступления. **Выводы:** в результате исследования устанавливается, что освобождаться от уголовной ответственности лицо может как в связи с отсутствием в его деянии признаков состава преступления (невменяемость, невиновное причинение вреда), так и по основаниям, которые не связаны с составом преступления, например, регламентированным в главе 11 УК РФ. Однако обстоятельства, исключающие преступность деяния, добровольный отказ, а также малозначительность деяния прямо не закреплены в Кодексе как основания, освобождающие от уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления тем не менее в тексте статей Кодекса о них утверждается, что деяние не является преступлением.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность; малозначительность деяния; невиновное причинение вреда; невменяемость; основания освобождения от уголовной ответственности; основания освобождения от наказания.

Цитирование. Щелконогова Е. В. Система оснований освобождения лица от правовых последствий совершения преступления // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 155–160. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.23>

Введение

Уголовный кодекс РФ [10] наряду с положениями, согласно которым лицо привлекается к уголовной ответственности, содержит немало норм о неправомерности деяния, освобождении лица от уголовной ответственности, наказания, судимости. К таким нормам можно отнести положения, выделенные законодателем в отдельные главы, само название которых говорит об освобождении лица: обстоятельства, исключающие преступность деяния, основания освобождения от уголовной ответственности (добровольное раскаяние, примирение с потерпевшим и др.), основания освобождения от наказания (услов-

но-досрочное освобождение, замена неотбытой части более мягким видом наказания, отсрочка отбывания наказания и др.).

Помимо указанных обстоятельств в иных главах УК РФ содержатся такие положения, как малозначительность деяния, невиновное причинение вреда, невменяемость, добровольный отказ от совершения преступления. В статье делается попытка проанализировать названные основания освобождения лица в позиций системного подхода, оценить правомерность разделения этих оснований на группы, выявить принципы и подходы, на основании которых произведено деление согласно тексту УК РФ.

Основное содержание

Различные основания освобождения лица с точки зрения системы Общей части кодекса распределены по разным главам, но в тексте статей, в которых они закреплены, указано, что в результате их применения лицо не должно претерпевать правовых последствий совершения преступления. В системе современного УК РФ все эти основания относятся к различным обстоятельствам, в результате которых лицо не претерпевает правовых последствий, связанных с совершением преступления. Хотя, например, в Своде законов Российской империи 1832 года [4, с. 377], а также в Уголовном уложении 1903 года [6, с. 284–285] к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относили безумие, сумасшествие, малолетство, невиновное причинение вреда, принятие христианской веры, принуждение и ошибку.

Говоря о системе рассматриваемых обстоятельств, можно обратиться к статье 8 УК РФ, согласно которой, основанием привлечения лица к уголовной ответственности является наличие в деянии состава преступления. При условии причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, вопрос о его неправомерности может быть решен положительно только в случае отсутствия каких-либо элементов состава преступления в его деянии. Если произвести группировку всех оснований освобождения лица, содержащихся в Общей части УК РФ, по признаку отсутствия состава преступления, то к ним можно отнести: невменяемость лица, недостижение возраста уголовной ответственности, невиновное причинение вреда. Это те обстоятельства, на отсутствие которых прямо указывает текст Кодекса. Отсутствие таких элементов состава преступления, как объект и объективная сторона прямо не прописано в отдельных статьях Общей части УК РФ. Эти основания освобождения как бы логически вытекают из постулата: то, что не закреплено в УК РФ в качестве преступления, преступлением не является. Такие обстоятельства, как, например, малозначительность деяния, добровольный отказ от совершения преступления не подходят к классификации по данному критерию. В частности, при их наличии нельзя прямо ут-

верждать, что отсутствует какой-либо элемент состава преступления [1, с. 142].

Подход признания деяния преступлением согласно ст. 8 УК РФ не является единственным, что диктуется текстом уголовного закона. Ведь помимо ст. 8 в ст. 14 Кодекса закреплены признаки преступления. То есть говорить о том, что деяние не является преступлением можно не только, ссылаясь на отсутствие его состава, но и признаков преступления. Здесь возникает проблема о соотношении категорий преступления и состава преступления.

Если рассматривать основания освобождения как систему, то необходимо выявить подход, основание их выделения признаков. Думается, что эти основания можно объединить по тому критерию, что они от чего-то (уголовной ответственности, наказания и др.) освобождают лицо. С другой стороны, законодателем они названы по-разному, что свидетельствует об их смысловой дифференциации. *На наш взгляд можно выделить: те основания, которые освобождают лицо в связи с отсутствием элементов состава преступления; основания, которые освобождают лицо в связи с отсутствием признаков преступного деяния; основания, которые освобождают лицо в связи с тем, что его деяние и само лицо перестают быть общественно-опасными (хотя в момент совершения были таковыми).* К первой группе оснований относятся: невиновное причинение вреда, невменяемость, недостижение возраста уголовной ответственности. Ко второй группе: малозначительное деяние, добровольный отказ, обстоятельства, исключающие преступность деяния. К третьей группе: основания освобождения лица от уголовной ответственности, от наказания, амнистия, помилование, досрочное снятие судимости.

Сама система Общей части УК РФ, можно предположить, выстроена по хронологическому принципу, то есть по временным промежуткам механизма признания деяния преступлением и реализации правовых последствий его совершения. Как известно, сначала в законе речь идет о преступлении и составе преступления, а затем о привлечении к уголовной ответственности [2, с. 57] и наказании,

о судимости. Основания же освобождения лица по тем или иным причинам как бы вплетены в текст Кодекса, «разбросаны» по всей Общей части по принципу того, на какой временной стадии находится решение вопроса о наличии либо отсутствии преступления и правовых последствий за его совершение.

Например, малозначительность, добровольный отказ, невменяемость лица находятся в главах, связанных с описанием общих признаков состава преступления. Затем включены в Кодекс обстоятельства, исключающие преступность деяния, что свидетельствует о том, что они хронологически находятся раньше, чем привлечение лица к уголовной ответственности. Далее, когда лицо все же привлечено к уголовной ответственности следуют основания освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения (снятия) судимости. Хотя по амнистии лицо тоже может быть освобождено от уголовной ответственности [5, с. 141], это основание находится в Кодексе даже после оснований освобождения от наказания, что на наш взгляд, противоречит систематизации оснований освобождения лица. Возможно, стоило бы включить положения об амнистии и помиловании в соответствующие разделы Общей части по принципу того, от чего освобождается лицо. Возможно, такое закрепление этих статей – дань историческому становлению уголовного законодательства. Аналогичный вывод возникает и в случае рассмотрения оснований освобождения от уголовной ответственности, расположенных в примечаниях к статьям Особенной части [3, с. 23].

Такие основания как малозначительность, добровольный отказ, а также обстоятельства, исключающие преступность деяния, освобождение от уголовной ответственности и от наказания, на наш взгляд, как бы выпадают из общей канвы о наличии или отсутствии в деянии состава преступления. Поскольку если есть состав преступления, то по логике ст. 8 УК РФ лицо не должно быть освобождено от правовых последствий, связанных с совершением преступления. Некоторые авторы относят *малозначительность* к обстоятельствам, исключающим преступность деяния [8, с. 138]. Такая точка зрения представляется имеющей право на существование, поскольку как и при

обстоятельствах, изложенных в главе 8 УК РФ, малозначительность описывает признаки, которые преступное деяние делают непроступным. Как при малозначительности, так и при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, объекту уголовно-правовой охраны причиняется вред, но деяние не признается преступлением в силу каких-либо условий [9, с. 454], и нельзя однозначно утверждать, что эти условия связаны с отсутствием элемента состава преступления. В литературе отмечается, что при данных обстоятельствах преступность деяния исключается в связи с отсутствием признаков преступления, а не его состава.

Непреступность деяния при *добровольном отказе* согласно ст. 31 Кодекса исключается, так как лицо отказывается от совершения преступления, не доведя его до конца по собственной воле. Можно ли утверждать, что при добровольном отказе лицо не привлекается к уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления? Думаем, что нет, так как изначально лицо выполняет действия с целью совершить преступление. В литературе, посвященной изучению нормы о добровольном отказе от преступления, некоторыми авторами [11, с. 100–102] делается попытка ответа на вопрос: почему лицо, добровольно отказавшееся от совершения преступления, не подлежит уголовной ответственности. В исследованиях, посвященных обстоятельствам, исключающим преступность деяния, ученые полагают, что «добровольный отказ от завершения преступления является социально полезной деятельностью субъекта» [7, с. 79]. Думается, что вопрос о социальной полезности добровольного отказа является дискуссионным, поскольку изначально действия лица были направлены на совершение преступления.

Если акцентировать внимание на том, что при добровольном отказе состав преступления начинает формироваться, но затем при наличии соответствующих условий, действия лица не признаются преступлением, то можно сделать вывод, что хронологически это основание находится после оснований освобождения в связи с отсутствием состава преступления (невинное причинение вреда, невменяемость) и до оснований освобождения от уголовной ответственности.

Наличие в уголовном законе нормы о добровольном отказе позволяет сформулировать понятие *обстоятельства, исключающего уголовную ответственность лица*: это обстоятельства, которые относятся к ситуации или к обстановке, при которой лицо добровольно отказывается от совершения преступного деяния в связи с тем, что изменяется его психическое отношение к деянию в виде причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны, оно перестает быть порицаемым со стороны общества и государства, поэтому такое причинение вреда характеризуется отсутствием вины. Данные признаки имеют уголовно-правовое значение и влекут непривлечение лица к уголовной ответственности.

Принципиальное отличие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, от оснований освобождения от уголовной ответственности заключается в том, что во втором случае деяние лица признается преступным, а при исключении уголовной ответственности следует отметить, что деяние не признается преступлением вследствие добровольного отказа лица от его совершения. Является ли добровольный отказ основанием непривлечения лица к уголовной ответственности в связи с отсутствием состава преступления? Предполагаем, что нет, так как добровольный отказ возможен на стадии покушения на преступление, то есть когда состав преступления уже начинает формироваться. При добровольном отказе на стадии приготовления к тяжкому или особо тяжкому преступлению также следует говорить, что виновный совершает преступное деяние. Хотя состав преступления еще не возникает и лицо еще не начинает выполнять объективную сторону. В таком случае возникает вопрос о наказуемости приготовления к преступлению и возникающем противоречии положений о нем со ст. 8 УК РФ. Например, в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран (Швейцария, Франция, Италия, Испания) наказуемо только покушение на преступление.

Заключение

Основания освобождения лица от правовых последствий совершения преступления являются проявлением гуманистических на-

чал, заложенных в текст уголовного закона. Попытка рассмотрения этих оснований с точки зрения системы, позволяет утверждать, что принципом их разделения в кодексе на различные статьи, главы и разделы является хронологический временной подход, согласно которому деяние лица сначала признается преступлением, если в нем есть состав преступления, а затем возникают правовые последствия, связанные с привлечением к уголовной ответственности, исполнением наказания, судимостью лица. На каждом из этих периодов в Кодекс заложены основания освобождения лица. Рассмотрение их логической группировки в тексте Кодекса позволяет утверждать, что одни из них связаны с отсутствием состава преступления, другие – с отсутствием признаков преступления, а также с отпадением общественной опасности деяния уже после совершения преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Золотарева, А. Р. Особенности обстоятельств, исключающих преступность деяния / А. Р. Золотарева // *Modern science*. – 2020. – № 8-1. – С. 142–144.
2. Касумбеков, А. К. Формы уголовной ответственности: спорные аспекты определения / А. К. Касумбеков, Д. Н. Курбанова // *Colloquium – journal*. – 2020. – № 2-13 (54). – С. 56–58.
3. Коломоец, Ю. С. Развитие института специальных оснований освобождения от уголовной ответственности в уголовном законодательстве РФ / Ю. С. Коломоец // *Экономика, социология и право*. – 2018. – № 1. – С. 23–27.
4. Полный свод законов Российской Империи. Т. XV. Кн. первая. О преступлениях и наказаниях вообще. – СПб., 1911. – С. 20–23. – Цит. по: История отечественного государства и права: сборник документов. Ч. 1. Екатеринбург, 2003. 616 с.
5. Рамазанов, Д. М. Амнистия как особый вид освобождения от наказания в уголовном законодательстве России / Д. М. Рамазанов, Э. Х. Эсенбулатова // *Colloquium – journal*. – 2020. – № 2-13 (54). – С. 141–144.
6. Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М., 1994. – 285 с.
7. Солодских, Д. С. Характеристика добровольного отказа от преступления и его соотношение со стадиями неоконченного преступления / Д. С. Солодских // *Тенденции развития науки и образования*. – 2020. – № 62-16. – С. 76–80.

8. Степанов, В. В. Правовая природа норм о малозначительности правонарушения / В. В. Степанов // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 1 (7). – С. 136–143.

9. Сушков, О. Э. О некоторых вопросах совершенствования системы обстоятельств, исключающих преступность деяния / О. Э. Сушков // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 453–460.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ: (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

11. Фомин, П. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от совершения преступления / П. П. Фомин, А. С. Кравцов // Вестник Луганской академии Внутренних дел. – 2020. – № 1 (8). – С. 95–102.

REFERENCES

1. Zolotareva A.R. Osobennosti obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya [Features of the Circumstances Precluding the Criminality of the Act]. *Modern science*, 2020, no. 8-1, pp. 142-144.

2. Kasumbekov A.K., Kurbanova D.N. Formy ugovolnoy otvetstvennosti: spornye aspekty opredeleniya [Forms of Criminal Liability: Controversial Aspects of the Definition]. *Colloquium – journal*, 2020, no. 2-13 (54), pp. 56-58.

3. Kolomoec Yu.S. Razvitie instituta spetsyalnykh osnovanij osvobozhdeniya ot ugovolnoj otvetstvennosti v ugovolnom zakonodatelstve RF [Development of the Institution of Special Grounds for Exemption From Criminal Liability in the Criminal Legislation of the Russian Federation]. *Ekonomika, sotsiologiya i pravo*, 2018, no. 1, pp. 23-27.

4. Polny'j svod zakonov Rossijskoj Imperii. T. XV. Kn. pervaya. O prestupleniyakh i nakazaniyakh voobshche [Complete Set of Laws of the Russian Empire]. Saint Petersburg, 1911, pp. 20-23. Cit. po: Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: sbornik dokumentov [History of the Domestic State and Law:

a Collection of Documents]. Part 1 Ekaterinburg, 2003. 616p.

5. Ramazanov D.M., Esenbulatova E.H. Amnistiya kak osobyj vid osvobozhdeniya ot nakazaniya v ugovolnom zakonodatelstve Rossii [Amnesty as a Special Type of Release From Punishment in the Criminal Legislation of Russia]. *Colloquium – journal*, 2020, no. 2-13 (54), pp. 141-144.

6. Chistyakov O.I., ed. Rossijskoe zakonodatelstvo X–XX vv.: v 9 t. T. 9. Zakonodatelstvo epokhi burzhuzno-demokraticeskikh revolyustij [Russian Legislation X-XX Centuries. Vol. 9. Legislation of the Era of Bourgeois-Democratic Revolutions]. Moscow, 1994. 285 p.

7. Solodskih D.S. Harakteristika dobrovolnogo otказа ot prestupleniya i ego sootnoshenie so stadiyami neokonchennogo prestupleniya [Characteristics of Voluntary Refusal of a Crime and its Relationship With the Stages of an Unfinished Crime]. *Tendentsyi razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 62-16, pp. 76-80.

8. Stepanov V.V. Pravovaya priroda norm o maloznachitelnosti pravonarusheniya [The Legal Nature of the Rules on the Insignificance of the Offense]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal*, 2007, no. 1 (7), pp. 136-143.

9. Sushkov O.E. O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya sistemy obstoyatelstv, isklyuchayushchikh prestupnost deyaniya [On Some Issues of Improving the System of Circumstances Excluding the Criminality of an Act]. *Voprosy rossijskoj yustitsii*, 2020, no. 6, pp. 453-460.

10. Uголовный кодекс Российской Федерации [The Criminal Code of the Russian Federation] от 13.06.1996 no. 63-FZ (red. ot 30.12.2020). *SZ RF ot 17 iyunya 1996 g.*, no. 25, st. 2954.

11. Fomin P.P., Kravcov A.S. Osvobozhdenie ot ugovolnoj otvetstvennosti v svyazi s dobrovolnym otказом ot soversheniya prestupleniya [Exemption From Criminal Liability in Connection With Voluntary Refusal to Commit a Crime]. *Vestnik Luganskoj akademii Vnutrennikh del*, 2020, no. 1 (8), pp. 95-102.

Information About the Author

Elena V. Shchelkonogova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Ural State Law University, Komsomolskaya St, 21, 620137 Yekaterinburg, Russian Federation, uglaw@yandex.ru, shelkonogova-ele@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

Информация об авторе

Елена Владимировна Щелконогова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, ул. Комсомольская, 21, 620137 г. Екатеринбург, Российская Федерация uglaw@yandex.ru, shelkonogova-ele@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4528-2278>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.24>

UDC 343.98:343.9:343.5
LBC 67.521+67.523.12

Submitted: 05.01.2021
Accepted: 08.02.2021

ANNOTATION OF THE MONOGRAPHS
“TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT FOR THE CRIME SCENE
INVESTIGATION”, “FORENSIC SUPPORT FOR THE CRIME SCENE
INVESTIGATION”, “FEATURES OF FORENSIC SUPPORT
FOR THE INVESTIGATION OF BUSINESS CRIMES:
THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS” BY TATYANA F. DMITRIEVA

Andrey V. Ryzhik

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Alexander A. Bochkov

Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

Introduction: improving the efficiency of forensic support for investigative actions is of great importance not only for the investigation of crimes, but also for the fight against crime in general, which emphasizes the need to develop the fundamental areas of criminology in the field of improving the use of special knowledge, technical and tactical forensic tools, forensic technologies during the inspection of the crime scene examination and the evaluation and control activities of the actions performed, in this connection, the authors set the **goal** of studying the monographs by Tatyana F. Dmitrieva, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Vitebsk State University named after P. M. Masherov. **Methods:** the methodological framework for the study is a combination of the general, general scientific and specific scientific methods of cognition: dialectical-materialistic, logical, comparative, structural and functional analysis. **Results:** the author’s position grounded in the work is based on the legislation of the Republic of Belarus, the Russian Federation and the opinions of the competent scientific community on the presence of features, the elements of novelty, the theoretical and practical significance in the peer-reviewed monographic studies by T.F. Dmitrieva. Based on the analysis of the monographs “Technical and Forensic Support for the Crime Scene Investigation”, “Forensic Support for the Crime Scene Investigation”, “Features of Forensic Support for the Investigation of Business Crimes: Theoretical and Applied Aspects” the differentiation of the characteristic features of technical-forensic and forensic support for the crime scene examination and the investigation of business crimes is conducted. The questions of the importance of the research in certain areas and the uniqueness of the results of the peer-reviewed monographic studies are raised. **Conclusions:** the study revealed the role of the peer-reviewed monographs as important outcomes for the further development of forensic science and practice of forensic support for investigative actions and crime investigation. It is established that the peer-reviewed studies were carried out at a high scientific and theoretical level and represent a serious step in the development of these scientific areas. The author’s conclusions are consistent, logically justified, and the author’s suggestions and recommendations have practical significance, applicability, and can be used in doctrinal and practical developments.

Key words: technical and forensic support, forensic support, crime scene investigation, investigative actions, investigation of crimes, business crimes, forensic technologies, technical and forensic tools.

Citation. Ryzhik A.V., Bochkov A.A. Annotation of the Monographs “Technical and Forensic Support for the Crime Scene Investigation”, “Forensic Support for the Crime Scene Investigation”, “Features of Forensic Support for the Investigation of Business Crimes: Theoretical and Applied Aspects” by Tatyana F. Dmitrieva. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 161-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.24>

УДК 343.98:343.9:343.5
ББК 67.521+67.523.12

Дата поступления статьи: 05.01.2021
Дата принятия статьи: 08.02.2021

АННОТАЦИЯ НА МОНОГРАФИИ
«ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ»,
«КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ»,
«ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ БИЗНЕС-ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ»
ДМИТРИЕВОЙ ТАТЬЯНЫ ФЕДОРОВНЫ

Андрей Владимирович Рыжик

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Александр Александрович Бочков

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Введение: повышение эффективности криминалистического обеспечения следственных действий имеет громадное значение не только для расследования преступлений, но и для борьбы с преступностью в целом. Это подчеркивает необходимость развития принципиальных направлений криминалистики в области совершенствования использования специальных знаний, технико- и тактико-криминалистических средств, криминалистических технологий при проведении осмотра места происшествия и оценочно-контрольной деятельности выполненных действий. В связи с этим, авторы ставят **цель** исследовать монографии Т.Ф. Дмитриевой, доцента кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. **Методы:** всеобщие, общенаучные и частнонаучные диалектико-материалистический, логический, компаративистский, структурно-функционального анализа. **Результаты:** доцент Т.Ф. Дмитриева опирается в своих работах на законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации и научные доктрины специалистов по данной теме. На основании анализа монографий «Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Особенности криминалистического обеспечения расследования бизнес-преступлений: теоретический и прикладной аспекты» автор проводит дифференциацию характерных особенностей технико-криминалистического и криминалистического обеспечения осмотра места происшествия и расследования бизнес-преступлений. Рассматриваемые работы обладают новизной, имеют теоретическую и практическую значимость, а полученные результаты позволяют говорить об уникальности исследований. **Выводы:** представленные монографии способствуют развитию криминалистической науки и совершенствованию практики криминалистического обеспечения следственных действий и расследования преступлений. Рецензируемые исследования выполнены на высоком научно-теоретическом уровне с обобщением большого практического материала и представляют собой серьезный шаг в развитии данных научных направлений. Авторские выводы состоятельны, логически обоснованы, а предложения и рекомендации обладают практической значимостью, применимостью и могут быть использованы в доктринальных и практических разработках.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, криминалистическое обеспечение, осмотр места происшествия, следственные действия, расследование преступлений, бизнес-преступления, криминалистические технологии, технико-криминалистические средства.

Цитирование. Рыжик А. В., Бочков А. А. Аннотация на монографии «Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия», «Особенности криминалистического обеспечения расследования бизнес-преступлений: теоретический и прикладной аспекты» Дмитриевой Татьяны Федоровны // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 161–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.24>

Изданная в 2013 году монография Т.Ф. Дмитриевой «Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия» [1] посвящена актуальной криминалистической теме, решению важнейших задач и поиску современных путей борьбы с преступностью путем повышения эффективности расследования преступлений через качественное криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия – первоначального и неотложного следственного действия, часто являющегося единственным источником получения доказательственной информации, способствующей изобличению лица, совершившего преступление. Данная монография является первым комплексным исследованием указанной темы в Республике Беларусь, синтезировавшем разрозненные проблемы нескольких отраслей научного знания криминалистики. Монография включает специальные знания, посвященные организации и проведению осмотра места происшествия, применению современных технико-криминалистических средств с целью обеспечения полноты обнаружения, фиксации, изъятия следов преступления и иных объектов, оценке и контролю результативности применения последних и эффективности технико-криминалистического обеспечения в целом рассматриваемого следственного действия. Рецензируемую монографию отличает глубина исследования теоретических вопросов с изучением 569 трудов белорусских и зарубежных ученых, а также объемность анализа материалов 602 уголовных дел, и анкетирования около 900 сотрудников различных государственных органов Витебской, Минской, Брестской, Гродненской областей Республики Беларусь по вопросам практики технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия за период с 2005 по 2013 год. Прделанная трудоемкая работа автора, имеющего почти 25-летний стаж экспертно-криминалистической деятельности, позволила: 1) выделить теорети-

ко-правовые предпосылки, изучить понятие, содержание и впервые сформировать систему технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия с выделением ее целей, задач и субъектов; 2) исследовать содержание понятия «технико-криминалистические средства», сформировать их авторскую систему и предложить научно-методические рекомендации по применению последних при проведении осмотра места происшествия; 3) предложить концепцию совершенствования практики привлечения специалиста-криминалиста к участию в осмотре места происшествия, а также систему критериев оценки и механизм контроля эффективности технико-криминалистического обеспечения каждого конкретного указанного следственного действия. Научно-обоснованные результаты данного монографического исследования Т.Ф. Дмитриевой внедрены в практическую деятельность Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Управления внутренних дел Витебского областного исполнительного комитета и др., которые способствуют получению полной криминалистически значимой информации о расследуемом преступлении, результативности технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия, минимизации временных и материальных затрат по поиску и реализации возможностей применения технико-криминалистических средств в ходе проведения следственного действия.

В 2016 году вышла в свет вторая монография Т.Ф. Дмитриевой «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия» [2], посвященная одной из актуальнейшей проблеме современной криминалистики: повышению эффективности криминалистического обеспечения борьбы с преступностью. Данная монография автора основана на результатах предыдущего монографического исследования, но значительно модернизирована, осовременена, дополнена тактико-криминали-

стическим и технологическим аспектами, эмпирическими данными о криминалистическом обеспечении осмотра места происшествия с учетом реализации внедренных в практику авторских выводов монографии 2013 года. В рецензируемой монографии в качестве действенного механизма противодействия преступности Т.Ф. Дмитриева впервые предлагает систематизацию знаний о криминалистическом обеспечении осмотра места происшествия, разработку рекомендаций по комплексному использованию знаний специалиста, криминалистических средств, технологий при проведении данного следственного действия, а также оценки и контроля результативности выполненной деятельности с целью ее дальнейшего совершенствования. Уникальной особенностью данной монографии является обстоятельство глубокой комплексной проработки теоретического и прикладного аспектов, в результате которой автором исследованы и решены следующие основные проблемные вопросы: 1) конкретизировано понятие криминалистического обеспечения и впервые сформирована система криминалистического обеспечения осмотра места происшествия с включенными в нее подсистемами теоретических знаний, технико-криминалистических средств и криминалистических технологий; 2) определены направления совершенствования практики привлечения специалиста-криминалиста к участию в осмотре места происшествия; сформированы конкретные практико-ориентированные методические рекомендации по совершенствованию рассматриваемой деятельности; 3) предложены система критериев оценки и механизм контроля эффективности криминалистического обеспечения каждого осмотра места происшествия; 4) обозначены пути повышения эффективности указанной деятельности и впервые представлена авторская структура криминалистической технологии формирования и функционирования 3D информационно-прикладного интерактивного тренажера «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия». Монографию Т.Ф. Дмитриевой «Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия» отличает солидная научная и нормативная база, привлечение большого числа белорусских и зарубежных источников. Осо-

бого внимания заслуживает тщательный анализ значительного объема эмпирического материала (около 687 уголовных дел и опрос 1 625 сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь). Теоретическую и практическую значимость результатов рецензируемого исследования подчеркивают многочисленные акты их внедрения и использования в практической деятельности различных государственных структур правоохранительной системы Республики Беларусь, и учебном процессе различных высших белорусских и зарубежных учебных заведений.

В 2020 году Т.Ф. Дмитриевой осуществлено монографическое исследование «Особенности криминалистического обеспечения расследования бизнес-преступлений: теоретический и прикладной аспекты» [3], которое является составной частью совместных международных научных исследований ученых Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и кафедры уголовного права и уголовного процесса Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, посвященных теоретическим и прикладным аспектам противодействия бизнес-преступности. Заслуживает внимания авторский подход впервые данного понятия и содержания криминалистической характеристики бизнес-преступлений, сущности и особенностей криминалистического обеспечения следственных действий при расследовании бизнес-преступлений. Т.Ф. Дмитриевой выявлены теоретические и прикладные проблемы криминалистического обеспечения бизнес-преступлений, которые представлены во взаимосвязи с другими проблемами уголовного законодательства, что влияет на эффективность противодействия бизнес-преступности и обеспечения экономической безопасности страны. Рецензируемое исследование отличается новизной в силу отсутствия ранее понятия «бизнес-преступления», а соответственно и методики расследования данных преступлений. Поэтому, несомненно, исследование будет полезно не только представителям юридического и экономического направления науки и практики, но и самому широкому кругу специалистов, чья профес-

сиональная или научная деятельность связана с обеспечением экономической безопасности страны.

Вместе с тем нуждаются в дальнейшем исследовании следующие направления: разработка криминалистических технологий обнаружения, фиксации и изъятия разнообразных видов следов; технологий криминалистического обеспечения всех следственных действий и расследования отдельных видов преступлений.

Рецензируемые исследования Т.Ф. Дмитриевой выполнены на высоком научно-теоретическом и практическом уровне и представляют собой серьезный шаг в развитие науки криминалистики в целях развития данных научных направлений. Авторские выводы и заключения логически взаимосвязаны, состоятельны, а предложения и рекомендации автора обладают практической значимостью и применимостью, демонстрируют способность быть использованными как в науке, так и на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева, Т. Ф. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – 303 с.

2. Дмитриева, Т. Ф. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : монография / Т. Ф. Дмитриева ; под науч. ред. Е. И. Климовой. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – 307 с.

3. Дмитриева, Т. Ф. Особенности криминалистического обеспечения расследования бизнес-преступлений: теоретический и прикладной аспекты / Т. Ф. Дмитриева // Бизнес-активность и уголовное право : монография / Г. Ф. Ручкина [и др.] ; под науч. ред. Г. Ф. Ручкиной. – Витебск : ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. – Гл. 5. – С. 181–214.

REFERENCES

1. Dmitrieva T.F. *Tehniko-kriminalisticheskoe obespechenie osmotra mesta proisshestviya: monografiya* [Technical and Forensic Support of the Accident Scene Inspection: Monograph]. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov, 2013. 303 p.

2. Dmitrieva, T.F. *Kriminalisticheskoe obespechenie osmotra mesta proisshestviya: monografiya* [Forensic Support of the Accident Scene Inspection: Monograph]. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov, 2016. 307 p.

3. Dmitrieva T.F. *Osobennosti kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya biznes-prestuplenij: teoreticheskij i prikladnoj aspekty* [Features of Forensic Support for the Investigation of Business Crimes: Theoretical and Applied Aspects]. *Biznes-aktivnost i ugovolnoe pravo: monografiya* [Business Activity and Criminal law: Monograph]. Vitebsk, VSU named after P.M. Masherov, 2020, ch. 5, pp. 181-214.

Information About the Authors

Andrey V. Ryzhik, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Moskovskiy Prosp., 33, 210038 Vitebsk, Republic of Belarus, vsu@vsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-6705-1679>

Alexander A. Bochkov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Dean, Law Faculty, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Moskovskiy Prosp., 33, 210038 Vitebsk, Republic of Belarus, vsu@vsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-5634-3318>

Информация об авторах

Андрей Владимирович Рыжик, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Московский просп., 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь, vsu@vsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-6705-1679>

Александр Александрович Бочков, кандидат философских наук, доцент, декан юридического факультета, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Московский просп., 33, 210038 г. Витебск, Республика Беларусь, vsu@vsu.by, <https://orcid.org/0000-0001-5634-3318>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1358 руб. 36 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1358.36 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LEGAL CONCEPT = PRAVOVAYA PARADIGMA* JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal publishes only original articles.
2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
